

К1304 928

Управление по делам архивов администрации
Вологодской области

Вологодское областное общество историков-архивистов

**ИСТОРИЧЕСКОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ
И
АРХИВЫ**

Выпуск 6

Вологда
2000

Управление по делам архивов администрации
Вологодской области

Вологодское областное общество историков-архивистов

**ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
И АРХИВЫ**

Выпуск 6

Вологда
2000

Историческое краеведение и архивы: Материалы научно-практических конференций, Вологда, 30 октября 1998г., 16 марта 1999г. Вып.6. - Вологда, 2000. 236 с.

Сборник выпущен в честь 80-й годовщины образования архивной службы России. Этому юбилею посвящалась научно-практическая конференция, состоявшаяся 30 октября 1998 г. в Вологде. Широкая тематика научных сообщений, основанных на архивных источниках, продемонстрировала богатую документальную базу вологодских архивов. Докладчиками на пленарном заседании выступили начальник управления по делам архивов администрации Вологодской области О.А. Наумова, доктор исторических наук А.В. Камкин, кандидат географических наук Е.А. Скупинова. В сборник включены доклады и выступления по секциям.

В состав сборника вошли также материалы научно-практической конференции «Источники по истории культуры Вологодского края» (г. Вологда, 16 марта 1999 г.), посвященной 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

В заключительном разделе сборника раскрывается опыт комплектования архивов массовыми источниками личного происхождения по программе «Судьба России в судьбах вологжан».

Редколлегия:

Камкин А.В., доктор исторических наук, профессор, председатель Вологодского областного общества историков-архивистов (отв. редактор).

Голикова Н.И., кандидат исторических наук.

Наумова О.А., начальник управления по делам архивов администрации Вологодской области.

Кожевникова И.А., главный специалист управления по делам архивов администрации Вологодской области.

© Управление по делам архивов администрации
Вологодской области, 2000

© Вологодское областное общество историков-архивистов

Архивной службе
России - 80 лет

О.А.Наумова,
начальник управления по делам
архивов администрации
Вологодской области.

АРХИВНЫЙ ФОНД ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ АРХИВНОГО ФОНДА РОССИИ

Архивный фонд Вологодской области насчитывает около 5 млн.ед.хр. (4.888.544) на бумажной основе и пленочных носителях за период с XV века по 1996 год включительно, из них почти 3 млн.дел хранится в архивных учреждениях областного уровня, что составляет почти двадцатую часть от Архивного фонда РФ. Государственный архив Вологодской области вместе с его филиалом в г.Великом Устюге является одним из крупнейших архивохранилищ России, превосходя по количеству хранящейся ретроспективной информации многие центральные архивы. Хронологические рамки вологодского документального наследия позволяют отнести его к числу уникальных архивохранилищ Российской Федерации, располагающих документацией древнего периода, а именно с 1427 года. В эту немногочисленную группу государственных архивов, хранящих документную информацию XV-XVI веков, входят, кроме вологодских, лишь архивы Тверской, Ярославской, Костромской и Псковской областей, а также архив в древнем городе Угличе. Однако по объему и значимости документальных источников вологодская коллекция столбцов XV-XVII веков превосходит аналогичные коллекции большинства государственных архивов в субъектах РФ, являясь бесценной источниковой базой для изучения истории Вологодского края и Российского государства в целом.

Архивный фонд области - это огромные информационные ресурсы, содержащие сведения о естественных богатствах Севера, социальном и экономическом развитии Вологодчины, о состоянии налоговой, финансово-кредитной и банковской систем, о судостроительстве, международных связях, земельных реформах, о деятельности органов местного самоуправления, о роли и месте Русской православной церкви и ее взаимоотношениях с различными конфессиями в разные периоды истории нашего государства. Архивные документы содержат сведения о развитии культуры, духовно-

нравственном состоянии общества, причинах их подъема и падения. Многие документальные источники, которыми располагают областные архивы и их филиалы, по своему значению являются не только национальным достоянием России, но и мировой истории и культуры в целом. В их числе документы об освоении нашими земляками Аляски и Калифорнии, материалы, связанные с жизнью и деятельностью поэтов К.Н.Батюшкова, С.А.Есенина, Н.А.Клюева, писателей В.Г.Короленко, П.В.Засодимского, изобретателя самолетов А.Ф.Можайского, авиаконструктора С.В.Ильюшина, прославившего Россию первого доктора медицинских наук М.Я.Мудрова, известного математика А.Н.Коркина - ученика П.Л.Чебышева, блестящих представителей философской мысли, ярких публицистов В.В.Берви-Флеровского, А.А.Богданова (Малиновского), Н.А.Бердяева, Н.Я.Данилевского, книга которого «Россия и Европа» является одним из фундаментальных сочинений в русской историко-социологической литературе последних двух столетий, сохраняя свое значение и актуальность благодаря своим обобщениям, оправдавшимся ближним и дальним прогнозам. Ряд документов, в том числе письмо очевидца казни Степана Разина, таможенная книга Великоустюгской таможни 1751 года, эскизы рисунков ситцев устюженских купцов Серебрянниковых внесены в особый реестр уникальных документов России.

Документы дореволюционного периода представлены 831 архивным фондом в составе 599 тысяч единиц хранения. Среди них фонды административно-судебных, полицейских, сословных, хозяйственных и религиозных учреждений, функционировавших на территории нашего края до Октябрьской революции.

Одним из богатейших архивных фондов является фонд канцелярии вологодского губернатора (ф.18). В составе фонда отложились указы Сената о повышении государственных сборов с населения, о запрещении продажи на ярмарках крепостных людей, об установлении единой монетной системы в России, циркуляры Министерства внутренних дел, Департамента полиции, постановления губернатора о борьбе с революционным движением, о мерах против стачек и забастовок, о закрытии в Вологде общества «Помощь» в 1907 г., переписка о забастовках рабочих Вологодской губернии. Значительную группу дел составляют розыскные циркуляры Департамента полиции, ведомости, личные дела лиц, состоявших под надзором полиции в Вологодской губернии за 1823-1916 гг., в том числе Н.И.Надеждина, В.И.Соколовского, В.Г.Короленко, Н.Е.Попова-Введенского, Г.А.Лопатина, Н.Е.Федосеева,

И.А.Саммера, А.В.Луначарского, Д.З.Мануильского, Я.Ф.Дубровинского, В.Н.Подбельского, И.Т.Фиолетова, П.А.Джапаридзе, М.Ф.Шкирятова, И.В.Джугашвили (Сталина), В.В.Воровского, О.А.Варенцовой, М.И.Ульяновой.

Большой интерес представляют обзоры Вологодской губернии за 1878-1914 гг., ведомости о количестве населения в губернии, о численности податных сословий за 1841-1842 гг., списки населенных мест и отчеты о количестве населения в городах за 1854-1855 гг., сведения о введении городского положения, о ходе судебной реформы 1864 г. в северо-восточных уездах Вологодской губернии, циркуляры и переписка с Министерством внутренних дел о применении положения о земских учреждениях, об открытии земских учреждений в Вологодской губернии в 1870 г., журналы заседаний земских собраний, ведомости обложения населения земскими повинностями, списки лиц, имеющих право избирать органы земского и городского самоуправления, циркуляры губернатора и переписка о выборах в Государственную думу, списки выборщиков и биографии членов думы, избранных от Вологодской губернии. Среди документов данного фонда - сообщение о церковной службе в честь победы А.В.Суворова над французским войском в ходе Итальянского похода в 1799 г., списки французских военнопленных за 1807-1808, 1813-1814 гг., сведения о сборе ратников в подвижное ополчение, формулярные списки ополченцев за 1855 г. История транспорта представлена отчетами о развитии речного судоходства, сведениями о числе частных верфей и судов, построенных на верфях Вологодской губернии. Сохранились отчеты об исследовании и описании Северной Двины и Сухоны за 1875 г., материалы об отводе земли для строительства железной дороги Ярославль-Вологда.

Крупный массив документов фонда канцелярии вологодского губернатора посвящен истории развития кустарных промыслов. В их числе рапорты волостных правлений о крестьянах, занимающихся кустарными промыслами, переписка о высылке кустарных изделий для кустарно-промышленных выставок в Петербург, Казань, Ростов, Саратов, в Московский торгово-промышленный музей. Имеются сведения о награждении кустарей Вологодской губернии в 1891 г. на Брюссельской и в 1894 г. на Чикагской выставках, о передаче в 1890 г. Чешскому королевскому музею предметов кустарной работы вологодских мастеров. Достаточно подробно документы фонда освещают историю народного образования в губернии, развитие культуры и искусства.

Фонды Вологодского губернского присутствия, уездных съездов и земских начальников (46 фондов) содержат журналы заседаний и определения губернского присутствия за 1895-1916 гг., отчеты о деятельности земских начальников, дела о выкупе и переделе земли, о разделе имущества, о переселении крестьян в другие губернии, жалобы крестьян на отобрание земли, незаконные действия волостных властей, дела о сдаче в аренду земельных участков, ходатайства крестьян об уменьшении выкупного долга, об аренде земли и др. Документы данных фондов служат хорошей источниковой базой по изучению столыпинской аграрной реформы.

Учреждения местного городского, земского и сословного самоуправления представлены фондами Вологодской губернской земской управы (ф.34), губернского земского собрания (ф.33), уездных земских собраний (фф.39, 40, 43, 1011, 1171), уездных земских управ (фф.46, 49, 50, 54, 912, 913, 1014, 1176), городских дум (фф.476, 881, 918, 1064), городских управ (фф.475, 480, 877, 909), Вологодского губернского предводителя дворянства (ф.31), Вологодского дворянского депутатского собрания (ф.32), уездных предводителей дворянства (фф.85, 708, 744, 914, 915, 916, 1020), дворянских опеков (фф.86, 87, 88, 89, 957, 958, 959, 1033), которые содержат ценную информацию о состоянии различных форм землеустройства и землеустройства (помещичьего, государственного, крестьянского) после реформы 1861 г., о положении крестьян, о росте капитализма в сельском хозяйстве, о развитии кустарных промыслов, о содержании школ, больниц и состоянии земской медицины, об организации ветеринарной помощи, о страховании имущества, о развитии городов, о составе городского и сельского населения, о налоговом обложении, о состоянии городского хозяйства, железнодорожных, водных и шоссейных путей сообщения.

Большую группу составляют документальные материалы о деятельности непосредственно земских учреждений. Достаточно подробно освещается состояние маслоделия в губернии. Имеются сведения о вывозе масла на внутренний и заграничный рынки, об участии вологодских маслоделов во всероссийских выставках, о состоянии животноводства в губернии, развитии льноводства.

В фонде Вологодского губернского земского собрания сохранились переписка о строительстве железных дорог на территории губернии, отчеты об исследовании бассейнов рек Печоры и Оби, Лежи и Монзы, описание Мариинской водной системы и Северо-Екатерининского канала, план строительства на 1917 г. новых и перестройки старых водных путей по России, в том числе в

Вологодской губернии, сведения о ярмарках, торговых заведениях в городах и уездах губернии, о благоустройстве городов, ремонте дорог, строительстве зданий.

В фондах земских учреждений отложилась информация об открытии начальных приходских училищ, профессиональных школ, Вологодского реального училища, учительского института, об устройстве кинотеатров в г. Вологде, о праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г., 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости (1911 г.), 100-летнего юбилея со дня рождения А.С.Пушкина (1899 г.), об увековечении памяти И.А. Гончарова (1910 г.), М.В.Ломоносова (1911 г.), о сборе средств на сооружение памятника Т.Г.Шевченко в Киеве (1911 г.).

Среди учреждений суда и прокуратуры следует выделить такие крупные архивные фонды как Вологодская палата гражданского суда (ф.178), палата уголовного суда (ф.177), палата суда и расправы (ф.844), верхний земский суд (ф.832), верхняя расправа (ф.857), Вологодская палата гражданского и уголовного суда (ф.169), Вологодский окружной суд (ф.179), Череповецкий окружной суд (ф.922), Вологодский губернский прокурор (ф.806), прокурор Вологодского окружного суда (ф.180), прокурор Череповецкого окружного суда (ф.923), Вологодский губернский магистрат (ф.833), в которых сосредоточены сведения о земельных спорах между помещиками и государственными крестьянами, о самовольных порубках и расчистках крестьянами казенных и помещичьих лесов, книги записи купчих крепостей на крепостных крестьян, о побегах крепостных крестьян от помещиков, с каторги, о неподчинении отдельных крестьян местной власти, о незаконных сборах податей и другие материалы судебного характера.

Значительную часть архивных фондов составляют жандармские архивы, так как уже в первой половине XIX века Вологодская губерния стала местом ссылки политических противников царизма. Многие известные деятели революционного движения побывали в вологодской ссылке.

Наиболее значимыми по составу и объему информации среди жандармских архивов являются фонды Вологодского губернского жандармского управления (ф.108), помощников начальников губернских жандармских управлений Вологодской (ф.109) и Новгородской (ф.1219) губерний, Вологодского полицмейстера (ф.129).

Архивы жандармерии и полиции содержат информацию о политической ссылке с 1830 года по 1917 год, о деятельности социал-демократических организаций на территории Вологодской

губернии, о революционном движении рабочих, крестьян, учащейся молодежи, солдат, о деятельности профсоюзных, кооперативных и других обществ.

В числе документов, характеризующих политическую ссылку, имеются правила содержания ссыльных лиц в тюрьмах за 1885 г., циркуляры Департамента полиции об организации в Париже «Общества активной помощи политическим каторжанам и ссыльным» (1912 г.), постановления, протоколы жандармов об арестах и производстве обысков у политических ссыльных, наблюдательные дела и справочные листки на политссыльных, донесения, рапорты полиции о революционной деятельности политических ссыльных по организации нелегальных собраний, митингов, об издании и распространении листовок, перлюстрированные письма политссыльных со сведениями о тяжелых жизненных условиях в ссылке, о деятельности колоний политссыльных, о партийном и классовом составе колоний, списки политических ссыльных, отчеты, сводки местной жандармерии по наблюдению за деятельностью нелегальных местных организаций.

Наиболее многочисленную группу в составе жандармских и полицейских фондов составляют личные и наблюдательные дела на лиц, состоявших под гласным и негласным надзором полиции в Вологодской губернии, в том числе на Н.Ф.Агаджанову (Шутко), А.Я.Аросева, В.В.Воровского, П.А.Джапаридзе, И.В.Джугашвили (Сталина), Н.Е.Федосеева, В.К.Вольского, В.А.Карпинского, В.А. Русанова, М.И.Ульянову, Б.В.Савенкова и других представителей различных партий и политических движений.

Ценнейшей источниковой базой по истории Вологодской губернии, развития различных отраслей хозяйства служат документы фондов учреждений статистики и учета, финансово-налоговых учреждений. Журналы заседаний губернского статистического комитета (ф. 17) сохранились за 1835-1883, 1888, 1894-1896, 1898 годы. Обзоры Вологодской губернии представлены в этом фонде за 1880, 1908, 1917 годы. Разнообразны сведения демографического характера: о количестве и движении населения, о числе жителей по губернии с указанием пола, национальности, сословной принадлежности, ведомости о числе ссыльнопоселенцев в губернии за 1907 г., о числе умерших и родившихся и др. В указанных фондах отложилась также информация о земских сборах, доходах и расходах по городам, ведомости о числе фабрик и заводов в губернии и выработанной ими продукции, о сыроваренных и маслодельных заводах, сведения о промышленности г.Волог-

ды, о числе ремесленников по видам ремесел, о развитии судоходства в губернии.

Фонды органов управления земельными имуществами и сельскохозяйственных учреждений характеризуют поземельное устройство различных категорий крестьян, дают возможность проследить изменения в крестьянском землевладении за ряд лет. Имеются документы о замене общинной формы владения подворной, сведения о семейных разделах земли, об оценке крестьянских земельных участков, жалобы крестьян на малоземелье и прошения об отводе дополнительных участков земли. Интересны материалы об участии в Московской этнографической выставке в 1867 г. депутата от губернского статистического комитета капитана второго ранга А.Ф.Можайского, об участии представителей Вологды в Новгородской хозяйственно-промышленной выставке в 1876 г., во Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве в 1879 г. и во Всемирной выставке в Париже в 1878 г.

Документы фондов учреждений промышленного и строительного надзора, промышленных предприятий и транспорта освещают вопросы развития капиталистической промышленности, содержат экономическую и техническую характеристику предприятий, сведения о постройке и ремонте фабрик, заводов, казенных зданий и дорог, данные о количестве предприятий и числе рабочих на них, о размере заработков рабочих, о несчастных случаях с рабочими на производстве, жалобы рабочих за 1911-1916 гг. Значительная часть документов в этих фондах посвящена деятельности казенных солеваренных заводов. Среди них - сведения о количестве добываемой соли, об использовании рассольных ванн для лечения, о применении на Леденгском солеваренном заводе опыта парового отопления солеварен и о постройке фабрики по изготовлению поташа. В фонде старшего фабричного инспектора Вологодской губернии (ф.655) сохранились семейные списки мастеровых и рабочих .

Большой интерес представляют обзоры судоходства на водных путях Вюртембергско-Онежского участка, материалы об отводе земли для перекопов между Валдайским и Царскосельским, Казанским и Вологодским шлюзами, о состоянии горизонта воды Малой Северной Двины и Сухоны, о времени вскрытия рек Мезени, Печоры и Емцы, об исследовании порогов реки Онеги от г.Каргополя до губы Белого моря, о производстве изысканий на реке Ваге у г.Шенкурска для укрепления берега реки, о расчистке каменных переборов на Северной Двине и др.

Источниковая база по истории православия в вологодских архивах за дореволюционный период представлена хорошо сохранившимся и богатейшим по составу и содержанию комплексом документов за 1654-1918 годы. В его составе 41 архивный фонд и более 63 тыс.ед.хранения, что составляет десятую часть всего объема документальных материалов досоветской истории.

Богаты дореволюционные архивы материалами по краеведению, о развитии народного образования, здравоохранения и культуры, многие из которых отложились непосредственно в фондах учебных заведений, учреждений здравоохранения и культуры.

Трудно переоценить значение хранящихся в вологодских архивах источников послеоктябрьского периода, раскрывающих экономическое состояние нашего края, развитие промышленности, сельского хозяйства, землепользования, жилищного строительства, здравоохранения, народного образования, культуры и науки в первые годы советской власти, в период сталинских пятилеток, в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период и далее, по 1996 г. включительно.

С передачей в систему государственной архивной службы области в конце 1991 г. партийного архива Вологодского обкома КПРФ Архивный фонд области увеличился более чем на 700 тыс. дел, пополнившись ценнейшими документальными источниками за 1917-1991 годы по всем направлениям общественно-политического и экономического развития Вологодской области.

Документы Архивного фонда области постоянно востребуются обществом в самых различных целях. Особенно активно ретроспективная информация используется на переломных моментах истории, когда идет поиск наиболее правильных путей развития общества. Используются архивные документы и при решении конкретных практических задач. Например, в 30-е годы первостепенное значение имела работа архивов для нужд социалистического строительства. В те годы вологодские архивисты выявили огромный объем информации, характеризующей естественные богатства Севера, земельные и лесные ресурсы, которая была использована плановой комиссией Севкрайисполкома при разработке 5-летних планов развития края. В годы Великой Отечественной войны по указанию правительства архивы работали по выявлению сведений, способствующих организации деятельности каждого региона как самостоятельного организма, ввиду разрыва традиционных экономических связей, вызванного условиями военного времени. С помощью архивной информации в послевоенный период были восстанов-

лены сотни промышленных объектов, памятников архитектуры, истории и культуры.

Не утратили своего практического значения архивные документы и сегодня. Постоянная и разносторонняя востребованность архивов обществом, органами власти и управления, гражданами проявляется во все возрастающей активности информационной деятельности архивных учреждений. Вологодские архивы ежегодно предоставляют органам государственной власти, учреждениям и предприятиям до 500 информационных документов по самым различным вопросам. На основе архивной информации работники архивных учреждений области ежегодно выдают до 10 тысяч и более архивных справок, необходимых гражданам для реализации и защиты их социальных прав, публикуют сборники документов, десятки статей и подборок документов в центральных и местных средствах массовой информации, организуют многочисленные выставки по истории края, экскурсии и школьные уроки, читают лекции в школах и других учебных заведениях, обслуживают в читальных залах от 800 до 1000 человек исследователей, в числе которых ученые, аспиранты, студенты, краеведы, музейные и библиотечные работники, представители органов власти и управления, хозяйственные руководители, писатели, иные категории населения РФ, а также иностранные граждане.

Архивы подобно зеркалу отражают свидетельства прошлых административных и политических решений и действий, которые оказали влияние на развитие всех сфер жизни. Вологодское документальное наследие, среди аналогичных архивных комплексов субъектов Российской Федерации, относится к числу наиболее значимых как по времени происхождения, так и по объему и содержанию входящих в его состав документов. Сохранить это документальное наследие в полном объеме, создать необходимые условия для его дальнейшего пополнения и активного использования в народнохозяйственных, культурных и научных целях - важная государственная задача, так как существование архивов является надежной гарантией того, чтобы память народа оставалась живой, знающей правду и подлинных героев. Без такой памяти не может достоверно освещаться история государства, как не может быть и самого государства.

**I. Малоизвестные
страницы истории
в документах**

**XVII -
первой половины XIX
веков**

А.В.Камкин,
доктор исторических наук,
профессор Вологодского
государственного педагогического
университета

СЕЛЬСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОГО СЕВЕРА XVIII-XIX ВЕКОВ

Сельский приход Русского Севера как феномен духовной культуры исследован недостаточно и неравномерно. Серьезное внимание к нему в научной литературе и публицистике отмечалось лишь с последних десятилетий XIX века. Изучение истории сельского прихода пошло тогда двумя направлениями: путем фундаментальных исследований и средствами местного историко-церковного краеведения.

Итогом усилий первого направления стало формирование общей концепции генетического родства земского и приходского устройства на Севере, где доминировало чернососноно-государственное крестьянство с высокой степенью личной свободы и самоуправления. Однако, очевидно, что эта концепция строилась преимущественно на материалах XV-XVII веков. Развитие северного сельского прихода в XVIII-XIX веках было очерчено схематично. Второе направление оставило после себя статьи и брошюры с добросовестными сведениями об истории и состоянии приходских храмов, приходских традициях и клире.

В итоге достижения дореволюционных историков имели свои пределы. История северного прихода XVIII-XIX веков так и не была освещена в должной мере, а выявление и осмысление источников остановилось в самом начале. Это не лучшим образом сказалось на дальнейшем осмыслении строя духовной жизни самобытного региона России.

После революции тема сельского прихода не представляла самостоятельного научного интереса для двух-трех поколений историков. Тем не менее, - как это ни парадоксально, - работы по истории северного крестьянства, исторической географии и демографии региона, достижениям и традициям народной культуры, эволюции крестьянских настроений, правосознания и правотворче-

ства, а также издание некоторых массовых источников по истории Русского Севера XVIII-XIX вв. позволяют ныне реконструировать состояние и жизнедеятельность приходских сообществ с более полным, нежели ранее, учетом всех факторов конкретно-исторической региональной среды.

Возвращение темы идет как путем конкретно-исторических исследований, так и путем поиска общей концепции прихода как особого очага духовной культуры российской провинции. Именно последний из указанных аспектов и положен в основу доклада. Период XVIII-XIX веков привлек наше внимание прежде всего потому, что в то время сельский приход являлся самым устойчивым крестьянским и церковным сообществом и наиболее полно раскрылся как особое явление в духовной культуре Севера России.

***

К началу XVIII века на территории 15 уездов Европейского Севера России насчитывалось 1,5 тысячи сельских православных приходов, к началу XX века - 1,6 тысячи. Несомненно, они были самыми распространенными крестьянскими сообществами. Как видно из приведенных цифр, приходская система характеризовалась стабильностью.

В ходе земледельческой колонизации Севера и оформления рисунка расселения сложились различные размеры сельских приходов и варианты их внутренней топографии. Примерно треть приходов начала XVIII века насчитывала более 1000 прихожан обоого пола и всех возрастов. Это были наиболее крупные приходы густонаселенных районов Русского Севера (Подвинье, Устюжский край, земли вдоль Сухоны и Вычегды).

К среднему типу приходов можно отнести те, в которых насчитывалось от 500 до 1000 прихожан. Они составляли около 40 процентов от общего количества приходов XVIII века. Они преобладали в центральных районах Севера, в Подвинье, в Коми крае. Менее трети крестьян проживали в малых приходах, в которых прихожан насчитывалось менее 500. Такие приходы фиксируются в местах нового заселения, на путях миграционных потоков, в глухих уголках Тотемского, Вельского, Устюжского, Яренского уездов. Таким образом, налицо многовариантность приходских масштабов. В XVIII и XIX веках государственная власть предпринимала некоторые усилия по унификации параметров сельских

приходов, но ни один из северных епископов даже не попытался хоть как-либо реформировать сложившуюся систему приходов.

Упомянутая многовариантность опиралась на представления самих крестьян об оптимальном размере прихода: количество прихожан не имело для них решающего значения, в первую очередь важны были близость храма, удобство сообщения с ним. Иными словами, во взглядах крестьян на оптимальные размеры приходов доминировали духовные аргументы.

Многовариантность становилась важным фактором, позволявшим каждой территории, даже самой малой, на равных включаться в церковный организм. Для такого региона, как Русский Север, с его чрезвычайно низкой плотностью населения и растянутыми коммуникациями, это имело важное значение для ощущения духовного единения Поместной церкви.

В приходах, исторически тяготевших друг к другу, как правило, присутствовали все типы православных храмоименований: господские, архангельские, богородичные, пророческие и апостольские, а также освященные во имя святых или святынь (например, во имя чудотворных икон). Так, в рамках сравнительно небольшой локальной территории возникал законченный перечень храмоименований, отражавший иерархию фундаментальных ценностей Православия.

В пределах таких неформальных церковных округов народное мнение выделяло приходы материнские и дочерние. Первые отличались не только древностью, но нередко и наличием особо почитаемых икон или святынь. Взаимосвязь приходских храмоименований роднила приходы и создавала особую сакральную географию, придающую северорусскому пространству православную наполненность и духовные ориентиры.

***

Приходская жизнь придавала обжитой территории свой неповторимый образ. Прежде всего, возникал сакральный центр приходского пространства. Он был представлен комплексом приходских храмов, площадью перед ним и кладбищем. Чаще всего храмовый комплекс состоял из холодного (летнего), теплого (зимнего) храмов и колокольни. Холодный храм, просторный и высокий, составлял главное украшение прихода и одновременно был основ-

ной вертикальной доминантой в облике села, да и всей округи, на много верст.

Свидетельствами живой веры покрывалась и вся территория прихода. Самое широкое распространение получила практика сооружения часовен - малых, безалтарных церквей. На территории северных приходов ставились также поклонные, обетные и памятные кресты. Их можно было встретить на околице деревни, у перекрестков, в поле, у ключа с целебной водой. Был и обычай ставить у таких крестов иконы, возжигать свечи и служить молебны. Обжитое пространство становилось освященным.

***

В середине XVIII века один священник приходился в среднем на 800 человек обоого пола и всех возрастов. В сельских приходах складывались многопоколенные династии духовенства. Чаще всего сельский приходской священник Русского Севера XVIII века служил на одном месте всю жизнь. Наши подсчеты говорят, что лишь около 10-13 процентов перемещений сельских священников было вызвано церковно-административным вмешательством. Семейственность и передача должности по наследству с пониманием воспринимались окружающим крестьянским миром. В этом был порядок, понятный всему деревенскому образу жизни, и он сближал жизненный круг крестьянина и сельского священника, пастыря и паству. Многолетнее и многопоколенное служение на одном приходе было сродни самому понятию «пастырства» - своеобразного духовного отцовства.

Лишь к концу столетия, после того, как в полную меру развернули свою деятельность Вологодская, Великоустюжская и Архангельская семинарии, архиереи при назначении на должность стали руководствоваться, прежде всего, принципом «учености» кандидата в священнический сан, рукополагать и переводить с места на место священников по своему усмотрению. В XIX столетии эта тенденция победит окончательно.

Источники выделяют несколько широко распространенных типов приходских сельских священников: а) пастыри-молитвенники, подававшие пример чистой веры, простоты, незлобивости, кротости; б) пастыри-просветители, обладавшие даром проповедничества, миссионерства, охотно иницирующие внебогослужебные собеседования; в) пастыри-«владыки», активно участвующие в

делах волости, наставляющие крестьян в социальном служении и мирском самоуправлении.

***

В пределах прихода существовали условия для особого единения - молитвенно-литургического. Наиболее сильно оно проявлялось, осознавалось и переживалось во время двенадцатых и престольных праздников, канунов, общих молебнов и крестных ходов, а также в дни постов.

В дни пасхальных, двенадцатых и престольных праздников праздник как бы делился на две части - молитвенно-литургическую (происходящую в храме) и празднично-народную (ярмарка, гулянье, гостьба). Впрочем, и это разделение было относительным, поскольку существовал обычай приглашать священника в тот день служить молебен в домах (особенно у зажиточных крестьян). Иконы святого, чья память так отмечалась, особо украшались, в лампы наливалось новое масло. Одним словом, религиозная основа общения в престольный праздник поддерживалась и за порогом храма.

Популярными оставались и часовенные празднования (братчины, поварки, кануны). Перед праздником варилось пиво. Это пиво имело название ко дню праздника - никольское, егорьевское, ильинское. Иногда пиво именовали «обещанным» (обетным) или «молебным». Котлы, в которых варили пиво, были общей собственностью прихожан и хранились в храме. В день праздника в часовне служили молебен, после чего освящали пиво, мед, пироги и прочее и все это предлагалось для угощения всем желающим. Здесь же могли разбираться семейные ссоры, проступки, давние обиды. Канун превращался в братскую трапезу.

В некоторых землях был обычай, когда каждая деревня прихода имела в приходском храме свою икону. Жители деревни заботились о ней, украшали ее, собирали деньги на общую свечу, зажигаемую перед иконой в дни праздников. Вероятно, в дни канунов (братчин) эти иконы крестным ходом переносились в деревенскую часовню.

Календарь престольных праздников равномерно охватывал полный годичный цикл. Во все времена у крестьян соседних приходов всегда был повод приехать друг к другу в гости. К хозяйственным, торговым и родственным связям добавлялась еще

одна форма общения - празднично-литургическая и духовно-религиозная.

***

Очевидно, что роль в делах прихода, в богослужении и духовном просвещении во многом зависела от пола и возраста прихожан. Свое место в религиозно-обрядовой жизни прихода имели холостяки и старые девы. Влиятельную группу прихожан могли составить крестьяне-вкладчики. Грамотные крестьяне участвовали в проведении богослужения, читая по благословению священника Псалтырь, помогали переписать и выучить молитву неграмотному. Широко был распространен обычай домашнего чтения вслух душеполезных книг. В XIX веке грамотные и наблюдательные прихожане будут привлекаться к составлению приходских летописей.

Наличие в рядах прихожан грамотеев и книжников показывает, что и вне храма шел процесс освоения и усвоения основ веры. Всегда находились люди, пытающиеся самостоятельно разобраться в простых и сложных ее вопросах. Нередко они становились стихийными катехизаторами. Выявлялась, таким образом, группа прихожан, готовая компенсировать недостатки пастырского воздействия, взять на себя часть пастырских функций.

В рамках прихода формировался живой опыт социальной диаконии (микродиакония), многие грани которой были органически связаны с внутренними, духовными ценностями православного крестьянства. Она была представлена, главным образом, тремя векторами: а) диакония-компенсация (помощь обедневшему крестьянину-соседу, погорельцам и т.п.); б) диакония-ориентация (наставление в предстоящих действиях, коллективное чтение вслух душеполезной литературы); в) диакония-предотвращение (разнообразные виды помочей).

Важной заслугой сельского прихода в XIX веке стало создание массовой крестьянской начальной школы и приходских библиотек.

Большим уважением пользовались те из прихожан, которые постоянно оказывали помощь нищим. В народном понимании сочувствие слабому, больному и нищему считалось богоугодным делом. Нищие и немощные взывали о помощи на паперти приходского храма - приход сюда был своеобразным знаком о крайней степени нужды. В некоторых домах имелось отдельное помещение

для нищих. Там топилась печь, стоял стол с самоваром, по стенам располагались лавки. Здесь можно было переночевать, а то и пожить несколько суток. Нищим давали немного денег, старые, но чистые вещи, а также хлеба в дорогу. Нищих было принято приглашать на поминальные трапезы и одаривать деньгами, оставшимися после умершего. Их просили помолиться об упокоении души усопшего. Фиксируются случаи, когда крестьяне за свой счет погребали умерших нищих и делали по ним поминки.

***

Подведем предварительные итоги. Прежде всего роль прихода состояла в том, что он вводил каждого крестьянина во всю полноту жизнедеятельности Православной церкви: как в функционирование ее институтов (внешнюю, организационную сторону Церкви), так и в богослужебную, сакральную жизнь (внутреннюю, мистическую сущность Церкви), соединявшую каждого прихожанина с духовной традицией Вселенского Православия. В пределах прихода рождались только ему присущие цели (например, душепопечительство, тайносовершительство), специфические функции (например, катехизация), формы общения (например, богослужение, православные праздники, молебны). Важно и то, что приход вносил в жизнь северной волости - мира ощущение духовного единения, закреплявшего привычную кооперацию труда и социальных акций.

Православный приход представляет собой самостоятельное и самоценное духовное начало, роль которого в этом качестве в XVIII-XIX веках в связи с ослаблением роли монастырей явно возрастала.

Н.А.Белозеров,
преподаватель гимназии №2
г.Вологды

СТАВЛЕННИЧЕСКИЕ И СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА
ВОЛОГОДСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛИТЕТА ПРИХОДСКОГО
ДУХОВЕНСТВА XVIII ВЕКА

«Менталитет» - одно из наиболее часто употребляемых в последние годы в отечественной исторической науке понятие. И, в то же время, одно из наименее определенных и многозначно трактуемых.

Опыт работы с источниками и соответствующей литературой позволяет нам определить «менталитет» как совокупность бессознательных, а, значит, не выраженных прямо (вербально) установок, определяющих поведение человека и его отношение к происходящим во внешнем мире событиям.

Таким образом, сложность работы исследователя менталитета какого-либо сословия заключается в необходимости выявлять скрытый смысл в источнике, причем зачастую не контекстуальный, так как пишущий сам не всегда осознает свои истинные побудительные мотивы. Объясняется это тем, что ментальные установки приводятся в действие автоматически, так сказать, на уровне навыка, обычно не выходя в сферу осознаваемого. Человек знает (скорее даже чувствует), что нужно поступить именно так, отнестись к каким-либо словам и действиям другого человека вполне определенным образом. Внешние воздействия вызывают у него вполне определенные эмоции. Проще говоря, менталитет - это то, что стоит за понятиями «хорошо-плохо», «важно-не важно», «значимо-не значимо».

Задачей исследователя является, в связи с вышеизложенным, выяснить то, о чем источник прямо не сообщает, «разговорить» его.

Имея в виду все сказанное, попробуем рассмотреть, какие возможности дает историку, занимающемуся проблемами менталитета духовного сословия России XVIII века, такой источник как ставленнические и следственные дела Вологодской консистории, хранящиеся в 496 фонде ГАВО.

Изученные нами архивные документы не отнесены, как правило, к категории «особо ценных», т.е. наиболее значимых. Некоторые из дел не востребовались в течение 40-50 лет, в других редкие пометки об использовании разделены 15-20 годами.

Объясняется это тем, что советская историческая наука (в том числе и ее вологодская школа) была ориентирована на изучение социально-экономической или чисто политической истории. А в этом плане использование обозначенных в заголовке источников представляется малопродуктивным. Интерес данные документы могут вызвать лишь у историка, занимающегося бытовой стороной жизни духовенства, либо изучающего церковно-обрядовую его деятельность, либо, как в нашем случае, исследователя, обращенного к проблемам корпоративного сознания (самосознания) духовенства.

Рассмотрим, какие возможности в этом плане представляют выбранные для изучения источники. Обратимся к ставленническим делам. Нами рассмотрено около 80 ставленнических «дел» в основном периодов 1722-23, 1769, 1783 гг. Термин «дело» в нашем случае подразумевает «подшивку» нескольких делопроизводств по конкретным клирикам. В каждом из них, таким образом, собраны решения по нескольким кандидатам на должность священно- или церковнослужителя. В общем виде структура такого индивидуального дела следующая (в порядке ведения производства): прошение кандидата (с пометкой консистории, когда оно поступило), заручный выбор (прошение) прихожан и материалы собственно делопроизводства, в полном виде, включающие в себя «сказку» кандидата (с описанием возраста, происхождения, семейного положения, церковного благочиния и политической благонадежности), справку из консистории о церковных штатах данного прихода и об отсутствии следственных дел с участием данного претендента, «экстракт», содержащий вывод о наличии или отсутствии препятствий к посвящению и, наконец, сведения о производстве в сан (результаты «экзаминации», кто исповедывал, кем и где посвящен). В разных делах могут отсутствовать те или иные элементы (например, заручный выбор или прошение претендента, или «экстракт» для дел первой половины XVIII века и т.п.). Наиболее полные - дела конца века, когда окончательно сложился новый порядок посвящения; наименее - дела до 1723 года, когда делопроизводство шло «постаринке», довольствуясь зачастую лишь прошением кандидата.

Наиболее ценный материал содержится, безусловно, в прошениях кандидата и прихожан. Всего нами подробно изучено свыше

120 подобных документов. Методика нашей работы с делами на предмет выявления «скрытого слоя» представлений заключается в применении частотного анализа, контент-анализа, позиционного анализа и сравнения полученных результатов.

Поясню на примере. И пресвитер, и прихожане в своих обращениях к епископу обосновывают, скажем, право свое (своего избранника) на ту или иную церковную должность. Ряд этих обоснований и его структура позволяют нам выявить круг представлений прихожан и приходского духовенства, связанных с получением этих должностей. Сравнивая все прошения одного года, мы можем выявить лидирующее по частоте упоминаний обоснование (качество) и относительно редкое, а, следовательно, и менее значимое в их глазах. В свою очередь, значимость того или иного аргумента зависит, очевидно, от позиции его по отношению к другим: будучи упомянут «во-первых», аргумент явно выглядит более значимым, нежели обычно называемый «в-последних».

Далее по результатам первичных наблюдений составляются таблицы контент-анализа: по вертикали и по горизонтали откладываются в одном порядке качества-обоснования и изучаются случаи «пересечения», что позволяет выявить наиболее глубокие взаимоотношения между приводимыми обоснованиями, их сгруппированность по какому-либо, понятному только автору прошения, признаку, их «совместимость» в его сознании.

Наконец, сравнение полученных результатов позволяет сделать обоснованные выводы о структуре представлений о праве на должность прихожан и их «духовных отцов».

Проиллюстрируем на делах 1783 года¹. В 24 прошениях прихожан фигурируют следующие положительные качества, определяющие в их глазах право их претендента на должность: право по наследству (на «отцово место»), нравственные достоинства («человек добрый», «доброго (честного) состояния», «непияница», «неубийца», «жития доброго», «добропорядочен», «смирный», «никакого порока не имеющий»), служебные качества (грамотность, «подвижность» к церкви), благонадежность («неподозрительный», «в худых делах не замешан», «на исповеди бывший»).

Применяя частотный анализ, обнаруживаем безусловное лидерство нравственной характеристики (наличествует в 17 из 24 прошений), затем идет наследственное право (12 из 24), указания на благонадежность (9 из 24) и служебная годность (в 7 прошениях - указания на грамотность, в 5 - на религиозность, в 3 - на профессиональную годность).

Далее, для корректировки результатов, проводим оценку позиционного размещения обоснований в характеристиках ставленника. И обнаруживаем, что в делах, где претендент наделен наследственным правом, оно всегда упоминается «во-первых», причем в трех случаях - уникально, т.е. не сопровождается другими («усиливающими») аргументами. Нравственная характеристика «смешана» позиционно с указаниями на благонадежность кандидата. А «служебные» достоинства почти всегда упоминаются в последнюю очередь.

Для дополнения картины составляем таблицу контент-анализа и выясняется, например, что: наследственное право чаще всего (в 8 из 9 случаев) «усиливается» аргументом грамотности претендента; аргумент «человек добрый» не пересекается с другими характеристиками такого же свойства («жития доброго», «добропорядочен»); достоинство «неподозрительности» нигде не соседствует с обоснованиями «смирный», «жития доброго», «добропорядочен». Вышеизложенное дает обширный материал для дальнейших исследований.

Сравнивая результаты различных методик, можно сделать выводы.

Во-первых, в сознании прихожан (а, значит, и приходского духовенства, т.к. именно священнослужители составляли прошения) в 80-е гг. XVIII века продолжает доминировать (как и в начале века) в ряду обоснований права на должность право по наследству. Но! - в силу причин внешнего порядка (а именно, позиции епископа и консистории, требующих полного соответствия претендента должностным требованиям, изложенным в Духовном Регламенте), они вынуждены в большинстве случаев дополнительно аргументировать это право, скажем, указаниями на грамотность (весьма ценное качество в глазах епископа).

Во-вторых, прихожане и клирики не уверены в действенности своих аргументов во мнении епископа, поэтому приводят их много (количественно), разнообразно (все виды обоснований) и беспорядочно (только наследственное право - всегда «во-первых»). Наблюдается некое «смятение умов», что является следствием утверждения новых требований к духовенству в течение XVIII века.

В-третьих, эти новые требования (образованность и политическая благонадежность) в рассматриваемый период все еще не вошли в слой ментальных установок, что объясняет их частотную и позиционную отнесенность на второй план.

Прошения самих ставленников существенно дополняют эту картину. Наблюдается позиционное и частотное доминирование наследственного права (в 10 из 28 прошений), а также наличие многочисленных «апелляций к милости» епископа (также в 10 из 28 прошений) в виде указаний на крайнюю скудость средств, многодетность (многосемейство), а также прямых и недвусмысленных обращений. Например, вдова дьячка просит о назначении на его место тестя «ради трех своих малолетних детей всепокорнейше и слезно» его «высокопреосвященство яко милостивого отца и архипастыря»². Частота подобных апелляций также может быть истолкована как свидетельство «смятения умов» и смены ментальных установок.

Контент-анализ данных прошений также дает любопытный материал. Оказывается, апелляции к милости присутствуют лишь там, где права на место сомнительны: уже наличие выбора прихожан исключает подобные усиления. Наследственное же право по результатам этой методики оказывается подкреплено всем спектром дополнительных доводов, что также свидетельствует об отсутствии уверенности в его значимости.

Наконец, третья часть ставленнических дел, а именно, справка, «экстракт» и материалы производства в сан дают материал о ментальных установках консистории и епископа. И здесь основным методом работы является уже сравнительный анализ (в силу «немногословности» авторов документа и обилия официальных формул). Работа ведется в следующем направлении: выясняется, какими установками движим епископ при назначении на должность. Внешне-формально в качестве препятствий к посвящению приводятся: наличие претендентов-родственников прежнего исполнявшего должность, отсутствие выбора прихожан, неграмотность претендента, несовершенство летами (все перечисленное анализируется при составлении справки). Но отношение к ним епископа неравнозначно: он может посвятить в сан и при отсутствии выбора³, но никогда не посвящает неграмотного или «несовершенного летами». С другой стороны, первое, что рассматривается в консистории - нет ли родственников-претендентов, что свидетельствует о значимости наследственного права и во мнении епископа. Если посмотреть такой аспект документа, как скорость делопроизводства, то, как правило, именно «наследственные» дела решаются быстро (1-2 дня), так же, как и дела высокообразованных претендентов (например, семинаристов философского класса)⁴.

Таким образом, ставленнические дела Вологодской консистории дают богатейший материал для изучения менталитета духовенства XVIII века при их внимательном рассмотрении и использовании вышеуказанных методик.

Для иллюстрации возможности подобного же использования следственных дел рассмотрим дела о недостойном поведении священно- и церковнослужителей на предмет выяснения их отношения к такому широко распространенному пороку как пьянство ⁵.

Наибольшие возможности для выводов о господствующих ментальных установках в среде приходского духовенства дает изучение допросных речей и доношений, на основании которых ведутся дела. Анализ структуры обвинений (в доношениях) позволяет выявить осуждаемое в сознании клира, а анализ структуры оправданий (в допросных речах) дает представление о норме, привычных стереотипах. Рассмотрение же решений по делам показывает, насколько те или иные проступки осуждаются епископом и его окружением и, соответственно, насколько действенны в его глазах приводимые обвиняемым оправдания.

Работая в этом направлении, мы обнаруживаем, что: 1) пьянство имело само по себе широкое распространение и активных попыток борьбы с ним не предпринималось; 2) пьянство как таковое не является тяжким грехом (нет ни одного дела из рассмотренных нами, где обвинение выдвигалось бы лишь по факту пьянства, и ни одного, где наказывались бы священно- и церковнослужители лишь за оное), порочны лишь проступки, совершенные вследствие винопития; 3) пьянство в глазах приходского духовенства является «смягчающим обстоятельством» (не помнил, что творил), и они простодушно признают за собой оное, полагая, что за проступки, совершенные «пьянственным образом» не должно воследовать сурового наказания; 4) подобное отношение к пьянству «поощрялось» светской властью (например, указ Анны Иоанновны о снисхождении к священникам, не отслужившим панихиду по умершим лицам императорской фамилии из-за пьянства) ⁶; 5) однако, в епископском окружении пьянство выглядит явно осуждаемым пороком.

Таким образом, рассмотренные нами дела дают возможность для выводов о господствующих ментальных установках в сознании приходского духовенства и иерархов церкви при предъявлении источнику «правильных вопросов» и всестороннем его изучении. В заключение хотелось бы подчеркнуть необходимость применения

разнообразных методов, т.к. менталитет - слишком сложная и трудноуловимая часть общественного сознания, поэтому первичные выводы приходится неоднократно проверять и перепроверять на другом материале и с другой методикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАВО. Ф.496. Оп.1. Д.3617, 3618, 3620, 3621, 3622, 3623, 3624, 3638.

² Там же. Д.3620. Л.18-19.

³ См. например: Там же. Д.3621, Л.14, 14 об.

⁴ Там же. Д.3618. Л.8, 8 об.

⁵ Там же. Д.2395, 2454, 2397, 2327, 2684.

⁶ Там же. Д.2454. Л.32, 32 об.

Н.В.Алексеева,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
Череповецкого государственного
университета

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРАКТИКИ ЦЕРКОВНОГО ПОКАЯНИЯ

Укорененность и значимость традиции покаяния в среде русского крестьянства XIX столетия очевидна. Однако каждому, кто имел дело с ее изучением, известна проблема выявления источников. Попытаемся определить круг источников, позволяющих представить нам практику церковного покаяния, контроль за ее выполнением, меры воздействия на ослушников, а также отражающих воздействие таинства на духовную культуру прихожан и их отношение к его исполнению.

Документальные источники можно разделить на несколько больших групп:

а) Нормативно-распорядительная документация местных церковных органов. К ней относятся, прежде всего, распорядительные документы епархиальных архиереев, духовных консисторий и духовных правлений: приказы, инструкции, промемории. Значительная их часть дублировала содержание императорских и сенатских указов, а также синодальных распоряжений. Однако для нас в первую очередь интересны те распоряжения, которые отражали самостоятельные решения и реакцию местных церковных органов в ответ на разнообразные запросы крестьянской покаянной практики (внесение решений по наложению епитимий, разрешение на захоронение тел умерших при невыясненных обстоятельствах и др.).

К этой же группе относятся и документы докладного характера: рапорты, донесения, представления, записки и т.д. Как правило, они исходили от поповских старост, заказчиков (XVIII в.), благочинных (XIX в.). Эти документы позволяют увидеть механизмы реализации государственной церковной политики в отношении покаяния, а также уловить отдельные примеры отношения к ней прихожан.

В составе «Дел о наложении епитимий» находились промемории из местного магистрата в консисторию, допросный лист, составленный в консистории, с вынесением приговора о наказании для

исполнения местными органами, доношения с места его исполнения. В некоторых случаях епитимия могла быть сокращена, прервана на какое-то время, либо перенесена для исполнения в другое место. В подобных случаях к делу добавлялось прошение от «епитимейщика» с изложением причин для изменений в исполнении наказания, удостоверенное духовником, призванным следить за исполнением епитимии провинившимся. Случаи, когда консистория принимала решение о наложении епитимий, чаще всего касались неявки на исповедь более трех лет (они часто назывались «Дела о вызове на допрос небывших на исповеди»), любодеяний и прелюбодеяний, уголовных дел, присылаемых из светских судов. Эти дела позволяют разобраться в методах воздействия на «ослушников» со стороны государства и Церкви.

Картину скоропостижной смерти без покаяния помогают восстановить «Дела о погребении мертвых дел». Они дают возможность узнать конкретные условия, при которых умершего разрешалось хоронить по православному обычаю или же предписывалось это делать за пределами церковного кладбища. В «Дела...» входили прошения в консисторию от родственников или близких о разрешении похоронить тело по всем церковным правилам. В них разъяснялись все обстоятельства смерти и сообщалось, когда в последний раз умерший был на исповеди и святом причастии. В делах присутствуют резолюции из консистории, содержащие распоряжение о расследовании обстоятельств смерти на месте с последующим указанием, где и как хоронить ¹.

б) Делопроизводственно-учетная документация прихода. Она представлена комплексом исповедных, алтарных и метрических книг. Комплексное изучение этих документов дает возможность представить практику таинств исповеди и причастия прихожан, контроль за их выполнением, а также то влияние, которое производило само таинство на духовное состояние верующих и их отношение к его исполнению.

Весьма содержательным источником для изучения динамики обращения к исповеди прихожан разных сословий, причин неявки, количества допущенных к святому причастию от общего числа исповедавшихся являются исповедные книги. Этот источник уже неоднократно был в поле зрения исследователей. Одними учеными он рассматривался как источник по демографии и именно в этом аспекте ему давалась источниковедческая характеристика ². Другие видели в нем источник по изучению покаянной дисциплины ³.

Форма внутриприходских именных книг исповедававшихся - духовные росписи или исповедные книги - была введена в 1718

году⁴. Священники обязывались вести учет «небытейщиков», вводилась система денежных штрафов за «небытие на духу» и за сокрытие священниками нарушителей. Первоначально запись велась подворно и деление прихожан существовало только по полу, что составляло первую графу в исповедных росписях. В книгу записывались имена всех членов семьи, включая детей до семи лет, которые не исповедовались, но причащались. Кроме этой графы было еще четыре обязательных: «исповедовавшихся и причастившихся», «исповедовавшихся, а не причастившихся», «неисповедовавшихся за малолетством» и «итога». Пятая графа «неисповедавшихся» вводилась по мере надобности. Неисповедование за малолетством - это была единственная причина неявки на исповедь, которая предопределялась самими исповедными книгами.

Как известно, они составлялись в церквях по каждому отдельному приходу, как правило, в марте - апреле каждого года (в течение Великого поста) в двух экземплярах. Один оставался для хранения в церкви, а другой отсылался в консисторию. На основании данных этих росписей составлялись итоги явки на исповедь по епархии, которые, в свою очередь, отсылались в Синод, где подводились итоги по всем епархиям России.

С 1737 года в духовных росписях появилась новая графа - о сословиях. Население записывалось по семи сословиям - духовные, военные, приказные, разночинцы, посадские, дворовые и поселяне. В это же время вводится деление на возрастные группы: до 7 лет; от 7 до 15 лет; от 15 до 40 лет; от 40 до 50 лет и старше. Однако итоговые данные с делением прихожан на эти пять возрастных групп в исповедных ведомостях Вологодской епархии имеются лишь в ведомостях 1737 года.

В последующее время форма исповедных ведомостей не изменилась. В конце ведомости список прихожан делился лишь по полу и сословиям, указанным в данной ведомости⁵.

Однако исследователи справедливо отмечают, что исповедные книги не позволяют представить исповедную практику за пределами Великого поста, а также могут содержать частично неверную информацию. В этом случае восполнить пробел помогают алтарные книги. Главное их отличие от исповедных книг в том, что они предназначались для внутреннего пользования, хотя их ежемесячное заполнение также контролировалось консисторией. Запись в них велась на протяжении всего года по мере прихода верующих на исповедь, а потом уже все сведения переносились в исповедные росписи в соответствии с требованиями их заполнения - по сословию, по возрасту и полу. Алтарные книги - это своеобразный

годовой календарь-график исповеди. Их данные позволяют судить о том, при каких обстоятельствах, в каком количестве и кто именно прибегал к исповеди в течение всего года.

Алтарные книги содержали ежемесячную запись всех прибывших на исповедь. Рядом с именем исповедующегося должны были быть записаны следующие данные: какой округи крестьяне, к какой категории принадлежали (черносошные, экономические, дворцовые или помещичьи), «как именем, отчеством и прозванием, а особливо, о женском поле - чья именно жена или дочь...»⁶.

Отмечались день и месяц приобщения к Св.Тайнам или ставилась отметка о недопущении к ним. Обязательно записывались имена лиц, свидетельствовавших о приходе на исповедь, и имя священника.

Под ежемесячными записями ставились подписи всего клира. За их отсутствие налагали штраф на членов клира⁷.

Тех, кто исповедывался несколько раз, регистрировали особо и обязательно отмечали «в который раз». Так, алтарные книги позволяют, хотя бы относительно, выявить количество особо благочестивых прихожан в приходе.

Отдельно заносились сведения о прихожанах «из посторонних», которым выдавалось письмо, удостоверяющее «бытие у исповеди и святого причастия», для передачи «своему» священнику. Подобные письма вшивались в конце алтарной книги.

При всех достоинствах алтарных книг они не позволяют проследить те случаи, при которых человек по каким-либо причинам не сумел исповедаться перед смертью. Этот недостаток информации компенсируют метрические книги, также хорошо известные, главным образом в исторической демографии. Нам же они интересны в связи с содержанием раздела «умершие». Там фиксировались все особые случаи скоропостижной смерти: самоубийство, убийство, несчастный случай, быстрая смерть от болезни. Данные метрических книг позволяют определить причину смерти и выяснить, предшествовала ли ей исповедь.

в) Церковные летописи, миссионерские дневники и исторические справки о церквях, наиболее почитаемых иконах и святых подвижниках. В этих документах содержится подробное описание различных событий из жизни прихода и отдельных прихожан, миссионерская деятельность местных священников с комментариями самих священников, данные о религиозных знаниях крестьян. История храмоименования и почитания икон, специфика обращений к местным чудотворным святыням раскрывает историю края и процесс формирования покаянной практики на данной территории.

г) В отдельную группу можно вынести духовные завещания. Для нас важно, что одной из целей духовных завещаний было обеспечение поминовения души завещающего после его смерти или, иными словами, они сохраняли свидетельства об одной из форм покаяния.

Письменные «духовные» чаще всего практиковались в среде дворянства, купечества. В них сообщалась сумма пожертвования Церкви и условия ее хранения и использования. Естественно, существовали различия в размерах пожертвований и условиях их использования.

В крестьянской среде письменные завещания составлялись реже. Но известно, что умирающий считал своим долгом отдать устные распоряжения среди прочих и по данному вопросу.

Содержание духовных завещаний, прежде всего, свидетельствует о глубоком проникновении православия в общественное сознание разных слоев населения. Вклады в монастыри, церкви деньгами и разного рода имуществом отражали стереотип поведения, в основе которого лежало представление о грехе. В основном этот источник выявлен в фондах духовных консисторий и архиерейских управлений.

В заключение хотелось бы отметить, что представленные документы необходимо использовать в комплексе при изучении покаянной практики в среде русского крестьянства. В обратном случае может создаться однобокое или ложное представление об изучаемом предмете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАВО. Ф.496. Оп.1. Д.3191. Л.2.

² Кабузан Б.М. Народонаселение в России в XVIII - первой половине XIX в. М., 1963; Слащев К.Р. Исповедные ведомости (рописи) православного населения России в XVIII-XIX веках и их использование в демографическом анализе // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Вологда, 1989.

³ Островская Л.В. Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861-1904 гг.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С.131-151; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Дис... д.и.н. Новосибирск, 1991; Камкин А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в. Дис... д.и.н. М., 1993.

⁴ Законодательство Петра 1. М., 1997. С.538-539.

⁵ Слащев К.Р. Указ.соч. С.49-50.

⁶ ГААО. Ф.359. Оп.3. Д.114. Л.1.

⁷ Там же. Л.2.

И.А.Земляков,
студент исторического факультета
Вологодского государственного
педагогического университета

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗ ФОНДОВ ГАВО ПО ИСТОРИИ ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ XVIII в.

Мое выступление посвящено первым итогам выявления неизвестных материалов о Ферапонтове монастыре в фондах Государственного архива Вологодской области. В центре этих поисков были источники за период 1700-1764 гг., так как именно эти десятилетия в истории русских монастырей вообще, а Ферапонтова в частности, недостаточно освещены в научной литературе. Просматривался фонд № 496 (Вологодская духовная консистория), опись 1. Выявленные документы по тематике делятся на три группы.

Первая группа - служебная документация и переписка (копии указов Синода и царских грамот, «Книга исходящая монастырей епархии», переписка о мощах и др.).

Вторая группа - документы о «населниках» монастыря (о монахах, служителях и иных лицах, содержащихся в монастыре, их перемещении и содержании, дела о «пришлых» людях и т.п.).

Третья группа - документы о хозяйственной жизни монастыря (дела о взимании продовольствия и денег с монастыря, о мобилизации лошадей в драгунские полки, о хозяйственном положении монастыря и т.п.).

Выявленные источники содержат чаще всего фрагментарную, порой несопоставимую информацию о жизнедеятельности монастыря, с трудом выстраивающуюся в целостную картину. Лишь сведения о личном составе братии могут дать системную характеристику эволюции монастырской корпорации накануне секуляризации. Тем не менее, попытаемся показать возможности использования и интерпретации отдельных документов для реконструкции жизни и быта Ферапонтова монастыря. Остановимся на четырех документах различного вида.

Документ первый - «Тетрадь о сборе денег с вотчин и монастырей на путешествие епископа Амвросия в Санкт-Петербург в 1736г.» Это записи с перечнем монастырей, обязанных внести свою

долю в финансирование поездки вологодского епископа Амвросия в Санкт-Петербург. Поездка епархиального архиерея представляется в качестве общепархиального дела. К нему подключаются ресурсы 20 монастырей. Возможно, что именно эти монастыри рассматривались в качестве наиболее платежеспособных в это сложное для них время: Спасо-Каменный, Спасо-Прилуцкий, Павлов, Глушицкий, Николаевский-Озерский, Спасо-Нуромский, Инокентиев, Ефимьев, Николаевский-Катромский, Печенгский, Лопотов, Рабангский, Подольный, Песочный, Александров-на-Куште, Сямский, Кирилло-Новоезерский, Ферапонтов, Троицкий, Усть-Шехонский, Кирилло-Белозерский.

И в этой связи, по размеру суммы, возложенной на Ферапонтов монастырь, он находится на пятом месте, делит его с Кирилло-Новоезерским. Взнос Ферапонтова монастыря составлял 13 руб.40 коп. Всего собрано 264 руб.37 коп. Больше, чем Ферапонтов, внесли монастыри Кирилло-Белозерский - 105 руб.70 коп., Павлов - 25 руб.96 коп., Спасо-Прилуцкий - 21 руб.30 коп., Спасо-Каменный - 18 руб. 87 коп. При этом доля взноса всех монастырей колебалась в промежутке от 1 руб.50 коп. до 105 руб.70 коп.¹. Таким образом, источник позволяет сделать предположение, что епархиальные власти считали финансовое положение Ферапонтова монастыря относительно благополучным.

Документ второй - «Дело по доношению канцеляристов и сообщениям настоятелей монастырей о «пришлых» людях». Исследователям известно, как трудно обнаружить какую-либо информацию о личности иноков, их жизни до пострижения. Но данный документ позволяет приоткрыть интересные и поучительные страницы жизни одного из ферапонтовских монахов. Приведем фрагмент текста:

«Монах Яков, попов сын, 29 лет от роду, женат не бывал. По обещанию своему, за скорбию* в дому, отлучился. Бродил по монастырям лет с 13-и, а в 1727 г. в марте месяце пришел от Новгородского уезда в Добрынину пустыню, и в той пустыни, по желанию и по прошению своему, строителем, иеромонахом Иларионом, в монашеский сан постригся и жил в этой пустыни годов с пять, а в 1731 г. в сентябре месяце из той пустыни, по прошению его для моления, дали ему паспорт до Соловецкого монастыря, а в 1732 г. в сентябре месяце пришел он для моления в Ферапонтов монастырь...»².

---

* Скорбь - болезнь.

Данные сведения уникальны на фоне угасания практики переходов из монастыря в монастырь в XVIII веке. Известно, что Духовный регламент ее весьма существенно ограничивал. Тем не менее, как показывает документ, обычай этот еще бытовал. Монах Яков как бы включался в общий поток паломничества по знаменитым монастырям России. И важно, что свой опыт паломничества он принес в Ферапонтову обитель.

Документ третий - «Ведомость о количестве хлеба, полученно-го семинарией от монастырей Белозерского уезда» за 1729 и 1731 гг. Годы эти примечательны: именно тогда по всей России шло становление провинциальных духовных школ семинарского типа. Известно, что в 1729 году была возобновлена работа архиерейской школы в Вологде (закрывавшаяся в 1725 году за неимением средств). А в 1731 году школа была преобразована в семинарию. Материальное содержание семинарии стало общеархиальным делом. Источник свидетельствует, что участие в нем принял и Ферапонтов монастырь: в 1729 году он предоставил школе рожь, овес, пшеницу. К 1731 году ассортимент провианта расширился и в семинарию из монастыря привозили рожь, овес, ячмень, пшеницу, горох, семя конопляное, солод, толокно³.

Также в деле по обвинению игумена Варлаама имеются сведения о том, что в 1742 году монастырь поделился с семинарией одной двадцатой своих хлебов⁴. Таким образом, перед нами еще один факт включенности древней обители в важные общецерковные дела.

Документ четвертый - «Дело по обвинению игумена Ферапонтова монастыря Варлаама о служении панихид по умершим царям в нарушение порядка, напечатанного в реестре»⁵. В данном случае мы сталкиваемся с примером доноительства. В деле разнообразные документы: доношения, приказ епископа Пимена о назначении следствия, «очные ставки», допросы, инструкции, тетрадь монастыря об отправлении панихид, императорские указы, печати пищика* и казначея (всего 200 листов).

Игумен Ферапонтова монастыря Варлаам обвинялся в том, что не служил панихид по умершим царям и царицам, либо служил не в те дни, когда следует по реестру «чинить помяновение», либо объединял несколько поминовений на одной панихиде. Это расценивалось как неуважение к особам царствующего дома. К доношению руку приложили 13 человек из братии монастыря. Игумен Варлаам оправдывается тем, что во всех случаях нарушения реестра

---

* Пищик - писец

он либо отлучался из монастыря по хозяйственным нуждам, либо в дни поминовений были великие праздники.

Для разбирательства на месте в Ферапонтов монастырь выехал чиновник из Вологодской духовной консистории. Там он проводил «очные ставки» всех доносчиков с игуменом Варлаамом по основным пунктам. Интересен тот факт, что все доносчики и сам игумен ссылаются на двух людей - иеромонаха Геннадия и пономаря Варлаама, которые, в свою очередь, ничего «подлинно не упомянут».

Примечателен материал и тем, что он содержит редкие сведения о внутренней жизни монастыря. Например, можно увидеть, что имело место некоторое пренебрежение высокотожественными днями в среде монахов, а значит, и в среде прихожан. Игумен Варлаам рассматривает свои отлучки по хозяйственным нуждам монастыря в такие дни, как вполне уважительные.

Материал также позволяет увидеть, что внутримонастырская субординация была строго соблюдается. Хотя монахи и советуют игумену придерживаться предписаний реестра, но все окончательные решения принимает он, как глава обители. В день поминовения Петра I и Петра II игумен сказал братии в ответ на их речи о том, что неприлично в такой великий день наказывать портного: «Не такой и великий день, а вора - бить!». Причем бить «плетьюми жестокими до крови» перед игуменской кельей. Здесь прослеживается обычай, дошедший с древнейших времен, когда провинившегося секли плетьюми на лобном месте - будь то княжеские, боярские или царские хоромы, на площади и прочих людных местах. Игуменская же келья занимала важное место в топографии монастыря.

Следует отметить, что традиции общежительного монастыря в Ферапонтовской обители в это время были уже значительно ослаблены: случаи, когда братия обедала совместно, после литургии, оговариваются на «очных ставках» особо.

Так в чем же причина этого доноса? Очевидно же, что и сами доносчики нарушали высокотожественные дни и причем неоднократно. На мой взгляд, в этом деле есть момент личной обиды и мести со стороны иеромонаха Иосафа Шелепина, зять которого и был бит по приказу игумена. Но главное, вероятно, в том, что инициаторы дела были уверены, что подобные обвинения немедленно приведут к отстранению игумена Варлаама, как это и бывало по доношениям о «слове и деле» в 1740-е годы. Но они ошиблись - время было уже другое, елизаветинское, и порочная практика бироновщины ушла в прошлое, хотя и оставила даже в сознании монашествующих свои недобрые следы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАВО. Ф.496. Оп.1. Д.1182. Л.14, 24, 34.

² Там же. Д.1072. Л.22-27.

³ Там же. Д.1301. Л.1-2.

⁴ Там же. Д.1396. Л.18.

⁵ Там же.

И. Н. Тяпин,
аспирант кафедры отечественной
истории Вологодского
государственного педагогического
университета

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВОЛОГОДСКОМ КРАЕ В ФОНДАХ ГАВО

Старообрядчество на Вологодчине получило определенное распространение с середины XVII века¹ и было, в особенности в конце XVIII - середине XIX веков, довольно заметным явлением в общественной жизни края. Поэтому прошлое местного старообрядчества нашло свое отражение во множестве документов, хранящихся как в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, так и в Государственном архиве Вологодской области.

Документы фондов ГАВО, содержащие информацию о тех или иных характеристиках вологодского старообрядчества, охватывают период с 1705 по 1917 год. Основной комплекс составляют: материалы ф. 496 (Вологодская духовная консистория), ф. 18 (Канцелярия вологодского губернатора), ф. 265 ВУФ ГАВО (Велико-Устюжское православное Стефано-Прокопьевское братство). Небольшие группы документов выявлены также в ф. 1 (Вологодский городской магистрат), ф. 129 (Вологодский полицмейстер), ф. 248 (Вологодский земский суд), ф. 688 (Тотемский земский суд), ф. 895 (Вытегорский земский суд), ф. 1163 (Кирилловский земский суд).

Выявленные в фонде № 496 материалы, охватывающие период с 1705 по 1916 год, можно разделить на две основные группы.

Первую группу составляют «Дела о раскольниках» - свыше 300 следственных дел XVIII века по разбирательству фактов старообрядчества (чаще всего, в связи с уклонением кого-либо в раскол в той или иной местности) и последующему уголовному преследованию старообрядцев. Эти материалы имеют, как правило, следующий состав.

Первоначально идет доношение от представителей местной гражданской или церковной власти, либо же непосредственно от жителей, в уездный центр, а оттуда отправлено в Вологду о факте обнаружения старообрядческого раскола. Затем следуют отчеты о

ходе розысков и их результатах, материалы следствия и его итоги. Эти источники дают информацию о времени и обстоятельствах появления старообрядчества в какой-либо местности Вологодчины, внутреннем состоянии старообрядческих общин в период их функционирования, идеях и настроениях местных старообрядцев, позволяют в определенной степени заглянуть в их внутренний мир, услышать их собственный голос.

Ослабление преследования старообрядчества во второй половине XIX века вызвало изменение состава данных материалов; теперь они нередко стали сводиться лишь к собственно доношениям.

Другую группу документов, распространенных в конце XVIII - начале XX веков, составляют около ста «Клировых ведомостей о числе раскольников», содержащих статистические сведения о старообрядцах либо по всей Вологодской епархии, либо в отдельных ее местностях. Самая ранняя, из обнаруженных в фонде № 496, датируется 1786 годом, хотя, очевидно, статистика велась и ранее (поскольку клировые ведомости были введены в России повсеместно с 1722 года)². Были опубликованы составленные на их основании «Генеральные экстракты о раскольниках», где есть и сведения о старообрядцах по отдельным уездам Вологодского края³. Составлением клировых ведомостей занимались благочинные по инициативе епархиального начальства, по запросам Синода или по просьбе гражданских властей. Их периодичность особенно возрастает в середине - второй половине XIX века (когда они составлялись практически на каждый год), к концу же XIX века, в связи с ослаблением внимания властей к расколу, она вновь снижается.

По составу и характеру содержащейся информации клировые ведомости несколько отличаются друг от друга. Иногда это уже вторичные обработанные сведения об общем количестве старообрядцев по городам и уездам или же по церковным приходам, сосредоточенные на нескольких листах. В других случаях - это собранные благочинными и отправленные в Вологду первичные отчеты о наличии и состоянии раскола в каждом приходе, которые затем комплектовались воедино.

Значение этих документов в раскрытии истории старообрядчества в Вологодском крае весьма велико. Они позволяют выявить такие количественные и пространственные характеристики вологодского старообрядчества, как динамика его численности, центры и ареал распространения, те или иные старообрядческие толки и их территориальную локализацию.

Однако в них фиксировались только те старообрядцы, которые были зарегистрированы в расколе официально. А таковые, особенно в XVIII - первой половине XIX века, составляли меньшую часть от общего числа, которые из-за преследований нередко скрывали свое истинное вероисповедание ⁴.

Кроме того, следует учесть и тенденцию духовенства на местах несколько занижать численность старообрядцев из-за опасений административных взысканий «за нерачение». Только со второй половины XIX века в связи с рядом обстоятельств положение стало постепенно меняться и к концу XIX века имеющиеся в данных материалах показатели состояния старообрядческого движения на Вологодчине, в целом стали соответствовать реальности.

Материалы, сходные по характеру со второй группой документов фонда № 496, содержатся в фонде Стефано-Прокопьевского братства - местной организации из сети братств, создававшихся во многих губерниях России. Она действовала в 1896-1918 годах в пяти уездах северо-восточной части Вологодской губернии. Основными целями братства было развитие сети церковно-приходских школ и борьба с расколом.

Сначала ежегодно, а позднее и два раза в год (вплоть до конца 1917 года) миссионерами каждого из двух округов братства составлялись «Отчеты», в которых кроме всего прочего содержались и точные сведения о численности старообрядцев в приходах каждого уезда с указанием исповедуемых толков. Кроме того, в них давались подробные характеристики религиозных настроений местных старообрядцев.

Более высокая в сравнении с документами фонда № 496 степень точности и подробности информации является сильной стороной этих источников. Однако ее ограниченность во времени и в пространстве не дают возможности непосредственно представить целостную картину этапов старообрядческого движения по всей территории Вологодского края.

Наряду с материалами духовного ведомства в фондах ГАВО имеются и документы гражданских органов власти, где освещаются некоторые аспекты истории старообрядческого движения на Вологодчине. Прежде всего, следует выделить материалы, содержащиеся в фонде № 18 в количестве свыше 40 единиц хранения. Они появились в период правления Николая I (самый ранний документ относится к 1832 году), когда резко усилились нападки на старообрядчество ⁵. Их также можно разделить на две группы.

Первую составляют различные материалы о впадении отдельных лиц в раскол или противоцерковную деятельность в какой-либо местности. Это было формой отчетности полицейских и судебных органов на местах высшему должностному лицу губернии о расследовании этих эксцессов. В состав подобных дел входили главным образом рапорты о сути происшедшего, пересказы показаний обвиняемых, копии судебных решений. Они дают возможность на практических примерах исследовать систему наказаний старообрядцев в середине XIX века.

Другую группу составляют разнообразные «Ведомости о раскольниках и религиозных сектах». Они периодически велись по губернаторским указаниям. За их составление по Вологде отвечал полицмейстер, по уездным городам - городничие, а по самим уездам - земские исправники. Затем в канцелярии губернатора все ведомости с мест, как правило, комплектовались воедино и на их основе составлялась «Ведомость о раскольниках» по губернии, хотя иногда специально составлялись единичные ведомости (например, по г. Вологде).

Информация, содержащаяся в таких источниках, обычно имеет следующий характер. Общая численность «уклонившихся от православия» делилась на два направления. Во-первых, по сословию: на «помещичьих крестьян» и лиц «разных сословий».

Во-вторых, по вероучительной принадлежности: на «старообрядцев, приемлющих священство» (т.е. поповцев), на «раскольников, не приемлющих священство, но поклоняющихся иконам» (т.е. беспоповцев) и на различных сектантов. Кроме того, иногда в них давалась краткая характеристика местного старообрядчества: распространенность тех или иных толков, степень непримиримости в вере и др. В редких же случаях по отдельным местностям могли создаваться поименные списки старообрядцев.

Среди материалов фонда № 18 есть особая группа документов: «Ведомости (либо списки) на лиц, состоящих под надзором полиции в Вологодской губернии», где среди прочих встречаются имена деятельных старообрядцев (как собственно вологодских, так и сосланных из других регионов в Вологодскую губернию), а также их характеристики.

Данные о старообрядчестве в материалах фонда № 18 в целом соответствуют церковным, значительных расхождений в них не обнаруживается. Однако после того как в конце 1850-х годов наступил период ослабления преследования старообрядцев⁶, коли-

чество материалов о расколе в фонде № 18 значительно уменьшается. Последние документы датируются 1884 годом.

Следует остановиться и на некоторых документах уездных земских судов, функционировавших в России с 1775 по 1862 год ⁷. Материалы по рассматриваемой проблеме обнаруживаются в фондах четырех уездных земских судов в общем количестве 12 единиц хранения за период с 1837 по 1858 год.

Поскольку преследование старообрядцев являлось лишь одной из множества функций этих учреждений, то четкого состава такие документы не имеют. Среди них есть и запросы на места о беглых старообрядцах, и расследование случаев пропаганды раскола, и доношения с мест о численности старообрядцев. Статистические сведения собирали представители полицейских органов (становые приставы, приказные головы).

В данном случае административными единицами, где описывались факты старообрядческой деятельности или давалась статистика, являлись волости или полицейские станы. Несмотря на то, что количество документов, освещающих историю старообрядчества на Вологодчине, в фондах уездных земских судов невелико, а сведения, в них содержащиеся, локализованы в пределах небольших местностей, они имеют ценность, поскольку более объективны в сравнении с информацией предыдущих источников, ибо здесь в реестры заносились все заподозренные в расколе.

Поэтому понять действительный размах старообрядческого движения хотя бы в нескольких местностях Вологодского края без них невозможно. Кроме того, это едва ли не единственные обнаруженные источники в ГАВО (можно назвать еще разве что несколько дел XVIII века из ф.496), которые освещают некоторые аспекты старообрядческого движения в западной части нынешней Вологодской области, входившей в XVIII - начале XX века в состав Новгородской и Олонецкой губерний.

И, наконец, следует обратиться к фондам, в документах которых освещаются отдельные стороны истории старообрядческого движения в г.Вологде. В фонде № 1 ГАВО соответствующие материалы сосредоточены в двух архивных делах. Это «Протоколы заседаний совета городского магистрата» по рассмотрению обстоятельств уголовного преследования старообрядцев в городе в 50-х годах XIX века (обысков, допросов и т.п.) Данные источники дают информацию о личностях некоторых старообрядцев Вологды.

В фонде № 129 материалы по проблеме старообрядчества также сосредоточены всего в двух архивных делах. Это «Ведомости

о числе раскольников» в Вологде в середине 80-х годов XIX века. Данные источники сообщают сведения о количестве старообрядцев, распределении их по толкам, старообрядческих богослужебных зданиях в городе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все проанализированные выше материалы образуют систему документов, освещающих различные аспекты истории старообрядческого движения в Вологодском крае с различных позиций. Превалирует здесь официальная государственная точка зрения на старообрядчество, его количественные характеристики.

Возможно, материалы по истории старообрядческого движения на Вологодчине не исчерпываются приведенным здесь перечнем, и что-то пока остается невыявленным. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что основной круг источников известен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следников Н. Краткие сведения по истории раскола в Вологодской губернии. - Вологда, 1905. - С.4.

² Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX века. - М., 1963. - С.78.

³ Экстракт о раскольниках за 1740 г. //Описание документов и дел, хранящихся в архие Святтейшего Правительствующего Синода, - Т.20. - СПб., 1908. -С.895-898.

⁴ Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России - Ч.2. - Калинин, 1971. - С.119.

⁵ Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. - М., 1969. - С.45.

⁶ Яевич-Бородаевская В.И. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству. - СПб., 1912 - С.12.

⁷ Ерешкин Н.П. и др. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. - М., 1965. - С. 264.

Ю.А.Смирнов,
старший научный сотрудник
Государственного архива
Вологодской области

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ. НАЧАЛО ПУТИ

Имя святителя Игнатия тесно связано с Вологодчиной и не только тем, что здесь он родился и провел детство, здесь жили поколения его предков и находится родовое гнездо. На вологодской земле случилось одно из самых значимых событий его жизни - здесь он был посвящен в монашество и начал свое восхождение по ступеням церковной иерархической лестницы.

Хотя основные вехи этого относительно короткого (с 1830 по 1833 год) периода жизни Игнатия хорошо известны, по общему мнению исследователей, остается еще немало вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении. Полагая, что архивные источники в значительной степени могут восполнить имеющиеся пробелы, мы попытались выявить и обобщить материалы Государственного архива Вологодской области, так или иначе касающиеся этого этапа биографии святителя.

Практически все документы архива, связанные с именем Игнатия, сосредоточены в фонде Вологодской духовной консистории. Специфика этих материалов такова, что лишь малая их часть хоть в какой-то степени отражает события внутренней жизни Игнатия. В основном они рисуют чисто внешнюю сторону его деятельности: продвижение по службе, хозяйственные хлопоты, взаимоотношения с окружающими и т.д.

Определение послушника Брянчанинова на жительство в Вологодскую епархию приходится на 1830 год, когда после двух лет послушнического искуса, едва оправившись от тяжелой болезни, во время которой он находился у своих родственников в Вологде, Дмитрий Александрович возвращается к иноческой жизни и удаляется в Успенскую Семигородную пустынь.

Находившаяся в 70 верстах от Вологды пустынь считалась одним из наиболее удаленных от жилья монастырей, но была при этом весьма многолюдной как по количеству братии, так и по числу богомольцев. Дело в том, что здесь находилась чудотворная икона Успения Пресвятой Богородицы, и во время свирепствовавшей в

1830-1831 годах в Вологде и ее окрестностях эпидемии холеры многие горожане приходили на поклон к чудотворному образу и молили о заступничестве. Имея крепкое хозяйство, пустынь получала значительные выгоды от хлебопашества и скотоводства и слыла «обильнейшей пред всеми общежитиями» епархии.

Строитель пустыни иеромонах Мельхиседек «по причине слабого и болезненного состояния» Дмитрия Брянчанинова назначил для служения ему молодого послушника Павла Образцова и поселил их в одну келью. Понимая, что исключенному из 3-го класса Вологодской семинарии пономарскому сыну было что перенять у старшего и более образованного собрата, настоятель поручил Брянчанинову обучать своего помощника «благонравию, некоторым познаниям и внешним обычаям, приличествующим монашескому сану». Вероятно, это был первый опыт духовного наставничества в монашеской жизни святителя Игнатия. Примечательно и то, что еще до пострижения Д.Брянчанинов признавался достаточно зрелым для подобных наставлений.

В феврале 1831 года Брянчанинов, подавший накануне прошение о пострижении в монахи, ходатайствует о переходе в малонаселенный Глушицкий монастырь, мотивируя это стремлением к уединению, безмолвной и внимательной жизни накануне столь важного события.

19 февраля 1831 года, за день до того, как вопрос о переводе был рассмотрен консисторией, в Святейший Правительствующий Синод ушло прошение вологодского архиерея о разрешении постричь в монашество вдовых священников и послушников ряда монастырей Вологодской епархии. Среди кандидатов на пострижение значился и Брянчанинов.

Процедура согласования заняла несколько месяцев, и только 5 июня Брянчанинов был вытребован в Вологодский Архиерейский дом. В резолюции на указе Святейшего Синода вологодский епископ Стефан распорядился постричь поручика Брянчанинова в архиерейской домовой церкви. Видимо, речь идет о Крестовой Христорожественской церкви, располагавшейся в бывшей крестовой палате Архиерейского дома. Правда, состоявшийся через две недели обряд пострижения прошел не в домовой церкви, как предполагал епископ, а в Воскресенском кафедральном соборе.

Здесь мы должны коснуться, пожалуй, наиболее деликатного момента в биографии Д.А.Брянчанинова. Дело в том, что, согласно Духовному Регламенту, запрещалось постригать в монахи человека, не прошедшего трехлетнего искушения в монастырской жизни

и не достигшего 30-летнего возраста. Формально Дмитрий Брянчанинов удовлетворял всем этим требованиям - провел в монастырях в качестве послушника три года и, что самое любопытное, на момент пострижения ему якобы исполнилось 30 лет. По крайней мере, это подтверждают все выявленные документы тех лет, содержащие сведения о возрасте Игнатия, в том числе написанные им собственноручно. То есть о случайной ошибке и речи быть не может. Между тем, согласно метрической записи Дмитрий Александрович Брянчанинов родился 5 февраля 1807 года и в 1831 году ему никак не могло быть больше 24 лет. Налицо попытка скрыть свой истинный возраст.

Возникает вопрос, как оценить этот поступок молодого человека? Достаточным ли оправданием для, по сути дела, подлога является страстное и давнее стремление надеть монашескую рясу, если нарушаются как раз те нравственные нормы, строгое руководство которыми должно быть неукоснительным правилом для любого монаха. И уж совсем крамольная мысль: а не объясняется ли переход Игнатия из Семигородней пустыни всего лишь стремлением избежать опасности заражения холерой, тем более что в документах фиксируется факт смерти от холеры одного из монахов пустыни.

По здравом рассуждении, однако, следует признать: достаточных оснований для подобного рода предположений у нас нет. Более того, факт подлога характеризует, может быть, не столько самого Игнатия, сколько распространенное в церковных кругах того времени негативное отношение к строгим ограничениям посвящения в монашество. Об актуальности этой проблемы свидетельствует и то, что уже через год после описываемых событий вышел указ, снижавший возрастную планку пострижения до 25 лет для тех, кто окончил курс богословских наук, и отменявший ее вовсе для вдовых священников. Брянчанинов, правда, ни к той, ни к другой категории не относился. Невозможно представить и то, что постригавшему Игнатия вологодскому архиерею, хорошо знавшему его еще ребенком, ничего не было известно об истинном возрасте своего подопечного. Учитывая близкий характер их взаимоотношений, весьма вероятно и то, что Брянчанинов действовал с молчаливого одобрения епископа. И, наконец, можно ли строго судить за незначительные, в общем-то, прегрешения молодости человека, прожившего праведником всю оставшуюся жизнь?

По мнению епархиального начальства, «монах Игнатий и по положению своему, и по воспитанию, и по силам своим ни к каким другим монашеским послушаниям не способен, кроме отправления

церковного богослужения». Вероятно, именно это предопределило его быстрое продвижение на следующую ступень церковной иерархии. Менее месяца понадобилось для того, чтобы Игнатий был возведен сначала в младшую степень священства - иеродьякона, а затем рукоположен в иеромонахи, получив тем самым право совершать богослужения. Все это время Игнатий, будучи приписанным к Глушицкому монастырю, оставался в Вологде при Архиерейском доме, и «употребляем был для священнослужения». Более в Глушицкий монастырь он не возвращался, хотя и исполнял время от времени поручения своего настоятеля. Так, в сентябре-октябре 1831 года Игнатий выезжал «для исправления монастырских надобностей» в Санкт-Петербург.

6 января 1832 года он получил назначение на место умершего настоятеля Лопотова Пельшемского монастыря Иосифа, став самым молодым и одним из наиболее образованных настоятелей Вологодской епархии.

Игнатий принял монастырь далеко не в идеальном состоянии. Его предшественник, управлявший обителью более 20 лет, явно не уделял должного внимания ведению монастырского хозяйства. Монастырь старел и ветшал вместе со своим настоятелем. В возведенных из камня трех монастырских церквях и колокольне обнаружили трещины, не хватало церковной утвари, мебели и посуды, деревянная ограда вокруг монастыря обветшала и местами развалилась. Серьезные затруднения испытывали монахи и с жилыми помещениями. В предназначенном для братских келий каменном сводчатом корпусе при одной из церквей жить было нельзя, т.к. дощатые перегородки, которыми он был разделен на кельи, совершенно сгнили.

Продуктами питания монахи обеспечивали себя сами. Держали скот, на принадлежавших монастырю пахотных землях высевали рожь, а сенные покосы отдавали в аренду.

Впрочем, и здесь были свои проблемы. Приписанные к монастырю рыбные ловли на реке Сухоне никакой выгоды не приносили, т.к. желающих взять их в аренду не находилось из-за незаконного лова рыбы окрестными крестьянами. Выстроенная монастырем мукомольная мельница на реке Пельшме в первый же год настоятельства Игнатия вышла из строя.

К чисто хозяйственным проблемам добавились и сложности во взаимоотношениях с некоторыми членам братии. Так, 74-летний иеромонах Арсений, обладавший, по всей видимости, неуживчивым характером и заслуживший недобрую репутацию еще в 1820

году, когда был подвергнут штрафу за «возмущение к затейному доносу» на настоятеля своего монастыря, вынудил Игнатия просить вологодского архиерея о переводе старика в другой монастырь из-за его «неспокойной и своевольной жизни».

Не прижился в монастыре и уволенный от должности после 35-летнего служения священником Стефан Васильев. Лопотов монастырь должен был стать его последней обителью, здесь он хотел «положить кости» свои. Васильев определился на жительство уже при Игнатии. Однако, не пробив в монастыре и года, он выразил желание перевестись в другую обитель и даже не остался ожидать нового назначения, а уехал к сыну, где вскоре и умер.

Очевидно, что Игнатий не склонен был превращать монастырь в прибежище для немощных и престарелых. Каждого из своих подчиненных он оценивал, прежде всего, с точки зрения пользы, приносимой обители. В результате к концу его пребывания в Лопотове монастыре средний возраст братии составлял приблизительно 30 лет, а самому старшему из монахов было 42 года.

Ушедших, однако, было совсем немного - всего несколько человек. Напротив, с приходом нового настоятеля начался рост численности братии Лопотова монастыря. Если в 1832 году здесь насчитывалось 7 человек (ровно столько, сколько положено по штату), то в октябре 1833 году количество братьев составляло приблизительно 16 человек. Подчеркнем, что речь идет об официально приписанных к обители монахах и послушниках, подлежащих регистрации в монастырской отчетности, куда не включались богомольцы и гости монастыря.

Очевидно, что большую часть новичков привлекала в монастырь личность его настоятеля. Некоторые были знакомы с Игнатием еще по жизни в миру, а также со времени его послушничества. Вновь прибывшие отмечали пришедшиеся им по душе монастырский устав обители, порядок богослужения и вообще жизнь здешних монашествующих.

Сам Игнатий характеризовал свою братию как крайне смиренную, однако под его началом находились и люди нрава вовсе не тихого. Речь идет о сосланных епархиальным начальством на исправление под строгий надзор настоятеля нескольких священноцерковнослужителях, виновных в таких, например, грехах, как слушание местному благочинному, злоупотребление спиртными напитками, вхождение в питейные заведения с дароносицей и т.д. Особого внимания требовали и отбывавшие в монастыре наказание крестьяне, осужденные на духовную епитимию за уголовные пре-

ступления. В период настоятельства Игнатия таковых было двое: один содействовал в убийстве, другой его неумышленно совершил.

Из сказанного ясно, как непросто было Игнатию при столь запущенном хозяйстве, крайней скудости средств и свыкшейся поначалу с таким положением дел немногочисленной братии организовать процесс умирания монастыря. Естественно, за такой короткий срок пребывания в должности настоятеля Игнатий не мог полностью преобразить монастырь, однако он активно занялся его переустройством.

Понимая острую необходимость в обновлении жилых помещений, Игнатий, прежде всего, взялся за строительство новых настоятельской и братских келий, благо строительный материал был, что называется, под рукой. По свидетельству помнивших то время монахов, монастырь был окружен густым лесом. Местные крестьяне не воспрещали им пользоваться и даже сами привозили в обитель требовавшуюся монахам древесину. В результате зиму 1832/33 годов братия встречала уже в новых деревянных домах.

Весьма успешно обстояли дела и с пополнением монастырской ризницы. К моменту вступления Игнатия в настоятельскую должность большая часть священнических одеяний находилась в плачевном состоянии. Достаточно сказать, что из 17 имевшихся риз приличный вид имела только одна. С помощью благотворителей Игнатий существенно обновил церковную утварь.

Дальнейшие планы переустройства монастыря требовали больших расходов. Выдаваемого от казны ежегодного пособия, а также того, что зарабатывали своими силами, едва хватало на самые элементарные нужды. В поисках новых источников денежных поступлений монахи все чаще выходят в мир, устанавливают новые связи вне монастыря. Свидетельство тому - участившиеся поездки монахов «по монастырским надобностям». Впечатляет география этих командировок: Москва, Санкт-Петербург, Псков, Рига, Калужская, Тульская, Курская епархии, Слободская Украина и проч.

Последовавший в ноябре 1833 года перевод Игнатия в Петербург привел к значительным переменам в составе братии Лопотова монастыря. Обитель покинули 9 человек. Одни устремились вслед за Игнатием, другие получили новые назначения, третьи предпочли сменить монастырь.

Бразды правления монастырем перешли к иеромонаху Николаю, одному из старожилов обители. Ему выпало продолжить начатое Игнатием обновление монастырских зданий. Необходимые для этого деньги были уже собраны. Через год наиболее трудоемкие

и дорогостоящие восстановительные работы были завершены - и, в частности, исправлены каменные постройки. Тогда же был восполнен и недостаток посуды и мебели в настоятельской и братских кельях.

Рассказывая о первых шагах святителя Игнатия на монастырском поприще, нельзя не упомянуть и об оказавшем может быть решающее воздействие на его судьбу вологодском епископе Стефане (Романовском).

Понимая, что сейчас сложно установить истинные причины, побудившие Стефана оказывать покровительство Игнатию, рискнем все же высказать предположение, что ключевым фактором было несомненное призвание молодого человека к иноческому подвигу. Тем более что подобный случай в биографии Стефана не единственный. Многим был обязан в служебном отношении преосвященному Стефану, занимавшему тогда кафедру Волынской епархии, протоиерей Житомирского собора Г.А.Рафальский, впоследствии архиепископ Варшавский, митрополит Новгородский и Санкт-петербургский Антоний.

На первых порах архиерей взял на себя руководство молодым монахом, был его наставником. Сам Игнатий отмечал «милостивейшее архиерейское внимание» к себе со стороны Стефана. И действительно, в стремительном продвижении Игнатия по ступенкам церковной иерархии, на что у других уходили годы, чувствуется твердая рука вологодского владыки.

О том, насколько полной была поддержка архиерея, говорит и тот факт, что ни одно из начинаний Игнатия, ни одна из его просьб не были отвергнуты. Между тем Стефан вовсе не производит впечатление мягкого, покладистого человека. Скорее наоборот, документы рисуют образ властного, жесткого и скорого на расправу администратора.

Интересен Стефан и своим отношением к современнику Игнатия Николаю Рынину, уже тогда почитавшемуся многими вологжанами и священнослужителями ясновидцем и чудотворцем. Судя по документам, Стефан не видел в Рынине никакого провидческого дара, считал его обычным городским сумасшедшим и пытался пресечь распространявшееся почитание блаженного. Так, в 1831 году Стефан предписал игумену Спасо-Суморина монастыря Геннадию, приютившему Рынина, немедленно выслать его из обители. Видимо, не очень доверяя игумену, епископ поручил Тотемскому духовному правлению «разведать», точно ли выполнено его распоряжение, а самому Геннадию строго указал, «что если впредь хотя

на одну ночь примет сумасшедшего Рынина в монастырь, то неминуемо удален будет от монастыря и предан суду».

В заключение следует отметить, что без малого двухлетнее управление Лопотовым монастырем - всего лишь небольшой эпизод в жизни святителя Игнатия, особенно на фоне почти четвертьвекового служения архимандритом Троице-Сергиевой пустыни. Однако кратковременность этого периода нисколько не умаляет его значимости. По сути дела в Лопотове монастыре Игнатий был вынужден решать тот же круг нравственных и хозяйственных проблем, что и в Троице-Сергиевой пустыни. Безусловно, масштаб и сложность задач, вставших перед ним на новом месте службы, а главное цена потраченных на их решение душевных и физических сил - на порядок выше, но уже обретенный опыт настоятельского служения наверняка оказал ему неоценимую услугу.

Е.А. Скупинова,
кандидат географических наук,
доцент Вологодского
государственного педагогического
университета

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖЕВЫХ КАРТ СОБРАНИЯ ГАВО ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

В последние годы явно обозначился экологический подход к рассмотрению различных сторон хозяйственной деятельности человека. Однако большая часть поставленных проблем решается в рамках качественной оценки природопользования: хорошо или плохо, целесообразно или нет, эффективно или неэффективно. Понятно, что ответы на такие вопросы могут быть интересными, но, к сожалению, редко несут в себе прагматически значимую информацию, легко сводимую к вопросу о том, как надо поступать, чтобы избежать негативных ответных реакций природной среды на вмешательство человека в ее структуру и функционирование. Главная проблема заключается, пожалуй, в том, что сложность географических систем, существенно меняющихся от места к месту, при определении стратегии землепользования чаще требует индивидуального подхода, чем стандартизованного. В этой ситуации особое значение приобретает учет опыта прошлого природопользования, результаты которого зафиксированы в серии синхронных для разных территорий документов, имеющих сквозной характер и охватывающих обширные пространства.

Наибольшее значение среди таких документов имеют материалы генерального межевания, выполненного на территории ряда губерний России в конце XVIII века. Ценность текстовых и картографических материалов генерального межевания для реконструкции природной обстановки конца XVIII века неоднократно подчеркивалась исследователями¹. Среди позитивных моментов отмечались в первую очередь инструментальность съемки и единые принципы картирования, обеспечившие точность и сравнимость результатов. (В скобках стоит заметить, что нередко эти карты и экспликации земель к ним были использованы во второй половине XIX века как основа при проведении специального межевания). Конечно, большой объем работ и недостаток опыта приводили

иногда к искажениям при изображении ситуации, на что справедливо указывал А.В. Гедымин², анализировавший межевые планы для центральной части России. Наши исследования³ позволяют говорить, наоборот, о значительной точности изображений: отдельные планы дач легко ложатся на современную топооснову. Лишь в двух из нескольких сотен использованных нами документов были обнаружены серьезные ошибки - в ориентации плана⁴ и длине линий границ дач⁵. Отсутствие грубых ошибок в межевых уездных планах подтверждается и исследованиями М.М. Тихомировой⁶.

Основным источником информации для ретроспективного картирования природопользования служат крупномасштабные (в 1 англ. дюйме - 100 саж., 1:8400) планы дач. Содержание планов, в принципе, сходно с современными картами землепользования. На них показано размещение типов сельскохозяйственных угодий в пределах каждой дачи. Различаются три категории угодий: пашня (изредка встречается указание на перелог), сеной покос («чистый», по болоту, «по коему кустарник», «по коему дровяной лес»), выгон (с кустарником или дровяным лесом). Кроме них указаны леса (строевой или дровяной, еловый или сосновый, по суходолу или по болоту, «с покосом» или «по коему выгон»), поселения «с огородами, гуменниками и конопляниками» (села, погосты, сельца, ямы, деревни, починки, займища, пустоши), дороги (трактовые и проселочные), гидрографическая сеть (реки, ручьи, озера, пруды, гидротехнические сооружения на них).

При анализе планов следует учитывать некоторые искажения в изображении пахотных угодий, явившиеся результатом инструктивных указаний на включение в категорию пашни всех земель, некогда бывших в этом разряде⁷. Внешне эти искажения выражаются в сплошных, крупных даже по сравнению с современными, массивах пашни, что не соответствует доказанному документально положению о дробности (лоскутности) земельных владений⁸, явившейся в известной степени формой приспособления хозяйства к ландшафтным условиям. Наложение контуров «межевой пашни» на современную топооснову позволяет в достаточной степени точно восстановить исходную картину путем вычленения участков, заведомо непригодных для распахивания (крутые склоны, низкая пойма и т.п.). Вместе с тем, для историко-географических исследований определенным интересом представляют площади земель, когда-либо вовлекавшихся в хозяйственный оборот, что позволяет судить о максимальной освоенности природных комплексов. С этой точки зрения материалы генерального межевания могут послужить важ-

ными источниками информации об исторически сформировавшихся ареалах освоенных земель.

Кроме крупномасштабных планов дач материалы генерального межевания включают уездные планы масштаба в 1 англ. дюйме 1 верста и в 1 англ. дюйме 2 версты, объединенные в атласы, и генеральные губернские карты. В качестве дополнительных источников, дающих описание дач, используются экономические примечания к генеральному межеванию, описания планшетов дач, таблицы исчисления угодий и экспликации отдельных планов. Содержание указанных документов позволяет уточнить качественные характеристики угодий: породный состав и возраст лесов, тип почв, характер травостоя, оценку угодий («добрые», «худые», «средние»). Все перечисленные материалы, в том числе и картографические, хранятся в РГАДА, РГИА и ГАВО⁹.

Составление картосхем ретроспективного природопользования значительно затруднено тем, что дачи генерального межевания были весьма небольшими по площади. Нередко даже для малодворной деревни и окружающих ее угодий приходится компоновать, а значит, и разыскивать, до полутора десятков исходных архивных дел. Методика определения перечня дач для интересующего исследователя участка заключается в сопряженном анализе списков современных населенных пунктов, «Списков населенных мест Российской империи», генеральных уездных планов и опубликованных в различных источниках разновременных списков и карт населенных мест¹⁰.

На основе выверенных таким образом списков дач генерального межевания удается обнаружить до двадцати процентов (в территориальном исчислении) необходимых документов. Они представляют собой наиболее крупные по площади дачи, которые выполняют роль опорных при дальнейшем поиске. Детальное изучение экспликации обнаруженных планов позволяет дополнить список дач. При этом следует обратить особое внимание на необходимость правильной записи пограничных владений, которая включает собственное имя поселения (иногда два) и имя владельца дачи, например: «...сельцо Ильдомово Филимонцово тож... Холмовой»¹¹ или «...часть села Лаврентьева с сельцом Сватиловым и деревней Парфенкой... Ушакова с прочими»¹².

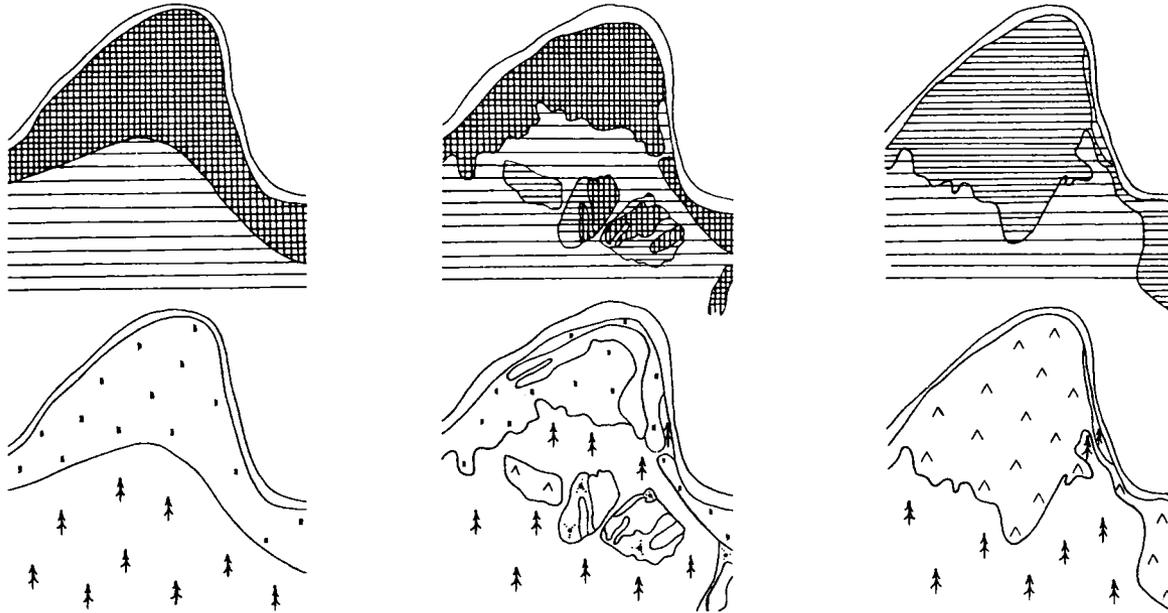
Облегчают работу по выявлению нужных планов наименования единиц хранения типа «Пустошь Щетинина, принадлежащая к даче деревни Мишуткиной... Хитрова с прочими»¹³. Заведомо зная о принадлежности одной дачи к исследуемой территории, можно

утверждать таковую и для другой. Указание на имя владельца дачи позволяет избежать ошибок в подборе планов, которые возможны в силу одноименности разных по географическому положению населенных пунктов. Иногда в наименованиях дач фигурируют гидронимы - «Погост Никольский что на Возме»¹⁴ или названия патронимических гнезд расселения - «...погост Дмитрия Салунского что в Раменье»¹⁵, что тоже облегчает работу по выявлению недостающих планов. Кроме этого, названия отдельных межевых планов представляют интерес с точки зрения возможностей реконструкции процессов природопользования и расселения. Так, например, наименования единиц хранения типа «...пожня Хомутинка, ...что прежде была деревня...»¹⁶ и «сельцо Илейкино, ...что ныне пустошь»¹⁷ позволяют судить об интенсивности антропогенного воздействия на конкретные ландшафтные выделы. На характер землепользования указывают названия типа «...отхожая пашня погоста Никольского»¹⁸. Иногда в наименованиях планов встречаются указания на переход сельскохозяйственных угодий из одной категории в другую - «пожня Пономарева пашня села Егорьевского»¹⁹.

Компоновка выявленных в архивах планов масштаба 1:8400 в единый лист ретроспективного землепользования производится одновременно с переводом масштаба изображения до 1:10000. Это позволяет сопоставить ситуацию конца XVIII века с современной, для чего производится унифицирование обеих картосхем по типам угодий. Совмещенные со схемой ландшафтного районирования такие карты представляют собой графические модели антропогенного воздействия на геоконплексы. Единообразии полученных моделей позволяет производить их статистическую обработку.

Один из приемов анализа полученных картографических моделей является оценка степени антропогенной трансформации геоконплексов. Не вдаваясь в технические подробности, здесь отметим только, что приведение классификации измененных человеком экосистем Ю.А. Исакова²⁰ к условиям конца XVIII века позволило сопоставить меру воздействия хозяйственной деятельности человека на одну и ту же территорию в разное время. Результатом такой работы явились серии картосхем, отражающих реальную ситуацию на каждый временной срез, и степень антропогенной трансформации освоенных геосистем (рис.1). Приведение этих картосхем к ландшафтным контурам позволяет оценить еще и хозяйственную специализацию естественных урочищ и групп фаций на разных исторических этапах и, следовательно, определить,

Рис. 1. Динамика сельскохозяйственной освоенности и трансформации природных комплексов долины реки Двиницы.

а) 1783-1791 годы. Пустоши Бизеиха и Бренякова, пожня Выходница.

б) 1931 год. Сельскохозяйственная артель «Красный Глебовец» Двиницкого сельсовета.

в) 1970 год. Фрагмент плана земель совхоза «Союз» Сокольского района.

Рис. 2. Следы переложной системы земледелия.

Пустошь Поковского, 1782 год.

Примечание: расстояние до ближайшего населенного пункта - четыре километра.

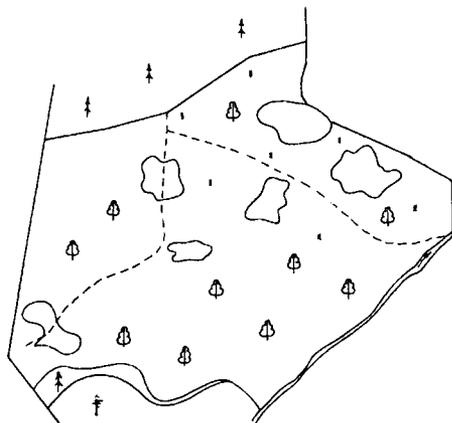
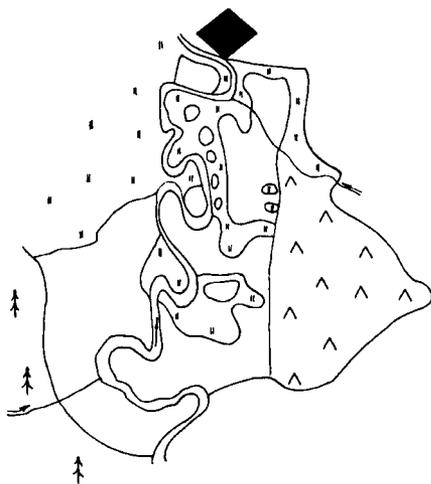

Рис. 3. Мелкоконтурные пашни на береговых валах поймы реки Шингарь.

Дача с. Лаврентьево с деревнями Новая Мельница, Лаврентьева и Парфенка, 1783 год.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ К РИСУНКАМ 1 - 3.

вид использования земель:

	— пашня
	— луга, сенокосы
	— выгоны, пастбища
	— леса еловые, строевые и дровяные
	— леса сосновые, строевые и дровяные
	— сенокос по лиственному дровяному лесу
	— кустарники
	— населенные пункты

степень трансформации природных комплексов:

	— слабоизмененные
	— среднеизмененные
	— сильноизмененные

ИСТОЧНИКИ:

Рис. 1. а) ГАВО. Ф.738. Оп.24. Д.232, 374, 682;
б) ГАВО. Ф.607. Оп.3. Д.10.

Рис. 2. ГАВО. Ф.738. Оп.17. Д.1242, 1331;
РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Д.339.

Рис. 3. ГАВО. Ф.738. Оп.17. Д.863, 915, 954, 1192, 1296, 1322.

Рис. 4. Сельскохозяйственная освоенность южно-центральной части
Вологодской области на 1790 год
(расчет по: РГАДА. Ф. 1356. Оп.1. Д.140, 309, 339, 351).

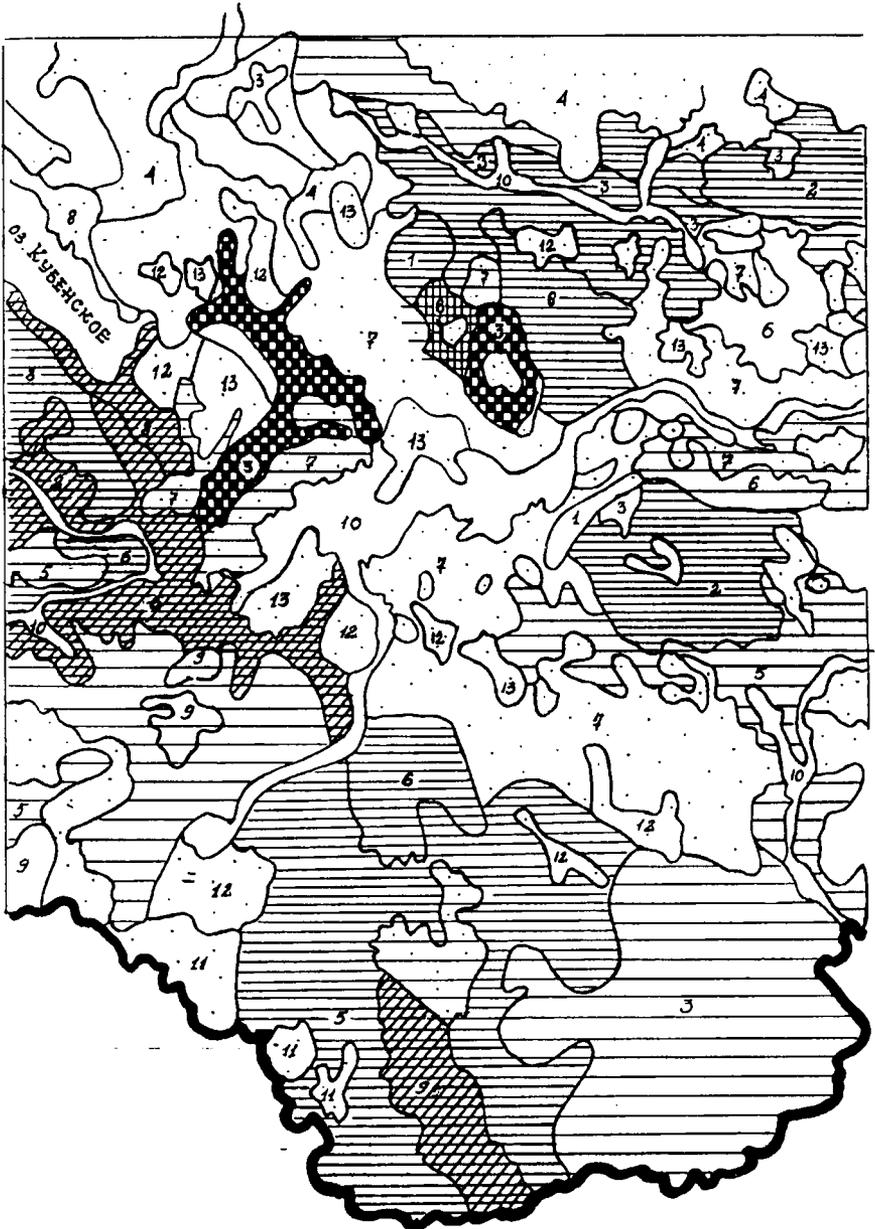
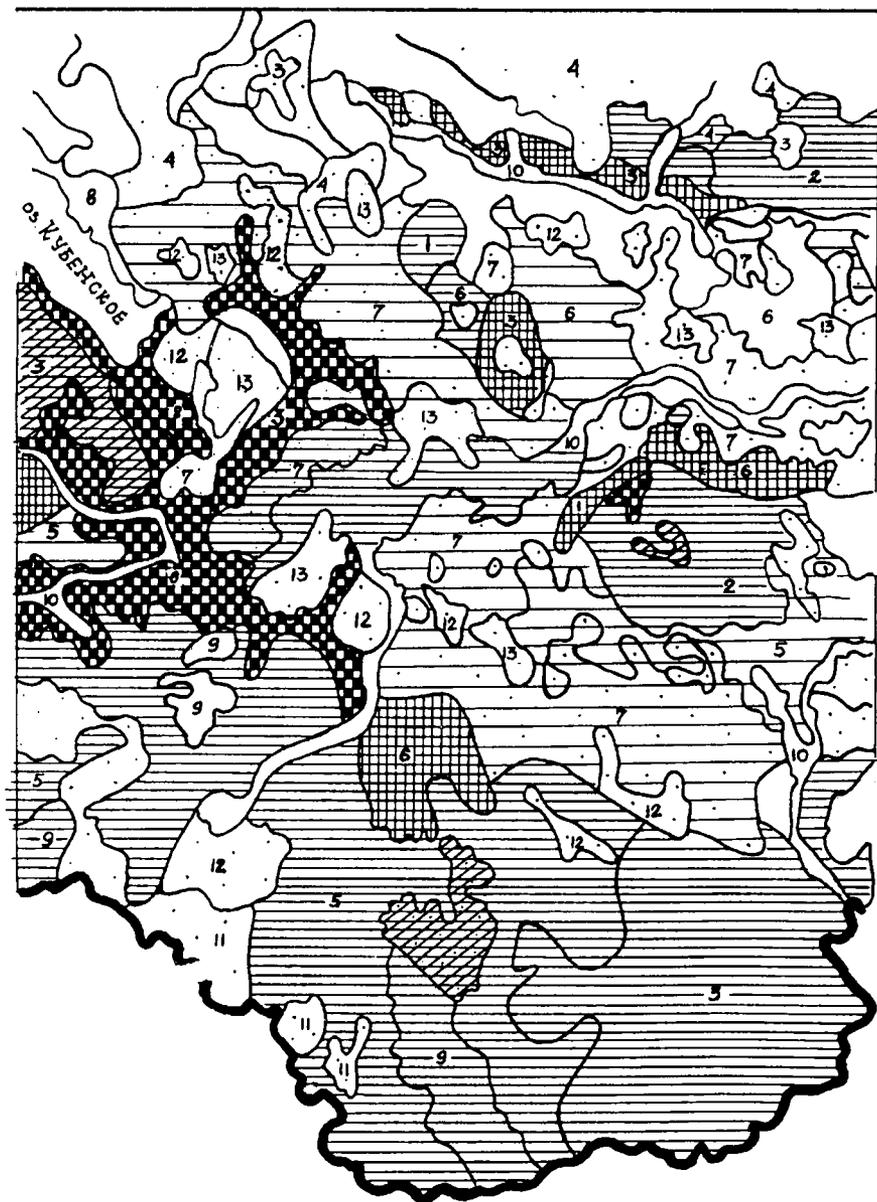

Рис. 5. Сельскохозяйственная освоенность южно-центральной части Вологодской области на 1980 год (расчет выполнен по планам землеустройства сельскохозяйственных предприятий).

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ К РИСУНКАМ 4-5.

а) сельскохозяйственная освоенность (доля с/х угодий)

	— неосвоенные
	— слабоосвоенные (0-30%)
	— освоенные (30,1-50,0%)
	— среднеосвоенные (50,1-70,0%)
	— сильноосвоенные (70,1-90,0%)
	— сильноосвоенные (более 90%)
	— избыточно-увлажненные территории

б) типы комплексов урочищ

- 1 - комплекс урочищ моренных холмов и понижений между ними
- 2 - комплекс нерасчлененных камовых и моренных холмов и понижений между ними
- 3 - комплекс урочищ плоских и волнистых моренных равнин нормального увлажнения
- 4 - комплекс урочищ плоских и волнистых моренных равнин избыточного увлажнения
- 5 - комплекс урочищ пологоувалистой водно-ледниковой равнины нормального увлажнения
- 6 - комплекс урочищ волнистых и увалистых озерно-ледниковых равнин нормального увлажнения
- 7 - комплекс урочищ плоских и волнистых озерно-ледниковых равнин избыточного увлажнения
- 8 - комплекс урочищ террасированных равнин озерных побережий избыточного увлажнения
- 9 - комплекс урочищ эрозионных холмов и увалов, небольших речных долин и балок
- 10 - комплекс урочищ наиболее крупных речных долин
- 11 - низинные болота
- 12 - переходные болота
- 13 - верховые болота с внутренними озерами, грядово-мочажинными и грядово-озерными комплексами

насколько существенна связь между структурой ландшафта и структурой землепользования. На севере эта связь особенно важна, поскольку мозаичность условий увлажнения делает насущно необходимой практику так называемого контурного земледелия.

Не менее любопытны поиски «следов прошлого землепользования», зафиксированных в картографических материалах генерального межевания. В качестве примеров могут послужить рисунки 2 и 3: в первом случае контуры пашни в пустоши Покосовой указывают на переложную систему земледелия, еще весьма распространенную в конце XVIII века, во втором - появление, а точнее - сохранение небольших по площади участков пашни на береговых валах реки указывает на еще более древнюю «географию» пашенных угодий - это следы начального этапа земледельческого освоения севера. Нередко среди документов встречаются дела, само название которых дает пищу для размышлений: «Пустошь починка Тимошинского деревни Шадриной»²¹, а на карте - сплошной лес к востоку от деревни Вахариха. Или вот как описывается смежное с Бориловым владение: «...часть сд. Борилова, что ныне деревня с деревней Дьяконовой и пустошью В.Н. Засецкой»²².

При переходе на среднemasштабный уровень оценки землепользования материалы генерального межевания позволяют производить сопоставительный анализ территорий, например, по степени хозяйственной освоенности природных комплексов (рис. 4, 5). Расчет, выполненный для южно-центральной части Вологодской области на 1790 и 1980 годы, показывает возрастание за указанный промежуток времени сельскохозяйственной освоенности региона в целом. Причем для сильноосвоенных в конце XVIII века геокомплексов рост составил 4-8 процентов, а для среднеосвоенных - 30-40 процентов. Интересно и зафиксированное на картах смещение ареалов сельскохозяйственных угодий, связанное с изменением рисунка расселения и практики сельскохозяйственного производства. Так, за счет мелиорации земель неиспользовавшиеся в XVIII веке плоские озерно-ледниковые равнины оказались освоены на 11,5 процента площадей.

Круг вопросов историко-географического характера, который может быть решен с использованием архивных картографических и текстовых материалов, не ограничен приведенными выше примерами. Детальный анализ сопровождающих карты текстов, а также синхронных им иных письменных источников позволяет рассматривать динамические ряды эволюционных смен состояний природных систем, в том числе и с учетом антропогенного фактора их

дифференциации. Сосредоточенные в областных архивах документы создают хорошие предпосылки для проведения подобных региональных исследований. Вологодский областной государственный архив в этом отношении является добротной источниковой базой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гедымин А.В., Харитонычев А.Г. Использование старых картографических материалов при изучении ландшафтов //Современные проблемы географии. М.: Наука, 1964. С.298-302; Гельман Э.Г. Использование картографических материалов XVIII в. (в историческом источниковедении) /Советские архивы. 1967. № 6. С.44-49; Иванов П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846. 151 с. Колесников П.А. Писцовые книги и материалы генерального межевания как источники для изучения уровня земледельческого производства в XVII-XVIII вв. на Севере // Межвузовская конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1963 год. Программа и тезисы докладов. Вологда, 1964. С.105-106; Милов Л.В. Исследование об экономических примечаниях к генеральному межеванию. К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII века. М.: Изд-во МГУ, 1965. 312 с.; Постников А.В., Мельников Е.Б. Карты и сопутствующие им материалы XVIII -XIX вв. как источники для изучения изменения природной среды центральной России //Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М.: Изд-во МФ ГО СССР, 1980. С.42-65; Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989. 229 с.; Тихомирова М.М. Новые данные о картах генерального межевания //Сборник статей по картографии. М., 1961. Вып.13. С.101-111; Цветков М.А. Картографические материалы генерального межевания //Вопросы картографии. Сб.31. М., 1953. С.90-110.

² Гедымин А.В. Опыт использования материалов генерального межевания в географических исследованиях //Вопросы географии. Сб.50. М., 1960. С.147 -171; Гедымин А.В., Харитонычев А.Г. Использование старых картографических материалов...

³ Скупинова Е.А. Диахронический подход к исследованию процесса освоения ландшафтов Вологодской области /Автореферат дисс. ... к.г.н. Л., 1982. 20 с.

⁴ ГАВО. Ф.738. Оп.17. Д.1598.

⁵ Там же. Оп.24. Д.1030.

⁶ Тихомирова М.М. Новые данные о картах генерального межевания...

⁷ Колесников П.А. Северная деревня в XV - первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда. 1976. 416 с.

⁸ Васильев Ю.С. Использование природных богатств и их охрана на

Севере России в XVI - XVII вв. //Общество и природная среда. М.: Наука, 1981. С.191-196; Копанев А.И. История крестьян русского Севера в XVI веке /Автореферат дисс. ...д.и.н. Л., 1974. 34 с.

⁹ РГАДА. ФФ.1354, 1355, 1356; РГИА. ФФ. 380, 1339, 1350; ГАВО. ФФ.20, 276, 738, 740, 782.

¹⁰ Материалы отдела населения Вологодского облстатуправления. Форма 2С. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Вологодская область. Список сельских населенных пунктов; Списки населенных мест Российской империи. Т.VII. Вологодская губерния. СПб., 1866; РГАДА. Ф.1356. Оп.1; Водарский Я.Е. Вологодский уезд в XVII в. (К истории сельских поселений) //Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып.3. С.253-266; Веселовский С. Акты писцового дела 1587-1627 гг. Т.1. М., 1913. С. 26-27; Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII -начало XVIII в. М.: Наука, 1976. 222 с.

¹¹ ГАВО. Ф.738. Оп.17. Д.612.

¹² Там же. Д.931.

¹³ Там же. Оп.18. Д.1639.

¹⁴ Там же. Оп.26. Д.2001.

¹⁵ Там же. Оп.16. Д.653.

¹⁶ Там же. Оп. 18. Д.1459.

¹⁷ Там же. Оп.17. Д.939.

¹⁸ Там же. Оп.18. Д.1154.

¹⁹ Там же. Д.1165.

²⁰ Исаков Ю.А., Казанская Н.С., Панфилов Д.В. Классификация, география и антропогенная трансформация экосистем. М.: Наука, 1980. 225 с.

²¹ ГАВО. Ф.738. Оп.18. Д.1239.

²² Там же. Оп.21. Д.235.

II. На рубеже
веков. Новые
документальные
источники

Н.И.Голикова,
кандидат исторических наук,
доцент Вологодского
государственного педагогического
университета

ДОКУМЕНТЫ ГАВО О ДЕПОРТИРОВАННЫХ ГРАЖДАНАХ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.

Документы фондов Вологодского губернского правления и канцелярии Вологодского губернатора дают возможность ознакомиться с таким явлением в истории Вологодской губернии, как присутствие на ее территории лиц разных национальностей, вовлеченных в круговорот исторических событий, главным образом, военных, и перемещенных в вологодский край в 50-е годы XIX - начале XX веков. В судьбе этих людей происходили изменения из-за того, что в их регионах шла война (Северный Кавказ, Средняя Азия) или к ним приближался театр военных действий (Дальний Восток в годы русско-японской войны), или сами «герои», находившиеся на срочной военной службе других государств, самовольно ее оставляли, переходили границу Российского государства, а позднее высылались в отдаленные губернии, в том числе и Вологодскую.

К первой группе относятся дела о горцах, высланных с Кавказа в разные годы. Один из них, упомянутый в документах Вологодского губернского правления за 1849 год как военнопленный, осужденный на крепостные работы в Свеаборге, был оттуда этапирован в распоряжение Вологодского приказа общественного призрения для помещения в богоугодное заведение из-за слабого здоровья ¹. В 1854 году на поселение в Вологду был выслан горец Елизаветинского уезда Тифлисской губернии Майсур-Джафар-Оглы, осужденный военным судом за побег из милиции *. Как следует из документов, многие милиционеры самовольно возвратились в свои дома из-за усталости лошадей и отсутствия запасов пищи ². Большинство вернувшихся были наказаны традиционным судом, состоявшим из почетных граждан жителей селений, и приговорены к

---

* Милиция - отряды из местных жителей, направленные для защиты от вторгшихся лезгин в Джаробелоканский округ в сентябре 1853 г.

телесным наказаниям. Арест же четырех из них, в том числе и Майсура-Оглы, заключение их в Метехский замок в г.Тифлисе и передача дела в военный суд объяснялись тем, что «один из них ударил шашкой преследователя», второй прицеливался из ружья...»³. Суд оценил их действия по условиям военного времени: «наказать шпицрутенами через 500 человек два раза и сослать в исправительные арестантские роты на три года»⁴. Только в результате помилования наместником Кавказа с учетом ходатайства жителей, приговор был смягчен до «...наказания шпицрутенами через 500 человек один раз и ссылкой в арестантские роты на два года». Самый младший из них 16-летний Майсур приговаривался к 250 ударам розгами и ссылке на жительство в Россию, а именно в Вологодскую губернию⁵.

Условия проживания в Вологде для него оказались тяжелыми. Уже в декабре 1854 года от Майсура-Оглы поступило прошение на имя начальника губернии о предоставлении средств на содержание от казны «из-за невозможности заработков по причине незнания русского языка и ремесла». В этой просьбе ему было отказано. И только через год из канцелярии губернатора поступило распоряжение о предоставлении казенного содержания для Майсура-Джафар-Оглы⁶.

Несколько позднее на поселение в Вологду прибыла группа горцев из 22 человек⁷. И хотя состояла она далеко не из военных людей, судьба их оказалась в руках главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом князя Барятинского. По его распоряжению еще в июне 1854 года их доставили в Новочеркасск для поселения на территории Войска Донского. По документам все эти люди были связаны родственными и другими отношениями с высылаемым прапорщиком Шумафом Деукасиоком. Это были его жена и шестеро детей, его племянник и крестьяне с семьями, принадлежавшие прапорщику с племянником. Из Новочеркаска они были отправлены в Тамбов, где их задержали холода. С апреля же 1858 года эта группа по этапу следовала в Вологду на подводах, с суточным содержанием в сумме 15 копеек на каждого из семьи прапорщика и 3,5 копейки серебром для всех остальных.

Причина высылки группы прапорщика Шумафа в документах не названа, но, скорее всего, она аналогична той, которая указана в деле черкеса Чеча за 1858 год: «... Выслан на жительство в здешнюю губернию черкес с женой и дочерью за намерение перейти за Кубань к враждебным нам горцам»⁸. В Вологду они были посланы под надзор полиции. Материальное положение их харак-

теризовалось традиционными трудностями. 15 октября от горца Чеча поступило прошение о назначении казенного пособия из-за «отсутствия средств на пропитание, одежду, обувь».

В апреле 1859 года врачебная управа засвидетельствовала болезнь черкеса Чечи, «просящего казенное пособие». И только в сентябре оно было назначено по распоряжению МВД с выплатой за прошедшие девять месяцев⁹. Положение сосланных в Вологодскую губернию оказывалось еще более сложным, когда казенное пособие вовсе не назначалось. Найти другие источники доходов было трудно. Примером такого положения являются сведения о находившихся под гласным надзором полиции в 1878 году двух кокандцев, высланных из Ферганской области в г.Великий Устюг и г.Кадников. У первого было три жены и 18 детей, у второго - две жены и 7 детей. Деньги на их содержание поступали из Ферганы с большим опозданием¹⁰. Видимо, эти сложности привели через год к их освобождению и возвращению на родину.

На территорию Вологодской губернии высылались и категория лиц из иностранцев, самовольно покинувшие армию своего государства. В ГАВО есть документы о дезертирах из австрийской и прусской армий. В них раскрываются причины бегства из армии и перехода российской границы, взаимоотношение пограничных властей при выяснении всех обстоятельств этих поступков и дальнейшая судьба дезертиров.

Из австрийской армии бежал в марте 1877 года Николай Семков на территорию Белгорайского уезда Люблинской губернии с целью перейти в российское подданство¹¹. После отзыва австро-венгерского консула в Варшаве от 18 октября 1877 года о подтверждении его личности, он был отправлен в Вологодскую губернию в качестве арестанта и определен на жительство в г.Кадников под полицейский надзор. Несмотря на добровольный переход под покровительство России, условия жизни и для Семкова оказались нелегкими: «...средств к существованию не имея», четыре раза отлучался без разрешения с целью найти заработки¹². Через 6 лет, когда «терпел нужду и голод», попросил российского подданства и перевода в большой город - Великий Устюг, где «мог бы приобрести средства к существованию». Н.Семков получил российское подданство в 1885 году с определением места жительства в г.Кадникове¹³.

Более удачно сложились обстоятельства для дезертира из прусской армии Теодора Дроздюка. 6-го октября 1878 года он явился в Ченстоховское уездное управление Петроковской губернии, объяснив, что пятимесячная служба в прусской армии была

ему в тягость из-за незнания немецкого языка, «непонимания муштры и других наук» и он желает остаться в Российской империи, избрав из предложенных губерний Вологодскую¹⁴. Как выяснилось через пограничного комиссара и прусского люблинского ландрата, никаких уголовных преступлений за ним не числилось и в связи с этим ему было разрешено поселиться в г.Кадникове.

Уже в январе 1879 года из Кадниковского полицейского управления поступил рапорт в Вологодское губернское правление о необходимости назначения денежного пособия от казны Теодору Дроздюку. При этом уездная канцелярия выдавала ему со дня прибытия (с 7 января 1879 г.) по 7 копеек в день и поэтому просила назначить выплату с этого дня¹⁵.

О Теодоре Дроздюке есть дополнительные сведения в документах в связи с его просьбой не только о переходе в российское подданство и принятии православия, но и о разрешении на вступление в брак¹⁶. Работая кузнецом на лесопильном заводе купца I гильдии Рыбкина, он получил российское подданство 24 января 1884 года с припиской к мещанам г. Вологды¹⁷.

Наконец, третью группу перемещенных в Вологодскую губернию составляли жители самой отдаленной территории Российской империи - Дальнего Востока: корейцы, японцы, китайцы. Главной причиной их выселения летом 1904 года из районов, близко расположенных к театру военных действий, была их национальность. Они имели самые мирные профессии, в большинстве своем обслуживающего характера: пекарей, подрядчиков, маляров. Среди них были работники папиросной фабрики, владелец харчевни¹⁸.

Расселяли их по таким городам, как Вологда, Тотьма, Лальск, Великий Устюг и другие. По документам ГАВО в Вологде насчитывалось 14 корейцев, в Тотьме - 27, в Лальске - 15. В отдаленных городах их размещали в большем количестве: в Сольвычегодске насчитывалось 40 корейцев, в Великом Устюге - 40 японцев, в Лальске - 16 японцев¹⁹. Однако, для высланных японцев положение изменилось очень быстро. Уже в сентябре 1904 года по ходатайству посла Соединенных Штатов Америки за границу выехали 56 японцев²⁰. Но в ноябре 1904 года в Великий Устюг вновь их прибыло 28 человек.

Следует заметить, что в Вологодской губернии ожидали и военнопленных с русско-японского фронта. Для этого местной администрацией определялись помещения в Вологде, Кадникове, Великом Устюге. Прибытие их связывали с открытием навигации по озеру Байкал. Великий Устюг мог принять до 100 человек,

Грязовец - до 30²¹. Предполагалось отдельное жилье для офицеров и нижних чинов.

Итак, Вологодская губерния по инициативе властей принимала вынужденных переселенцев в течение всей второй половины XIX века. Несмотря на скудость сведений, содержащихся в источниках, они позволяют проследить причины и условия депортации, как отдельных лиц, так и групп населения из других регионов Российской империи в вологодский край. Их положение здесь усугублялось тем, что часто они были обречены на бездеятельность из-за незнания языка. Как мы видели, казенное пособие предоставлялось не всем и его явно не хватало на пропитание. Власти не проявляли особой заботы о депортированных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАВО. Ф.14. Оп.1. Д.1689. Л.4.

² Там же. Д.1934. Л.12.

³ Там же. Л. 13 об.

⁴ Там же. Л.14 об.

⁵ Там же. Л.16.

⁶ Там же. Д.1977. Л.14.

⁷ Там же. Д.2141. Л.1, 1 об.

⁸ Там же. Л.9.

⁹ Там же. Л.21, 22.

¹⁰ Там же. Ф.18. Оп.2. Д.254. Л.3.

¹¹ Там же. Ф.14. Оп.1. Д.2958. Л.3.

¹² Там же. Л.11, 42.

¹³ Там же. Л.34.

¹⁴ Там же. Д.2361. Л.3, 3 об.

¹⁵ Там же. Л.9.

¹⁶ Там же. Л.16 об.

¹⁷ Там же. Л.33, 35.

¹⁸ Там же. Ф.18. Оп.1. Д. 3875. Л.1.

¹⁹ Там же. Д.3876. Л.5 - 6.

²⁰ Там же. Л.8.

²¹ Там же. Д.3877. Л.2, 4.

Н.И.Ядрихинская,
главный хранитель фондов
филиала Государственного архива
Вологодской области в г.Великий
Устюг

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФОНДА ВЕЛИКОУСТЮГСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО СТЕФАНО-ПРОКОПЬЕВСКОГО БРАТСТВА
(1896-1918 гг.)

8 мая 1864 года в России были утверждены правила организации православных церковных братств. Великоустюгское братство было учреждено 26 апреля 1896 года при Прокопьевском соборе, в память 500-летия со дня смерти Стефана Пермского, великоустюгского уроженца, просветителя зырян, населявших большую часть северо-восточных уездов Вологодской епархии, а также во имя святого Прокопия Праведного, устюжского чудотворца.

Братство ставило целями обращение к истинной православной вере раскольников, утверждение в истинах веры колеблющихся православных, содействие религиозно-нравственному образованию народа. «В круг действий» включалось заведование всеми церковно-приходскими школами и школами грамоты викариатства, снабжение старопечатными книгами и противораскольнической литературой церковей и школ, миссионерскую деятельность, охрану и собиране предметов церковной старины.

21 января 1918 года декретом СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» Стефано-Прокопьевское братство было лишено прав юридического лица и прекратило свою деятельность.

Организационно-административное устройство, финансово-хозяйственная деятельность

Организационно-административное устройство братства характеризуют Устав, протоколы общих собраний и журналы заседаний совета братства, доклады и отчеты о его деятельности, списки членов, переписка об утверждении в должности и перемещении по службе членов уездных отделений.

В 1912 году в существующий Устав был внесен дополнительный параграф о правах братства приобретать на свое имя и отчуждать недвижимое имущество, заключать договоры и сделки, защищать свои интересы на суде через уполномоченных.

Сохранился журнал первого общего собрания братства от 26 апреля 1896 года, на котором председателем совета братства избрали священника Дмитрия Смирнова.

Братство состояло из членов почетных, действительных и соревнователей. В почетные члены избирались лица, занимавшие высшие правительственные должности, оказывавшие помощь и сделавшие единовременное пожертвование не менее 100 рублей. Все почетные члены считались пожизненными. Действительные члены вносили ежегодно в пользу братства не менее 3 рублей, а члены-соревнователи - по 1 рублю. Сохранились списки членов братства по состоянию на 1898-1900, 1913-1914, 1916-1917 годы.

Делами управляли общее собрание и совет. Обычные собрания проходили в день памяти св. Стефана Пермского (26 апреля) и св. Прокопия Праведного (8 июля), а экстренные - по особо уважительным причинам в дни, назначаемые советом или председателем собрания.

В обязанности совета входило хранение сумм и другого имущества, составление финансовой документации, отчетов о деятельности братства, приобретение и рассылка церквям старопечатных книг и противораскольнической литературы. Совет ведал школами в Великоустюгском, Никольском, Сольвычегодском, Яренском и Устьсысольском уездах, изыскивал средства на постройку церковей-школ и часовен в деревнях, удаленных от приходских церквей и населенных людьми, склонными к расколу.

Совет рассматривал донесения о ведении внебогослужебных собеседований и чтений и общем церковном пении при церквях Великоустюгского викариатства. Предметами собеседований, как правило, были воскресное и праздничное Евангелие, история праздника, житие празднуемого святого, объяснение таинств и обрядов при их совершении, богослужения и внешней обстановки его, символа веры, молитв, заповедей и др.

Народ охотно посещал собеседования, особенно в зимнее время и преимущественно в великие посты. Чтения предлагались из книг духовно-нравственного содержания, нередко с изъяснением прочитанного. Совет братства делал вывод о благотворном влиянии внебогослужебных собеседований на религиозно-нравственные, общественные и бытовые темы.

8 июля 1903 года по предложению совета братства в г. Великом Устюге торжественно праздновалось 600-летие со дня смерти чудотворца св. Прокопия Праведного.

В 1913 году началось строительство «братского дома», с двухклассной школой в нижнем этаже.

Журналы заседаний совета, доклады и отчеты о деятельности братства сохранились за все годы его существования. В фонде также имеются журналы заседаний уездных отделений: Великоустюгского - за 1896-1897 годы, Никольского - за 1896 год, Сольвычегодского - за 1896, 1902, 1906-1907, 1912 годы, Устьсысольского - за 1896 год, Яренского за 1896-1897 гг.

Средства братства составлялись из ежегодных взносов, добровольных пожертвований, в том числе от приходских церквей и монастырей Великоустюгского викариатства, из сборов в братскую кружку, от продажи книг, брошюр и листов, из пособий от городских обществ и уездных земств. В фонде имеются документы о поступлении пожертвований за 1896 год и листы для сбора пожертвований в пользу братства по Никольскому уезду за 1906-1917 годы, а также ведомости в качестве приложений к годовым отчетам.

В 1913 году была составлена смета расходов на строительство двухклассной школы с помещением канцелярии совета братства.

Противораскольническая деятельность

Основными видами документов, отражающих противораскольническую деятельность совета братства, являются протоколы общих собраний священнослужителей, переписка об утверждении их в должности, о выборах миссионеров, отчеты миссионеров о состоянии раскола и миссионерской деятельности, дневники и рапорты помощников епархиального миссионера о поездках, сведения и ведомости о состоянии раскола, числе раскольников.

Для борьбы с расколом в уездах Вологодской епархии, входящих в состав Великоустюгского викариатства, были учреждены должности двух помощников епархиального миссионера. Они состояли в ведении совета братства и посещали приходы с раскольническим населением для ознакомления с состоянием раскола. Там они вели публичные и частные беседы с раскольниками и православными, склонными к расколу. Указами Синода от 17 мая и 30 октября 1913 года помощникам вологодского епархиального миссионера А. Углецкому и С. Ключкову были присвоены звания епархиальных миссионеров-проповедников.

Помощники епархиального миссионера представляли подробные дневники, рапорты, отчеты о каждой своей поездке и отчеты о деятельности за год, которые представляют большой интерес для исследователей. В них содержится подробное описание встреч и бесед с населением. Большое внимание в них уделяется быту и культуре старообрядцев.

В Великоустюгском викариатстве борьбу с расколом вели и окружные миссионеры Вологодской епархии. Они ежегодно объезжали все приходы своих округов, выбирая для поездок время, свободное от полевых крестьянских работ.

В фонде отложились сведения и ведомости о состоянии раскола и противораскольнической деятельности за 1896-1897, 1907 годы и о числе раскольников по приходам викариатства за 1896, 1898 годы. Имеются списки раскольников за 1896-1897 годы.

Совет братства ходатайствовал о поощрении священников за ревностную борьбу с расколом, давал указания относительно постановления противораскольнической миссии, приобретал книжные пособия для окружных миссионеров, подбирал учителей с богословским образованием в церковные школы приходов с раскольническим населением.

Состояние раскола и меры борьбы с ним рассматривались и на собраниях священников-миссионеров. Журналы собраний сохранились за 1897, 1901 годы. В июле 1903 года в селе Черевково Сольвычегодского уезда состоялся пастырско-миссионерский съезд. Подробная информация о нем содержится в журналах заседаний съезда.

Открытие и устройство школ

На общих собраниях братства 27 апреля и 14 сентября 1897 года рассматривался вопрос об открытии в Великом Устюге миссионерской противораскольнической школы с целью подготовки противораскольнических миссионеров из среды крестьян, учителей для сельских школ грамоты. Школа и общежитие для учащихся открылись в Великоустюгском Михайло-Архангельском монастыре к началу 1898/1899 учебного года.

Деятельность школы представлена Уставом, журналами общих собраний, перепиской, расписанием занятий, экзаменационными ведомостями, прошениями об определении на должности учителей и приеме на учебу за 1897-1902 годы.

В школу принимались лица мужского пола от 22 до 35 лет

преимущественно из крестьян со сроком обучения три года. Для поступления была обязательна рекомендация священника. В Уставе сформулирована главная цель воспитания: «...в школе имеет быть обставлено все так, чтобы за 3 года пребывания в ней мог выработаться из учащегося христиански благонадежный и добрый человек, что должно достигаться не строгостью школьной дисциплины, а окружающей обстановкой и сердечным отношением учителей»¹.

В школе преподавали законоучитель-священник Великоустюгской городской Варваринской церкви о.Тихон Соколов (он же обучал церковному пению), по истории и обличению русского раскола и учению о богослужении - учитель Великоустюгского духовного училища Федор Булатов. Учащиеся также осваивали приемы обучения чтению, письму, счету, так как школа готовила не только проповедников, но и учителей для школ грамоты. Для практического ознакомления с методами начального обучения ученики старшего отделения посещали уроки в Красногорской церковно-приходской школе г. Великого Устюга и в конце учебного года каждый из них давал в этой школе пробный урок.

Всего в течение четырех лет существования миссионерской школы в ней окончили полный курс 16 лиц разного звания.

Однако главным предметом забот являлось попечение о церковных школах викариатства. Совет братства на правах епархиального училищного совета заведовал церковными школами при помощи уездных отделений и принимал все меры к развитию и улучшению церковно-школьного дела в северо-восточных уездах Вологодской епархии.

Совет исполнял распоряжения училищного совета при Святейшем Синоде и местных епископов, касавшиеся церковных школ. Рассматривал отчеты уездных отделений и уездных наблюдателей церковных школ, решал хозяйственные вопросы, а также «приискивал способных кандидатов» на учительские должности.

Основными видами документов, отражающих эту сторону деятельности, являются журналы заседаний съездов уездных наблюдателей за церковно-приходскими школами, доклады, отчеты, сведения и переписка о строительстве, ремонте и содержании школ, состоянии в них учебно-воспитательной работы, численности учащихся, материалы об устройстве и деятельности педагогических курсов за 1896-1918 годы.

Всего к 1 января 1901 года в ведении братства находилось 499 школ грамоты и церковно-приходских. В них обучалось 17111

учащихся. Общее число школ, открытых в 1900 году (считая и школы, преобразованные из одного разряда в другой) достигло 36².

Все церковные школы викариатства снабжались учебниками и учебными пособиями из книжных складов, существующих при всех уездных отделениях совета братства. При школах на средства церкви и местного населения содержались библиотеки-читальни. Работу библиотек церковно-приходских школ и школ грамоты за 1897 год характеризуют сведения уездных отделений.

Наглядными пособиями и физическими приборами наиболее богато была снабжена Сольвычегодская ремесленная школа имени М.А.Хаминова, в которой учебные занятия начались 24 ноября 1908 года. Школа была организована по типу учебных мастерских с общежитием при ней для 15 учеников. Курс обучения длился три года. Здесь обучались столярному и токарному ремеслу и общеобразовательным предметам.

Кроме обязательных предметов в некоторых школах давались дополнительные уроки по истории и обличению раскола, сельскому хозяйству, игре на скрипке, столярному ремеслу, переплетному мастерству, рукоделию, пчеловодству, гимнастике.

В фонде отложились программы обучения рукоделию за 1899 год, истории раскола старообрядчества - за 1902-1905, 1908 годы, Закона Божия - за 1909, пчеловодству - за 1916, строю и гимнастике - за 1911 год.

Рукодельные работы учеников были представлены в качестве экспонатов на Всероссийскую церковную школьную выставку, проходившую в 1909 году в г.Санкт-Петербурге. Об этом свидетельствует переписка с Вологодским епархиальным и уездными наблюдателями церковных школ, уездными отделениями совета братства.

Заслуживают внимания отчеты учителей о преподавании и ведении сельского хозяйства в Устьсысольской второклассной школе за 1895-1902 годы и Никольской второклассной школе за 1909-1910, 1912, 1914-1916 годы.

Состав учителей в церковных школах не мог быть признан вполне удовлетворительным как по своему образовательному цензу, так и подготовке к педагогической деятельности: 275 из 536 в 1900/1901 учебном году не имели права на учительские звания³. Поэтому естественны были постоянные заботы уездных отделений о подборе и назначении на учительские должности правоспособных кандидатов. С этой целью отделения старались улучшить материальный быт учителей, им выдавали денежные суммы на проезд к месту службы и на родину в летние каникулы, более опытных и усердных

поощряли денежными наградами. Ежегодно увеличивали, по мере возможности, жалованье учителям. Об этом можно узнать из переписки совета братства с училищным советом при Синоде, уездными отделениями за 1915-1918 годы. В 1899 году было учреждено общество взаимопомощи учащихся. Был выработан и утвержден его Устав. Сохранился отчет о деятельности общества за 1903-1904 годы.

Совет братства устраивал временные педагогические курсы. Об этом имеются сведения за 1896, 1898-1901, 1903, 1910, 1912-1913 годы.

Учащимся в церковных школах давали пищу и ночлег. В 1900 году при 110 школах имелись ночлежные приюты ⁴. Устройство ночлежных приютов являлось необходимым делом, так как деревни находились от приходских церквей на довольно значительном расстоянии. В приютах не было удобств: дети спали на деревянных примостках или нарах без постелей.

Все уездные отделения в своих отчетах свидетельствовали, что крестьянское население очень сочувственно относилось к церковным школам. Это выражалось в том, что крестьяне вносили посильный вклад в содержание и устройство школ, нередко переполненных учащимися.

Большую помощь оказывало церковным школам купечество. Так, великоустюгский купец Александр Николаевич Ноготков, принимавший в 1899 году участие в постройке здания для церковно-приходской школы при Пятницкой церкви в Великом Устюге, к началу 1900/1901 учебного года построил новую удобную школу на 60 человек в деревне Есиплево. Он же и содержал помещение этой школы. Большие суммы на содержание церковных школ жертвовал великоустюгский купец Степан Иванович Ноготков.

Великоустюгская купеческая жена Мария Васильевна Ноготкова и купец Михаил Ильич Охлопков снабжали бедных учащихся одеждой, обувью. М.В.Ноготкова устроила для них елку на рождественских каникулах. Купец З.П.Жилин пожертвовал 13 пар валенок. Многие частные лица жертвовали деньги.

Книжный склад и древлехранилище

Книжный склад в г.Великом Устюге был открыт советом братства в 1899 году для распространения путем продажи литературы духовно-нравственного содержания и богослужебных книг. Книги выписывались из Московской синодальной типографии в

кредит, из редакции «Троицких Листков» и частных книжных магазинов.

Продавал книги псаломщик Александр Шергин. В 1901 году ему была выражена благодарность совета за аккуратное и добросовестное ведение книжной торговли. Было решено пополнять книжные запасы изданиями более дешевыми, а книги с ценными украшениями приобретать в самом ограниченном количестве.

Для более подробного знакомства с работой книжного склада следует обратиться к годовым отчетам о деятельности братства.

Стефано-Прокопьевское братство взяло в свои руки собрание и охрану древних церковных исторических памятников для лучшего их сбережения и изучения. Древлехранилище официально было открыто 3 октября 1910 года, хотя вопросы о его учреждении и отводе помещения рассматривались с 1907 года. Находилось оно в ведении особого комитета во главе со смотрителем Великоустюгского духовного училища священником К.А.Богословским.

От церквей, монастырей, духовных и гражданских лиц сюда поступали древние иконы, резные изображения из дерева, старинные монеты, сборники проповедей, старинные рукописи. Все предметы заносились в инвентарный каталог.

Большую работу по разбору древних рукописей провел член комитета преподаватель Великоустюгского духовного училища В.П.Шляпин. Член комитета слушательница Санкт-Петербургского пединститута Н.В.Куканова «усердно работала в помещении Древлехранилища над разбором архивных дел бывшей Великоустюгской консистории и Духовного правления, большинство их привела в систему и сложила в правильные связки...»⁵.

Благодаря старанию членов комитета сохранились и составили фонды нашего архива многие документы по истории церквей г.Великого Устюга и уезда. В.П.Шляпин был первым заведующим Северо-Двинского губернского архива, созданного в 1920 году в Великом Устюге.

Годовые отчеты о деятельности братства свидетельствуют, что на расходы по содержанию древлехранилища и на издание печатных трудов комитет получал денежное пособие от совета Стефано-Прокопьевского братства.

***

Документы Великоустюгского православного Стефано-Прокопьевского братства поступили на государственное хранение в

1921 году. Фонд насчитывает 459 дел за 1896-1918 годы и содержит богатый материал по истории, этнографии и культуре Великоустюгского региона. Видовое разнообразие документов, тематическая неразработанность фонда, несомненно, привлекут к нему широкий круг исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ВУФ ГАВО. Ф.265. Оп.1. Д.48. Л.25

² Там же. Д.146. Л.61.

³ Там же. Л.67, 67 об.

⁴ Там же. Л.72 об.

⁵ Там же. Д.354. Л.58.

О.В.Артемова,
кандидат исторических наук,
заместитель директора
Вологодского областного архива
новейшей политической истории

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ ВОЛОСТНЫХ КОМИТЕТОВ ПАРТИИ ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Волостные комитеты (волкомы) ВКП(б) были руководящими партийными органами волостных организаций коммунистической партии. Они существовали в период с 1918 по 1929 годы, причем в Северо-Двинской губернии - по 1924, Череповецкой и Ленинградской - по 1927, Вологодской - по 1929 годы. Причинами ликвидации волкомов стали изменения в административно-территориальном делении страны, в результате которых были упразднены волости.

Волкомы были партийными органами низшего звена, учреждались в соответствии с указанием ЦК РКП(б) об организации территориальных партийных структур. Следует отметить, что при наличии активных партийных организаторов на местах волостные организации РКП(б) возникали ранее уездных и даже до оформления губернских партийных органов, по инициативе снизу. Однако, чаще бывало так, что вышестоящим партийным органам приходилось инициировать возникновение волостных организаций и волкомов, посылая своих эмиссаров для проведения общих волостных собраний коммунистов.

Волкомы подчинялись уездным комитетам партии, однако в тех случаях, когда волостные организации формировались ранее уездных, они вели переписку непосредственно с центральными и губернскими партийными органами и от них получали директивы.

Волостные комитеты ВКП(б) осуществляли идейно-политическое руководство деятельностью первичных партийных и комсомольских организаций. Судя по составу документов волкомов, они активно занимались решением хозяйственных и социальных проблем волостей, контролировали работу волисполкомов. Волкомы проводили политику партии на местах путем организации различного рода агитационно-пропагандистских, политических и экономических кампаний.

Партийные органы низшего звена тесно сотрудничали с административными и советскими органами волостного уровня, занимались вербовкой новых сторонников в ряды партии. В 1920-е годы они были неотъемлемой частью советской системы в волостных административных единицах.

Всего на хранении в Вологодском областном архиве новейшей политической истории находится 58 фондов волостных комитетов партии и в них - 3677 единиц хранения за 1918-1930 годы. Из них 33 фонда составляют документы волкомов Вологодской губернии, 20 фондов - Череповецкой, 3 фонда волкомов Вытегорского уезда Ленинградской губернии, 2 фонда волкомов Никольского уезда Северо-Двинской губернии.

Наибольшим объемом документов отличаются архивные фонды волостных комитетов ВКП(б) Вологодской и Череповецкой губерний. Незначительный объем документов содержат фонды волкомов Вытегорского уезда Ленинградской губернии и Никольского уезда Северо-Двинской губернии, что можно объяснить только их плохой сохранностью. Частично недостаток документов волкомов двух последних губерний можно восполнить за счет материалов, отражающих деятельность волкомов, сохранившихся в фондах губернских и уездных комитетов партии.

Все описи фондов волкомов построены по хронологическому принципу, так как волкомы при небольших штатах не имели четко выраженной структуры.

Что касается состава документов волкомов, то он традиционен для фондов партийных органов. Во-первых, это постановления, указания, директивы вышестоящих партийных органов.

Во-вторых, это протоколы различных мероприятий - общих собраний волостных партийных организаций, заседаний волкомов, пленумов, бюро, комиссий волкомов, совещаний секретарей партийных ячеек, собраний первичных партийных организаций, собраний женщин, бедноты по организационно-партийным, идеологическим, социально-экономическим вопросам.

В-третьих, это планы работы волкомов, статистические отчеты о составе и численности волостных партийных организаций.

В-четвертых, это информации аналитического характера в уездные комитеты партии о проведении агитационно-пропагандистских кампаний и мероприятий, отчетно-выборных кампаний в ячейках, выполнении указаний укомов и вышестоящих партийных органов.

В-пятых, это справки инструкторов волкомов о результатах проверки состояния дел в первичных партийных, комсомольских организациях, советских учреждениях, хозяйственных организациях.

В-шестых, это переписка с укомами, промышленными предприятиями, сельхозкооперативами, военными организациями по организационно-партийным, хозяйственным, финансовым, социально-экономическим вопросам. Следует особо выделить переписку с отрядами чрезвычайного назначения и ЧК, ОГПУ по вопросам укрепления позиций советской власти в волостях, выполнения государственных поставок сельхозпродукции, обеспечения порядка в волостях.

Кроме того, фонды волкомов содержат списки первичных партийных организаций, членов и кандидатов в члены партии, а также финансовые документы.

Документы волостных комитетов партии освещают широкий круг проблем по отечественной истории первых лет после Октябрьской революции. В первую очередь, они характеризуют организационно-партийную и агитационно-пропагандистскую деятельность партийных органов низшего звена, динамику состава и численности волостных и первичных партийных организаций. Среди документов волкомов встречаются материалы, содержащие сведения о чистках в партии, о кадровой политике ВКП(б).

Практически все фонды содержат богатый материал по работе школ и кружков политграмоты, изб-читален, клубов, различных добровольных обществ. Так, в фонде Грязовецкого волкома имеются сведения о работе драматического кружка, а в фонде Чушевицкого волкома - материалы о работе Суходворского кружка домоводства.

Работа с женщинами была одним из основных направлений агитационно-пропагандистской деятельности волкомов, поэтому их фонды могут стать источником при исследовании женского движения первых лет советской власти. В ряде фондов волкомов имеются документы комиссий по созданию детских яслей. Среди документов волкомов можно встретить даже такие документы, как книги учета расхода продуктов и книги посещаемости детских яслей.

Волкомы действовали в сельской местности, поэтому их фонды содержат сведения о развитии сельского хозяйства, коллективизации и раскулачивании. Очень распространенными документами являются протоколы крестьянских беспартийных конференций и собраний групп бедноты. В ряде фондов имеются справки об

экономическом состоянии первых колхозов и совхозов. В частности, в фонде Кемского волкома хранятся материалы о создании Кемской трудовой коммуны (1918 г.). Определенную ценность представляют и сведения о развитии сельской потребительской кооперации.

В фондах тех волкомов, в чьих волостях имелись относительно крупные промышленные предприятия, содержится информация о жизненном уровне и условиях жизни рабочих, об организации производственного процесса и др.

Волостные комитеты партии принимали деятельное участие в антирелигиозных кампаниях. Поэтому в документах волкомов можно встретить справки, содержащие сведения о методах и приемах борьбы с влиянием православной церкви и других религиозных организаций на сельских жителей, протоколы заседаний волостных антирелигиозных комиссий. В фонде Ежемского волкома имеются описи церковных ценностей, изъятых из Коштугской Сретенской церкви Вытегорского уезда.

Фонды волостных комитетов партии нельзя отнести к интенсивно используемым исследователями, между тем они содержат весьма ценную первичную информацию по многим проблемам отечественной истории новейшего периода.

Т.Ю.Труханович,
главный специалист архивного
отдела мэрии г.Череповца

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФОНДА ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

В Череповецком центре хранения документации имеется фонд № р-279 управления по эвакуации населения Череповецкого губисполкома. Фонд включает в себя документы не только самого губэвака, но и организаций, ему предшествовавших: уездного комитета помощи беженцам, губернских отдела, коллегии и управления по делам о пленных и беженцах - всего 108 дел по двум описям.

Опись № 1 на 94 дела постоянного хранения за 1917-1922 годы включает в себя приказы, указания вышестоящих организаций, протоколы общих собраний, переписку по вопросам работы с беженцами и пленными и др.

В опись № 2 внесено 14 дел по личному составу за 1918-1922 годы - приказы, списки, удостоверения, ведомости на выдачу зарплаты и др.

В фонде отложились документы Череповецкого уездного комитета и бюро помощи беженцам за 1917 - июнь 1918 годов (опись 1, дела № 1, 5, 7, 13-14, 16-19, 21-24, 50-53).

Документы фонда впервые поступили на государственное хранение в 1952 году. Физическое состояние дел удовлетворительное. Часть документов - рукописные, большинство - машинописные.

Состав документов достаточно широк. Это копии декретов Совета народных комиссаров Российской Федерации, приказы, циркуляры и указания вышестоящих организаций по вопросам работы с военнопленными и беженцами, сметы расходов, удостоверения, списки, ведомости, письма и другие документы.

Объем организационно-распорядительной документации невелик, по сравнению с количеством писем, заявлений, служебных записок и т.д. В ряде случаев, требуется не только анализ документов, но и поисковая работа, в частности, по установлению подчиненности Череповецкого губэвака и предшествующих ему организаций. Так, соподчиненность раскрывают циркулярные указания Центральной коллегии о пленных и беженцах, находившейся в

Москве, а также телеграммы с объявлением указаний, которые приходили из Комплембежсева (Комиссариата по делам пленных и беженцев Северной области) из Петрограда. Например, в фонде есть телеграмма следующего содержания, косвенно указывающая на подчиненность:

«Череповец, из Петрограда, 14 октября 1918. Циркулярно.

Предлагаю прекратить немедленно всякого рода командировки членов и служащих коллегии в Петроград без моего разрешения. Сообщить это уездным коллегиям. Впредь, в случаях необходимости прибытия в Петроград, запрашивать предварительно разрешения. Приезжающих без разрешения, помимо лишения проездных документов и суточных, буду привлекать к ответственности.

Комплембежсев Фенигштейн»¹.

Иногда документ содержит, помимо основной дополнительную информацию. Например, в смете расходов Череповецкого уездного комитета помощи беженцам на II квартал 1918 года кроме планируемых расходов есть сведения о половозрастном составе беженцев:

«1 Мужчин до 60 лет. возраста - 467 чел.
2 Мужчин свыше 60 лет - 33 человека
3 Женщин до 55 лет, имеющих детей, - 613 человек
4 То же без детей - 31 человек
5 Женщин свыше 55-летнего возраста - 106 человек
6 Детей до 14-летнего возраста - 820 человек
ИТОГО 2070 человек»²

Есть документы, не относящиеся напрямую к деятельности губэвака, но помогающие оценить ситуацию в целом, характеризующие то время. К примеру, телеграмма от 14 сентября 1918 года:

«Череповец, из Москвы.

При отступлении от Казани белогвардейцы Чехословакии похитили золото - достояние Советской Республики. Шире известите население о необходимости в поимке похитителей. Усильте надзор за прибывающими. При обнаружении воров беспощадно преследуйте.

Наркомвнудел Петровский»³.

Сведения о начальном этапе помощи беженцам есть в протоколе общего собрания беженцев, оставшихся в г. Череповце и Череповецком уезде, которое состоялось 3 марта 1918 года. На собрании с докладом о проведенной работе выступил делопроизводитель бюро уездного комитета помощи беженцам И.И. Мельбарзд.

Этот доклад является единственным источником, из которого мы узнаем, как был создан комитет. А именно: в августе 1915 года городской голова А.В. Черняев собрал на частное совещание местных общественных деятелей, где и был избран уездный комитет помощи беженцам. Комитет создавался с целью защиты интересов беженцев, оказания им материальной и другой помощи, организации возвращения их на родину.

С начала существования новый комитет располагал средствами только от добровольных пожертвований. Затем, когда наплыв беженцев увеличился, средства стали поступать из государственной казны. К 1917 году число членов комитета достигло 26 человек. Это были представители местной общественности. Но за год ситуация, судя по докладу, изменилась: беженцы освоились, стремились сами решать свои проблемы. Прошли два Всероссийских съезда беженцев, начались процессы демократизации общества. Старые комитеты помощи беженцам были переизбраны. В фонде имеется протокол собрания беженцев, зафиксировавший создание Череповецкого уездного комитета помощи беженцам в новом составе ⁴.

В апреле 1918 года был издан декрет правительства о создании Центральной коллегии по делам пленных и беженцев ⁵. Она входила в Комиссариат по военным делам в качестве отдела Центропленбеж, а со второй половины 1919 года перешла в ведение Комиссариата внутренних дел ⁶. Декрет послужил основой для реорганизации дела помощи беженцам и военнопленным.

В докладе начальника губэвака о деятельности за время с июля 1918 по 25 апреля 1920 года читаем: «Дело по заведованию беженцами и пленными в пределах губернии впервые было объединено только во второй половине 1918 года, после того, как открылся в Череповце губернский отдел о пленных и беженцах» ⁷.

Подтверждение этому факту находим в протоколе общего собрания Череповецкого уездного комитета помощи беженцам от 20 июля 1918 года: «Исполком Череповецкого губернского совдепа решением от 19 июля 1918 года № 942 в соответствии со ст.1 приказа № 2 от 2 июня 1918 года Центральной коллегии о пленных и беженцах упразднил Череповецкий уездный комитет о беженцах с 20 июля. На смену этому учреждению пришел губернский отдел о пленных и беженцах» ⁸.

Подробной информации о работе губотдела по делам пленных и беженцев в ЧЦХД нет. В упомянутом докладе отмечено, что существование отдела было крайне непродолжительным - около пяти недель. В августе (точную дату установить не удалось) он был

переименован в коллегия о пленных и беженцах, а затем - в управление по делам пленных и беженцев (судя по документам, это произошло в первой половине 1919 года), а с апреля 1920 года - в управление по эвакуации населения (губэвак) ⁹.

Череповецкий губэвак, как и другие учреждения этой системы, просуществовал до января 1922 года. Приказ Наркомата внутренних дел от 20 декабря 1921 года № 757 предписывал ликвидировать все существовавшие губернские и уездные управления по эвакуации населения с подведомственными им учреждениями и пунктами. Взамен предлагалось организовать базисные и линейные пункты и эвакуационные столы при административных отделах губисполкомов ¹⁰. Копия этого приказа явилась как бы основной дела о ликвидации губэвака.

Изучение истории любой организации предполагает ознакомление с ее штатным расписанием. Штатные расписания в рассматриваемом фонде имеются только за 1918 и 1921 годы ¹¹. Но зато фонд изобилует различными списками, в том числе и служащих уездного комитета, губотдела, губколлегии, губэвака.

В д.14 есть список избранных в состав комитета помощи беженцам в марте 1918 года. Некоторые фамилии встречаются в документах за более поздние годы, например, К.М. Адамсон, С.А. Кулешо.

Помимо списков работающих в организациях, ведомостей на получение жалования, в фонде имеются списки, составленные по другим поводам и дающие косвенную характеристику того времени: на получение платного красноармейского пайка ¹², нуждающихся в обуви ¹³, содержащие сведения о количестве едоков ¹⁴ и др.

На основе анализа этих документов можно получить представление о штатах. В 1918 году в губколлегии числилось 7 штатных единиц: председатель, секретарь, член коллегии, регистратор, машинистка, рассыльный, сторож распределительной квартиры ¹⁵. В списке должностей губернского управления от 6 декабря 1919 нет должностей секретаря и рассыльного, но появились помощник начальника, старший и младший делопроизводители, переписчик, кладовщик, сторож управления ¹⁶. В следующем, 1920 году, в управлении появились отделения: снабжения и санитарное. Часть должностей была исключена, введены новые - врача, агента по закупкам, заведующего общей канцелярией, счетовода ¹⁷.

Сведения о структуре и штатном составе губэвака за 1921 год можно найти в «Адрес-календаре Череповецкой губернии на 1921 год». В нем числятся три подотдела: снабжения, финансовый и

медико-санитарный; указана штатная численность - 17 человек и фактическая - 13¹⁸. Сведения эти подтверждаются имеющимися в фонде губэвака штатным расписанием и списками¹⁹.

1 декабря этого же года в губэвак поступила телеграмма за подписью начальника Центроэвака Попова о сокращении штатов до минимума²⁰. Окончательный вариант штатного расписания за 1921 год с учетом сокращения штата не сохранился. Но в фонде губэвака имеются удостоверения, выданные сотрудникам и датированные декабрем 1921 года, из которых следует, что в управлении работали начальник губэвака, его помощник, счетовод, агент по поручениям и доставке продовольствия, врач, заведующий общей канцелярией, машинистка²¹.

Таким образом, штатная численность губэвака и предшествовавших ему организаций была довольно незначительной. Объем же работы был велик, как и трудности, которые приходилось преодолевать.

Обобщающих документов, исчерпывающе раскрывающих работу по оказанию помощи военнопленным и беженцам в г. Череповце, в фонде не много. Протоколы заседаний бюро, общих собраний, доклады о деятельности есть только в шести делах (№№ 14-15, 18а, 59, 72, 82а); 45 дел содержат указания, циркуляры вышестоящих организаций, переписку по вопросам основной деятельности. Поэтому, с одной стороны, работа с документами фонда усложняется, так как многие факты не имеют прямых подтверждений, например, о непосредственной подчиненности организации, с другой - она более интересна, так как требует анализа, сопоставления, обобщения информации.

В современных номенклатурах дел организаций, предприятий, учреждений документам вышестоящих организаций определяется срок хранения «до минования надобности». Но именно без этих документов в данном конкретном случае невозможно написать историю учреждения. Так что в интересах исследователей целесообразно оставлять более полный комплекс документов при отборе их на государственное хранение.

Круг ведения и функции губэвака определены в «Адрес-календаре Череповецкой губернии на 1921 год». Это - «пищевое, продуктовое, вещевое и медико-санитарное обслуживание русских и вражеских военнопленных, беженцев и иностранцев, а также рабочих по трудовой повинности и красноармейцев, едущих в бессрочный отпуск, и параллельно с этим учет, регистрация и переброска обслуживаемого контингента прибывающих и едущих

мимо станции Череповец»²². Эти функции были присущи организациям, занимавшимся проблемой беженцев и военнопленных, и в более ранний период.

Сведения, содержащиеся в отчетных документах, прежде всего, в докладах руководителей, дают представление о динамике этой работы. Проанализировав данные о регистрации беженцев и военнопленных, приходим к выводу, что пик активности приходится на период с июля 1918 по апрель 1920 года. В это время было зарегистрировано 2045 беженцев, 4917 русских и 130 военнопленных. Для сравнения: с 1 февраля по 1 июня 1921 года было зарегистрировано 249 беженцев и 200 военнопленных²³.

Информация о конкретных видах помощи обслуживаемому контингенту содержится не только в докладах о работе губэвака, но и в многочисленных письмах, удостоверениях, докладных записках и т.п. Документы такого рода делают историю учреждений живой, осязаемой, интересной. Вот примеры характерных документов:

«Предъявительница сего, Лавиза Пломберг по спискам Бюро значится беженкой из района военных действий, вдова и никаких средств к существованию не имеет. Удостоверение выдано ей, Пломберг, по личной ее просьбе на предмет приискания себе работы. 2 марта 1918 года»²⁴.

«Предъявительница сего, Юзефа Матвеевна Стемпковская по спискам Бюро значится беженкою из района военных действий. Вследствие прекращения по распоряжению Комиссара внутренних дел выдачи беженцам продовольственных пайков названная беженка получила от Череповецкого бюро помощи беженцам 30 апреля с.г. пособие для 2-х детей в сумме 43 рубля 60 копеек. Семья ее состоит из мужа, ея самой и 9 детей. Бюро же за недостатком средств лишено возможности оказать ей в настоящее время какую бы то ни было помощь. Удостоверение это выдано ей для представления комиссару призрения на предмет получения бесплатных обедов. 9 мая 1918 года»²⁵.

«Череповецкая губернская коллегия о пленных и беженцах просит Череповецкий уездный военный комиссариат выдать возвратившемуся из плена Ивану Степанову Кузину бесплатную литературу на проезд до ст.Кадуй Северной железной дороги и выдать ему же хлеба и сахар на двое суток. 20 сентября 1918 года»²⁶.

«Череповецкая губернская коллегия о пленных и беженцах просит оказать содействие к получению места прибывшему из плена гр.Павлу Дмитриевичу Едомскому. Означенный гражданин крайне нуждается в заработке. 2 января 1919 года»²⁷.

Из переписки мы узнаем, что Пленбеж (это слово часто встречается в документах и является как бы обобщенным названием учреждений, занимавшихся оказанием помощи беженцам и пленным) в Череповце располагал распределительной квартирой, инвалидным домом, школой, детским приютом, аптекой, приемным покоем ²⁸. При станции Череповец функционировал питательный пункт. Он занимал комнату в зале вокзального помещения, обслуживая проходящие эшелоны. Нагрузку пункта можно оценить, читая телеграммы, например

из Вятки от 31 августа 1918 года: «Согласно предписанию Компленбежсев санитарный поезд 4 следует в Череповец. Нагрузка - 150 австрогерманцев. Приготовьте продукты, хлеба. Старший врач Бискоман» ²⁹;

из Тихвина от 21 октября 1919 года: «21 октября утром прибудет эшелон петроградских беженцев. Приготовьте обед на пятьсот человек. Комендант эшелона Афанасьев» ³⁰;

из Вологды от 10 ноября 1919 года: «Прошу приготовить продовольствие. Эшелон 541 на 316 человек. Комендант эшелона Королев» ³¹.

За пять месяцев 1921 года, когда особый наплыв проходящих через Череповец беженцев, военнопленных был уже позади, через питательный пункт проследовало и было удовлетворено продовольствием военнопленных, беженцев и трудармейцев 7269 человек, демобилизованных красноармейцев - 8941 человек ³².

Губэвак имел продуктовые склады, запасы которых пополнялись по нарядам Наркомпрода через Вологодскую распределительную базу и отчасти через губпродком ³³. По санкциям губпродкома отпускался хлеб отъезжающим, выдавалось кормовое довольствие для находящихся в инвалидном доме, продукты проживающим в городе ³⁴. Обеспечение продовольствием велось по утвержденным нормам. Рационы разрабатывались отдельно для различных категорий опекаемого контингента ³⁵.

Вот вариант суточного рациона на человека (документ не датирован, в деле за 1921-1922 годы): хлеба - 1 фунт *, крупы-1/4 фунта, соли - 3 золотника **, кофе - 1 золотник или чаю - 0,2 золотника, масло - 2,8 золотника, мыло - 1/4 фунта в месяц, спички - 2 коробки, табак - 1 фунт. К рациону есть примечание: «Каждый красноармеец, военнопленный, беженец, трудармеец имеет право на получение продуктов на складах, пунктах исключительно по вышеуказанному рациону. В случае невыдачи того или иного продукта, или уменьшения нормы, обращаться в губэвак ³⁶.

В 1921 году из-за продовольственных трудностей нормы стали сокращаться. Приказ начальника губэвака от 4 июня 1921 года № 55 гласил: «Вследствие ограниченного количества запасов растительного масла суточную выдачу контингенту за исключением больных, детей и персонала пункта сократить до 2 золотников» ³⁷.

Приказ начальника Центроэвака от 10 октября 1921 года № 728: «Ввиду недостаточного фонда картофеля, отпущенного Наркомпродом Центроэваку, предписывается впредь картофель расходовать в половинном размере рациона № 1, предусмотренного приказом № 700, то есть по 1/2 фунта в день» ³⁸.

Приказ начальника Череповецкого губэвака от 2 декабря 1921 года № 124: «На основании распоряжения Центроэвака прекратить выдачу сахару проходящему контингенту за исключением больных и детей, коим выдавать по 2 золотника в день» ³⁹.

Весь контингент, проходивший через учреждения Пленбежа, мог рассчитывать на необходимую медицинскую помощь. Военнопленные проходили освидетельствование во врачебных комиссиях на предмет получения ими пенсии, пособия, лечения, протезов за счет казны ⁴⁰. Нуждавшиеся в лечении направлялись в медицинские учреждения Череповца:

«В Череповецкую городскую больницу.

Череповецкая губернская коллегия о пленных и беженцах просит принять на излечение прибывшего из плена гражданина Александра Дмитриевича Галашина, Череповецкого уезда, Дмитриевской волости, дер. Трофанково. Январь 1919 года» ⁴¹.

В структуру Череповецкого губэвака входил обсервационно-продовольственный пункт на станции Тихвин, созданный в феврале 1920 года специально для медико-санитарного обслуживания. В фонде имеется значительное количество документов, характеризующих деятельность Тихвинского пункта. Это протоколы общих собраний служащих, приказы заведующего, отчеты, акты, переписка, истории болезней военнопленных и беженцев и др. Из этих документов мы узнаем, что пункт располагал приемным покоем, изолятором, амбулаторией, дезкамерой, баней. В штате числились врач, медсестры, санитары, дезинфектор, лекпомы ⁴².

К январю 1922 года служащими пункта было обследовано санитарное состояние 1116 эшелонов и поездов. Через пункт транзитом проследовало 48366 беженцев, 11468 военнопленных, 249 переселенцев, 3667 рабочих, 70176 красноармейцев, 61169 человек, принадлежавших к другим категориям населения. На излечении состояли 344 человека, главным образом, по поводу

разных форм тифа (85 случаев), гриппа, желудочно-кишечных заболеваний, включая холеру и дизентерию. Раненых, судя по отчету, было немного - всего 12 человек ⁴³.

Работа с той или иной категорией обслуживаемых людей имела свои особенности. Нужно было обеспечить существование беженцев в течение определенного периода времени, их работу, учебу, причем, зачастую эвакуировались из районов боевых действий семьями, с детьми. Нужно было организовать их отправку на родину - возникала проблема транспорта, перевозки имущества и др.

Были трудности с военнопленными вражеских армий, которые находились в губернии. Тема эта, в общем-то, недостаточно исследована. При первом знакомстве с документами узнаем, что военнопленные были заняты на различных работах - ремонтных, сельскохозяйственных, на заготовке дров, на шлюзовании р.Шексны и др. ⁴⁴.

В фонде имеется много свидетельств о побегах военнопленных:

«Начальнику Череповецкой губернской наружной охраны.
30 августа 1918 года. Спешно.

Череповецкая губернская коллегия просит принять меры к розыску и задержанию бежавших из Вологды из госпиталя австрийских военнопленных: Кувальд Иштван[а], Чарги Даниэл[я], Вице Георг[а], Кольман Балинд[а], Кираль Даниел[я], Шаркан Франц[а], Волгненгри Александра, Морон Павла, Шпецер Степана, Киш Януш[а]» ⁴⁵.

«Череповец, губсовдепу из Петрограда.

12 июля 1918 года.

Прошу принять экстренные меры к розыску и задержанию бежавших с пункта военнопленных турецких офицеров Манора Осман оглы Мурат, подпоручик[а] Агусеина оглы Хакиза, поручик[а] Ме Мет оглы Ме Мет Шериф, капитан[а] Халит Хадын, поручик[а] Ахмед Амин оглы, поручик[а] Менет оглы Садик, солдат[а] Ариф Али Мухлат.

Компленбежсев. Фенигштейн» ⁴⁶.

«В Череповецкую коллегия о пленных и беженцах.

5 сентября 1918 года.

Отдел Череповецкого (губернского) уголовного розыска сообщает, что полковника Исхан, поручика Османа и солдата Вели в Череповце не оказалось. Производятся дальнейшие розыски, о результатах будет донесено своевременно» ⁴⁷.

Правда, бывали и другие случаи, когда военнопленные стремились стать гражданами России. Череповецкая губернская коллегия по делам пленных и беженцев сообщала представителю австро-венгерской миссии для военнопленных Оливеру К. де Гавардо, что «военнопленный австриец Антон Седлечек 26 лет, родом из города Збруча (Чехия), рядовой 22 пехотного полка ходатайствует о принятии его в подданство Российской Советской Федеративной Республики»⁴⁸.

9 сентября 1918 года исполнительный комитет Абакановского волостного Совета крестьянских депутатов Череповецкого уезда доводил до сведения череповецкого уездного комиссара: «26 сентября с.г. прибыл в волостной Совет отправленный в распоряжение губернского отдела о пленных и беженцах военнопленный венгр Иван Иванов Скрибеда и заявил, что он желает принять гражданство Российской Советской Республики. Иван Скрибеда* был отправлен в г.Новгород, но оттуда самовольно убежал и в настоящее время находится в д.Заручевья Абакановской волости. Просим Вашего распоряжения»⁴⁹.

Из переписки мы узнаем, что в Новгороде был организован концентрационный лагерь для военнопленных. Туда следовало направлять военнопленных со всех уездов Череповецкой губернии с тем, чтобы организованно, партиями, отправлять их на родину⁵⁰. В делах №№ 22-24, 26 есть сведения о проведении этой работы.

Русские военнопленные, вернувшиеся домой, также нуждались в помощи. Организации Пленбежа их регистрировали, выдавали билет военнопленного, проходное свидетельство для следования к месту постоянного жительства (образцы проходного свидетельства и билет военнопленного имеются в делах №№ 44, 60), обеспечивали питание, необходимую медицинскую помощь⁵¹.

Также велась большая учетная работа. Часть дел фонда имеет заголовки: «Списки, сведения о военнопленных, находящихся в плену и вернувшихся из плена» (оп.1, д.42), «Списки военнопленных, вернувшихся из плена» (дд.45,47), «Свидетельства о смерти, списки умерших военнопленных и беженцев» (д.58) и другие, аналогичные.

В функции Пленбежа входила и поисково-справочная работа. Например, в фонде имеется переписка о розыске сведений о солдате Николае Рябове. 22 февраля 1919 года в губколлегию поступил запрос от его отца Ильи Семеновича Рябова: «Прошу комиссию * о пленных и беженцах навести справку, где в настоящее время находится сын мой Николай Ильич Рябов, находившийся в плену

в Австрии. При сем прилагается почтовая карточка моего сына». На заявлении есть пометка: «Поставлен в известность посылкой справки статистического бюро 23 апреля 1919 года»⁵².

Справка статистического бюро в деле сохранилась. Вот ее текст: «Статистический справочный отдел о военнопленных в ответ на отношение за № 1052 от 20 марта 1919 года уведомляет Череповецкую коллегия Пленбежа: бывший рядовой 5 или 16 Финляндского стрелкового полка пулеметной команды Николай Ильич Рябов в списках военнопленных в настоящее время не значится. Для выяснения действительного пребывания в плену вышеозначенного Н. Рябова отделом послан запрос в Австрию. При получении и ответа таковой немедленно Вам будет сообщен». На справке имеется запись: «Подлинник выслан 23 апреля 1919 года для объявления просителю»⁵³. Сведений об окончательном результате поиска в фонде нет.

О некотором сокращении объема работы губэвака в конце 1920-1921 годах свидетельствует в определенной степени и уменьшение количества дел в фонде за эти годы. Их всего 28 по двум описям, причем часть дел сформирована исключительно из документов Тихвинского обсервационно-продовольственного пункта (дд. 72, 75-77а, 81-82 по оп.1; дд. 5-6, 8-14 по оп.2). К 1922 году относятся три дела, касающиеся ликвидации губэвака.

Дела фонда управления по эвакуации населения Череповецко-го губисполкома используются для исполнения запросов и в исследовательской работе с целью изучения истории родного края.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЧЦХД. Ф.р-279. Оп.1. Д.7. Л.116.

² Там же. Л.6.

³ Там же. Л.77.

⁴ Там же. Д.14. Л.2-5.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. С.319.

⁶ ЧЦХД. Ф.р-279. Оп.1. Д.15. Л.2.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д.14. Л.31.

⁹ Там же. Д.15. Л.2.

¹⁰ Там же. Д.78. Л.21.

¹¹ Там же. Оп.2. Д.1. Л.14; Д.2. Л.19.

¹² Там же. Д.1. Л.17.

- ¹³ Там же. Л.78.
¹⁴ Там же. Л.91.
¹⁵ Там же. Оп.1. Д.35. Л.37.
¹⁶ Там же. Д.59. Л.145.
¹⁷ Там же. Оп.2. Д.4. Л.5.
¹⁸ Адрес-календарь Череповецкой губернии на 1921 год. Череповец,
1921. Л.16.
¹⁹ ЧЦХД. Ф.р-279. Оп.2. Д.3. Л.63; Д.4. Л.19.
²⁰ Там же. Д.3. Л.192.
²¹ Там же. Л.197, 200, 201, 203, 205, 206.
²² Адрес-календарь Череповецкой губернии на 1921 год. Череповец,
1921. Л.16.
²³ ЧЦХД. Ф.р-279. Оп.1. Д.15. Л.2,4,25.
²⁴ Там же. Д.16. Л.5.
²⁵ Там же. Д.17. Л.28.
²⁶ Там же. Д.34. Л.6.
²⁷ Там же. Д.38. Л.3.
²⁸ Там же. Д.25. Л.33; Д.52. Л.33.
²⁹ Там же. Д.26. Л.95.
³⁰ Там же. Д.64. Л.12.
³¹ Там же. Л.17.
³² Там же. Д.15. Л.24.
³³ Там же. Л.13,24.
³⁴ Там же. Д.8. Л.25,26,32.
³⁵ Там же. Д.51. Л.4, 16.
³⁶ Там же. Д.78. Л.5.
³⁷ Там же. Д.80. Л.28.
³⁸ Там же. Л.93.
³⁹ Там же. Л.91.
⁴⁰ Там же. Д.15. Л.3.
⁴¹ Там же. Д.38. Л.7.
⁴² Там же. Д.15. Л.44.
⁴³ Там же. Д.81. Л.18.
⁴⁴ Там же. Д.26. Л.2-6; Д.41. Л.32; Д.60. Л.91.
⁴⁵ Там же. Д.30. Л.7.
⁴⁶ Там же. Д.23. Л.8.
⁴⁷ Там же. Д.30. Л.12.
⁴⁸ Там же. Д.23. Л.64.
⁴⁹ Там же. Д.30. Л.20.
⁵⁰ Там же. Д.26. Л.9.
⁵¹ Там же. Д.15. Л.3.
⁵² Там же. Д.38. Л.27, 37.
⁵³ Там же. Л.36.

Р.А.Малахов,
главный архивист
государственного архива
Вологодской области

ДОКУМЕНТЫ СЪЕЗДОВ СОВЕТОВ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА 1918-1920-х гг.

Губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов официально являлся высшим органом власти в губернии. На нем обсуждались наиболее важные вопросы социально-экономической жизни региона. С апреля 1918 г. по апрель 1929 г. в Вологодской губернии состоялось 14 съездов Советов. Динамика их проведения была следующей: в 1918 г. были созваны I и II съезды, в 1919 г. - III и IV съезды, в 1920 г. - V и VI съезды, в 1921 г. - VII и VIII съезды, в 1922 г. - IX съезд, в 1923 г. - X съезд, в 1924 г. - XI съезд, в 1926 г. - XII съезд, в 1927 г. - XIII съезд, в 1929 г. - XIV съезд.

С совершенствованием оперативного управления и перенесением центра тяжести на партийные органы власти значение съездов Советов во второй половине 1920-х гг. снизилось. Количество делегатов большинства съездов не превышало 200 человек.

Структура документов съезда включает в себя: основные доклады, записи прений по ним и заключительное слово докладчика, резолюции съезда по докладам, а также сведения мандатной комиссии о делегатах, приветствия съезду, материалы о выборах делегатов на съезд Советов в Москву и членов губисполкома. Документы съездов хранятся, прежде всего, в фондах Государственного архива Вологодской области и представляют собой, как правило, машинописные копии стенограмм, докладов и резолюций.

Порядок проведения губернских съездов Советов 1918-1920-х гг. включал доклад по текущему моменту внешней и внутренней политики, отчет губисполкома, его отделов, рассмотрение насущных социально-экономических проблем. Среди обсуждаемых вопросов находилась также тема о состоянии аппарата государственной власти. Отметим также, что данный вопрос не являлся основным на съездах Советов. Выработка кадровой политики являлась

прерогативой коммунистической партии, обсуждением этой темы занимались, прежде всего, губернские партийные конференции. С учетом данного обстоятельства обратимся к рассмотрению указанной проблемы в контексте выступлений делегатов съездов Советов.

Прежде всего, обратим внимание на вопрос о достоверности рассматриваемого архивного материала в связи с тем, что мы имеем дело не с подлинными документами съездов, а только с их машинописными копиями. Исключение составляет стенограмма I съезда Советов губернии (апрель 1918 г.), которая частично сохранилась в рукописном виде¹. Наличие в архивном деле нескольких вариантов стенографических записей отдельных выступлений на этом съезде (без указания имен стенографистов) проясняет некоторые особенности механизма фиксации докладов.

Отчет о работе отдела призрения, сделанный комиссаром по делам призрения Шекуном на I губернском съезде Советов, записан от руки в двух вариантах. Обе стенограммы передают общий смысл выступления, однако в деталях между ними имеются различия. Сравним несколько фрагментов указанного доклада, касающихся особенностей создания государственных учреждений социального обеспечения в Вологде 1918 г., отраженных в обеих стенограммах (первая - более полная, вторая - краткая).

1. «...теперь мы, рабоче-крестьянское правительство в лице Советов, увидели ту картину, которая творится в приютах. Мы, рабочие и крестьяне, свергли эту ложную благотворительность, произвели социальную революцию, создали советскую республику и приступили к социальным преобразованиям для создания царства свободы, равенства и братства. Теперь, конечно, условия изменились. В центре выдвинуто особое министерство, посвятившее себя служению для этой цели...»²

1. «...теперь, мы, рабоче-крестьянское правительство в лице Советов, увидели ту картину, которая творилась в приютах. Теперь, конечно, условия изменились. В центре выдвинуто особое министерство, посвятившее себя служению для этой цели...»³

2. «...я рабочий от молотка поставлен был к совершенно почти незнакомому делу и для меня было трудно приняться, тем более, что из центра никаких инструкций и указаний не поступало. Да и декреты, опубликованные после в печати, давали только общие понятия да и газеты не всегда доходили в Совет и я чувствовал, что с делом не справиться, надо людей с известной практикой. Слов нет - можно было бы привлечь людей знающих, специалистов...»⁴

2. «...я был взят от молотка и поставлен и для меня было трудно приняться, тем более, что из центра никаких инструкций и указаний не поступало. Теперь, стали поступать. Слов нет, что можно было бы привлечь людей знающих, специалистов»...⁵

Опубликованный в апреле 1918 г. в местной прессе доклад Шекуна⁶ показывает, что при публикации за образец был принят более полный вариант, на основании чего можно считать газетный материал соответствующим содержанию выступления, а, следовательно, достоверным. Рукописные материалы последующих губернских съездов Советов среди архивных документов не обнаружены. Создание машинописных копий стенограмм съездов не исключает возможности внесения в них определенных изменений в виде сокращений, уточнения высказываний, путем записи только общего смысла выступления и др. Однако, прояснить полностью данную проблему пока не представляется возможным.

Выделим основные вопросы, которые рассматривались выступающими на съездах Советов Вологодской губернии 1918-1920-х гг., в рамках характеристики госаппарата⁷.

Проблема нехватки работников трижды поднималась делегатами с мест на I губернском съезде, а также несколько раз заострялось внимание на вопросе слабой квалификации служащих. Критика работников аппарата с дореволюционным стажем звучала из уст как простых крестьян, так и губернских руководителей на II, X, XIII съездах. Выступающие на II съезде Советов констатировали раздутость штатов госучреждений.

Особое внимание уделяли в своих докладах ответственные работники теме жалования чиновников. О материальной незащищенности служащих говорилось на II съезде, однако, уже на X и

XIII съездах указывалось на увеличение им жалования, на XIII съезде заведующий губернской рабоче-крестьянской инспекцией приводил факты незаконного самовольного повышения окладов чиновников руководителями некоторых учреждений.

Тема бюрократизма в органах власти являлась одной из главных проблем VII и XIII съездов Советов. Интересовали делегатов также вопросы контроля над работниками. Так, на перенасыщенность контроля в губернских учреждениях указывалось на VII съезде. Один из делегатов на том же съезде отмечал слабость контрольного механизма над уездами.

Информирование слушателей о сокращении штатов госучреждений руководителями губернии и принятии решений о ликвидации некоторых отделов исполкомов проводилось на IX, X, XIII съездах. Делегаты от волостей в своих выступлениях заостряли внимание на равнодушии крестьян к власти и отсутствию авторитета местной власти (VII съезд), а также на вопросе о частой сменяемости работников (VII, XIII съезды) и несогласованности решений уездной власти с губернской (VII съезд).

Крестьяне в ходе заседаний неоднократно указывали на невнимание чиновников к посетителям (X, XIII съезды). Делегаты ставили перед съездом вопросы о территориальной ограниченности рамками Вологды деятельности губернской власти (VII съезд), о необходимости чистки аппарата власти (X съезд), требовали от работников действовать только в законных рамках (X съезд), отмечали несовершенство механизма использования выдвиженцев (XIII съезд). На XIII съезде Советов подвергся критике коллегиальный принцип управления, порождающий в госучреждениях различные комиссии, размывающие персональную ответственность чиновников.

Данный перечень показывает характер проблем, связанных с местным госаппаратом на протяжении изучаемого периода, степень «популярности» вопросов, активизацию интереса к теме на некоторых съездах (I, VII, X, XIII), что являлось результатом внутривнутриполитических процессов в стране. Отмеченные в списке вопросы ставились, прежде всего, губернскими, а также уездными служащими, которые выступали с докладами и были более активными в прениях.

Делегаты-крестьяне с мест не всегда были удовлетворены проблематикой съездов, однако, не все могли высказаться о полученных наказах в силу ограниченности времени заседаний и недостаточности опыта выступлений. В заявлении каргопольского

крестьянина в президиум V губернского съезда Советов (июнь 1920г.) содержится просьба «предложить съезду выслушать с мест наказы., т.к. доклады мы слушали 4 дня и узнали из них, что делали докладчики... задача делегатов съезда - справедливо и фактически довести до сведения съезда все нужды населения...»⁸

Исходя из этого, отметим, что указанный перечень вопросов не может абсолютно полно отражать реальную историческую ситуацию функционирования провинциального чиновничества. Однако, он позволяет увидеть диапазон мнений и некоторые особенности эволюции местного аппарата власти, а поэтому является немаловажным источником по теме, отражающим в известной мере позицию беспартийной части общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАВО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1.

² Там же. Л. 9-10.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 25.

⁶ Известия Вологодского Губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 27 апреля (№ 89) - С. 2.

⁷ ГАВО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1, 66, 305, 715, 871; Оп. 2. Д. 220; Ф. 53. Оп. 1. Д. 48, 252, 503.

⁸ Там же. Ф. 585. Оп. 2. Д. 220. Л. 314-315.

С.Н.Цветков,
кандидат исторических наук,
директор Вологодского областного
архива новейшей политической
истории

ЦЕРКОВНЫЕ БОГАТСТВА ДЛЯ ГОЛОДАЮЩИХ

Из истории изъятия ценностей из церквей
Вытегорского уезда

Летом 1921 года сильнейшая засуха и неурожай поразили огромные пространства Поволжья, Северного Кавказа и юга Украины. Стихийное бедствие привело к голоду, который охватил более 30 губерний с населением свыше 30 миллионов человек¹. По официальным данным Центральной комиссии помощи голодающим², только в 16 поволжских губерниях на 1 февраля 1922 г. голодало 13 миллионов 772 тысячи 613 человек³.

Во всех советских газетах были опубликованы письма рабочих, крестьян, красноармейцев с требованием изъять церковные ценности для спасения голодающих. «В русских церквях и монастырях, - писали они, - лежит без движения обильное множество разных драгоценностей, совсем не нужных для обрядов богослужения. Мы просим от имени стонущего в муках голодного народа кликнуть клич ко всем православным верующим христианам и русскому православному духовенству отдать на борьбу с голодом все то золото, бриллианты и другую церковную утварь, которая не требуется богослужением, а служит красивой роскошью в церквях»⁴.

23 февраля 1922 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял постановление «Об изъятии церковных ценностей». В газете «Известия ВЦИК» была опубликована также инструкция Центральной комиссии помощи голодающим «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих».

Появление этих документов среди верующих было принято неоднозначно. Некоторые из них восприняли эту акцию как «противоречие велениям веры». И здесь большую роль сыграла позиция, которую заняли видные и влиятельные служители культа.

Так, архиепископ Нижегородский Евдоким заявил: «Стыдно в настоящее время на себе носить золото и бриллианты, когда каждая частица их может не только стереть слезы страдающих людей, но и спасти от смерти человека. И если бы потребовалось принести на алтарь любви к ближнему и то, что представляет для нас святыню, - церковное имущество, несите его по примеру наших предков»⁵.

Архиепископ Серафим Костромской: «Необходимо немедленно склонить верующих к выделению из церковной утвари излишних дорогих сосудов, лампад, подсвечников, иконных риз для приобретения на них хлеба голодным»⁶.

Петроградский протоиерей Введенский: «Но мы должны идти на большее. Есть у нас материальные ценности, которые могут спасти сотни тысяч жизней. Это то золото, то серебро, те камни, которые мы принесли церкви, в рукотворные храмы Христовы. Но теперь, когда разрушаются нерукотворные храмы Христовы - живые люди, христиане, не должны ли мы обратить это золото в хлеб, чтобы спасти их. К этому подвигу любви обязывает нас настоящий голод. К этому приглашает нас государство, на это благословляет нас церковь. Этого ждет сам Христос»⁷.

Их поддержали московские и другие священники. Добровольные пожертвования были проведены во всех храмах. О том, как проводилось изъятие церковных ценностей в Вытегорском уезде Олонецкой губернии, красноречиво рассказывают документы, хранящиеся в областном архиве новейшей политической истории.

В соответствии с инструкцией Центральной комиссии помощи голодающим «О порядке изъятия ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» и циркулярным письмом Олонецкого губкома РКП(б) 14 апреля 1922 г. в Вытегорском уезде была создана комиссия по изъятию ценностей из церквей в помощь голодающим Поволжья во главе с членом уездного комитета РКП(б) И.Н.Рябцовым. Комиссия затребовала у уездного исполкома описи ценностей церквей, которые были составлены в 1919 году, а также обратилась к церковным советам с просьбой «ускорить разрешение этого вопроса, прислав копии постановлений собраний верующих»⁸.

На очередном заседании 18 апреля 1922 г. комиссия, рассмотрев описи церквей г.Вытегры, приняла решение: «Признать возможным изъять из Вытегорского Воскресенского собора - крестов серебряных 5, два комплекта потир с принадлежностями, две дарохранительницы, 3 дароносицы с принадлежностями, лампадок 26 штук, подсвечников ручных, кадил, ковшичков для теплоты,

стаканчиков серебряных по 2 комплекта». Из Вытегорской городской Сретенской церкви изымались: 1 наперсный крест, 9 серебряных лампад, пасхальная трикирия и другое церковное имущество. Из Богаделенской церкви изымались: 3 серебряных креста, серебряная дарохранительница, плащаница, шитая серебром, серебряный венчик и пояс, серебряные кадило и лампада, звездниц, блюдо, ковшечков - 21 штука. Аналогичные ценности были изъяты из бывшей тюремной Тихвинской церкви г.Вытегры и Кладбищенской церкви ⁹.

22 комиссии были созданы в волостях уезда, в помощь им был направлен на места советско-партийный актив.

Вопрос об изъятии церковных ценностей обсуждался и на общих собраниях прихожан. Церковные советы проводили добровольные сборы ценностей в виде пожертвований, но делали это очень осторожно, неохотно расставались с церковными вещами, с таким трудом приобретенными за счет верующих. Здесь интересы сторон явно не совпадали. Так, например, церковный совет церквей г.Вытегры принял решение выделить ценностей весом 1 пуд 5 золотников, а уездная комиссия изъясла только из Воскресенского собора и Богаделенской церкви города серебряных предметов весом 4 пуда 1 фунт 93 золотника ¹⁰.

Дело доходило и до прямого неповиновения решениям Советской власти по этим вопросам. Верующие Ягремской церкви Тихмангской волости категорически отказались выдать ценности. 17 мая 1922 г. председатель комиссии по изъятию церковных ценностей Курганов и председатель волостного Совета Третьяков телеграфировали в уездный исполком: «...Работа по изъятию ценностей Ягремской церкви - результат получился - восстание всего общества. Ввиду малочисленности милиции пришлось уйти без результата, просим срочно командировать тридцать красноармейцев в боевой готовности с пулеметом. Начальником отряда желательно партийный» ¹¹.

В своем отчете председатель уездной комиссии И.Рябцов об этом факте сообщал: «На место был командирован отряд реальной силы и только после этого изъятие произведено безболезненно» ¹². Архивные документы подтверждают, что из Тихмангской волости было изъято серебряных предметов общим весом 27 фунтов 43 золотника ¹³. За агитпропаганду не сдавать ценности были арестованы два священника Полтогской и Кондушской волостей ¹⁴.

Местные руководители - председатель уездного исполкома Соловьев, секретарь укома РКП(б) Богданов и уездная комиссия по

изъятию ценностей, чтобы не обострять обстановки, удовлетворили ходатайство Вытегорского городского церковно-приходского совета об оставлении в соборе некоторых серебряных риз. Комиссия, рассмотрев еще раз в описи каждую ризу отдельно, приняла решение: «...Принимая во внимание, что эти иконы имеют храмовое значение, т.е. особо чтимые прихожанами, что сумма веса остающихся риз не превышает семи пудов и что снятие части риз, прежде всего, вызывает разборку иконостаса и обезобразит весь иконостас, ходатайство Церковного совета поддержать»¹⁵.

В городском соборе были оставлены небольшие иконы XVII-XVIII веков, частью шитые олонецким жемчугом. В музей был передан венчик жемчужный ветхий XVII века и лампада стоимостью 50 золотников крещатого Новгородского типа¹⁶. Сдавали личные ценности и сами руководители уезда. В фонд помощи голодающим Поволжья председатель уездного исполкома А.П.Соловьев передал обручальное кольцо, секретарь укома РКП(б) А.В.Богданов - медаль «За усердие». От других работников уезда поступили в казначейство чайные ложки, подстаканники, цепочки, различные монеты¹⁷.

13 июня 1922 г. Вытегорский уком РКП(б) проинформировал Олонецкий губернский комитет партии о том, что «изъятие ценностей из церквей в пользу голодающих Поволжья закончено»¹⁸. Каковы же были результаты работы комиссии? В целом по Вытегорскому уезду были изъяты следующие церковные ценности: серебряных предметов 15 пудов 14 фунтов 31 золотник, золотых предметов - 32 золотника. Собрано серебряных денег 173 рубля 10 копеек, медных денег 23 золотника¹⁹. Помимо Вытегорских городских церквей, большое количество серебряных предметов поступило от Бадожской, Мегорской церквей, Девятинской, Андомской, Макачевской, Кондушской, Шильдской и других волостей уезда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.4. Кн.1. - М.: Политиздат, 1970. - С.137.

² Центральная комиссия помощи голодающим во главе с М.И.Калиным была создана постановлением ВЦИК от 18 июля 1921 г. для объединения и согласования деятельности наркоматов и всех советских органов по сбору средств в фонд помощи голодающим.

³ Вологодский областной архив новейшей политической истории (в дальнейшем -ВОАНПИ). Ф.2334. Оп.1. Д.260. Л.11.

⁴ Там же. Л.18.

⁵ Там же. Л.16 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л.16 об., 17.

⁸ Там же. Л.1.

⁹ Там же. Л.2, 2 об.

¹⁰ Там же. Л.3, 9об.; Золотник=1/96 фунта=4,266 грамма.

¹¹ Там же. Л.5, 9.

¹² Там же. Л.9.

¹³ Там же. Л.9об.

¹⁴ Там же. Л.6.

¹⁵ Там же. Л.7.

¹⁶ Там же. Л.10.

¹⁷ Там же. Л.21-30.

¹⁸ Там же. Л.8.

¹⁹ Там же. Л.9об.

И.В.Спасенкова,
преподаватель кафедры
отечественной истории
Вологодского государственного
педагогического университета

КРЕСТНЫЕ ХОДЫ В ВОЛОГДЕ В 1920-1930-е ГОДЫ

Характерной особенностью бытования православной праздничной культуры в 1920-е годы было сохранение традиции крестных ходов. Крестный ход являлся необходимым элементом большинства церковных праздников, духовно-канонический смысл которых уходил корнями в далекое прошлое. В связи с ужесточением норм государственного воздействия на внутрицерковную жизнь в исследуемый период, становилась довольно сложной и практика подготовки крестного хода. В связи с этим главная роль в иницировании прошений на его совершение переходила к членам религиозных общин.

На сегодня нами выявлены более 30 подобных прошений за период 1923-1930 гг. Данные источники охватывают большой круг православных общин города, что значительно расширяет наши знания о традиции бытования крестных ходов в Вологде в период второго послереволюционного десятилетия.

Важно отметить и тот факт, что мы имеем возможность проследить механизм составления подобных прошений. Судя по документам, практика иницирования крестного хода во многом была перенята из опыта XIX в., когда подобные прошения также имели место и представлялись в Духовную консисторию и епархиальному архиерею. Отличительной чертой исследуемого времени было то, что разрешение о проведении крестного хода являлось исключительной прерогативой местных органов власти. Как правило, вопрос о проведении крестного хода в праздничный день рассматривался на общем собрании зарегистрированных членов приходских общин (сохранились протоколы приходских собраний). Вынося решение о необходимости подобного шествия, верующие составляли прошение в органы местной исполнительной власти (отдел управления, административный отдел губисполкома, горисполкома и т.п.). Для дальнейших сношений с органами местной

власти из общего числа членов общины выбиралась группа уполномоченных, которая и отстаивала интересы общины по данному вопросу. При положительном исходе выдавалось удостоверение, позволявшее верующим проводить крестный ход в пределах означенной территории (вокруг храма, прихода, общегородской крестный ход и др.).

Очевидно, что на протяжении всего периода сохранялся и строгий формуляр данного документа. Практически во всех без исключения случаях прошения содержали сведения о времени, месте (территории) проведения шествия, а также мотив данного крестного хода. Прощения заверялись настоятелем приходской общины и уполномоченными из числа верующих. После 1929 года - только верующими мирянами, так как священники были полностью исключены из состава приходских объединений.

В нашем распоряжении имеется и другой вид документации - агентурные сводки органов ОГПУ, также свидетельствующие о бытовании традиции крестных ходов в Вологде. Эти материалы, впервые вводимые нами в научный оборот, позволяют детально восстановить некоторые сюжеты самой практики крестного хода.

Мы располагаем сведениями о разных вариантах крестных ходов. Довольно частым явлением в церковной жизни каждого прихода было хождение с приходскими святынями *вокруг приходского храма, а также вокруг территории своего прихода*. Как правило, подобные крестные ходы совершались в наиболее значимые общецерковные и престольные праздники. Анализ прошений позволяет установить последовательность и маршруты следования верующих. Так, например, в Царе-Константиновском приходе в течение 1920-х годов после ранней обедни в первое воскресенье июля после Петрова дня совершался крестный ход вокруг своего прихода - от церкви по улицам Хлюстова, Пролетарской, М.Архангельскому переулку, по валу у линии железной дороги, налево по улицам Октябрьской, Пролетарской, Кобылкинской и по улице Хлюстова к церкви ¹.

2 августа в 1924-1926 гг. приходом Покрово-Козленской церкви по традиции устраивались крестные ходы, после поздней литургии, по улицам М.Козленской до улицы Урицкого, по улице Урицкого до Галкинской, по Галкинской до улицы Герцена, по улице Герцена до улицы Лассалья, по Лассалья до Фроловской улицы, вспольем по улице Урицкого и обратно в церковь ².

10 августа 1924 года по установленной традиции ежегодного крестного шествия были совершены крестные ходы верующими и

духовенством Никольской Владыченской общины в пределах улиц Владычной слободы, Краснофлотской, Никольской, Подлесной и Калашной ³, а также Владимирской общины по улицам Богословской, Обуховской, Октябрьской, Кобылкинской, Петроградской и Кузнецкой ⁴.

17 августа 1924 года после ранней обедни крестный ход был совершен от Спасо-Преображенской Фрязиновской церкви по Краснофлотской набережной по течению реки Вологды, вокруг Бурловского завода, вспольем около городского вала, двором бывшей уездной больницы и по Краснофлотской набережной обратно в церковь ⁵.

Верующие Екатерининской общины ежегодно проводили крестный ход вокруг своего прихода. Последний, согласно традиции, «около 70 лет совершался в августе месяце на воскресенье». Маршрут его был следующим: «Из церкви по М.Екатерининской на Б.Духовскую - до ул.Лассалья, по Лассалья - до ул. Урицкого, по Урицкого - до Золотушной набережной, по Золотушной набережной - до моста, по ул.Герцена - до Володарского, по Володарского мимо бань - до М.Екатерининской, по М.Екатерининской - прямо в церковь» ⁶. В 1927 году подобный ход был совершен 21 августа ⁷.

После ранней литургии 17 августа 1924 года был совершен крестный ход Пятницкой общиной по улицам Свободы, Пятницкому пруду, М.Октябрьской и Пятницкой ⁸. После поздней обедни 19 августа 1924 года крестное хождение было совершено Иоанно-Богословской общиной (по улицам М.Архангельской, Воскресенской, Хлюстова, Богословской) ⁹. 28 августа 1924 года Кирилло-Рощенской общиной в праздник Успения Божией Матери был совершен крестный ход по следующему маршруту: по Советскому проспекту, до половины улицы К.Маркса, по улице Лассалья - до улицы Урицкого, до Свешниковской улицы, по Свешниковской улице - на набережную до Петровского домика и обратно в церковь ¹⁰. В этот же день был устроен крестный ход и Богородской Нижнедольской общиной по Пречистенской набережной ¹¹. 29 августа 1924 года с крестным ходом (по площади Свободы и улицам Свободы, Пятницкой, М.Октябрьской) после поздней обедни прошли верующие Благовещенской общины ¹².

Никольской Глинковской общиной было получено разрешение на совершение крестного хода 31 августа в пределах прихода в день Святых мучеников Флора и Лавра, который, по сведению уполномоченных, совершался ежегодно с 1868 года. Маршрут его был следующий: из храма крестный ход идет по М.Глинковской до

Пятницкой улицы, по Пятницкой - до окраины, по окраине города вблизи железной дороги - до Галкинской улицы, далее по улицам Галкинской и Фроловской - на Набережную Свободы по направлению к храму ¹³.

В тот же день 31 августа 1924 года (в воскресенье) по примеру прежних лет был устроен крестный ход вокруг прихода Антипиевской церкви (по улицам Чернышевского, Подлесной, Дмитриевской, Кремлевской, Антипиевской) ¹⁴. 7 сентября (в воскресенье) 1924 года было разрешено прохождение с иконами крестного хода Власиевской общине по улицам М.Обуховской, Набережной Свободы, улицам Октябрьской, Кузнецкой, Власиевской и в церковь, «согласно существующему обычаю» ¹⁵.

В Богородском кладбищенском храме, согласно традициям, крестный ход совершался внутри кладбища. Так, 15 июня 1924 года крестный ход был проведен после поздней литургии вокруг Богородского кладбища ¹⁶. 7 июня 1925 года шествие с храмовыми святынями также было совершено внутри кладбища ¹⁷. 1 августа 1923 года (по ст.ст.) практически во всех городских храмах организовывались крестные ходы вокруг своих приходов ¹⁸. В отчетных документах ОГПУ за 1928 год отмечалось, что во время больших религиозных праздников Пасха и Рождество, во время таких церковных церемоний, как «погребение Христа и Встреча новорожденного Христа» вокруг Богородского кладбищенского храма совершались крестные ходы вокруг церкви ¹⁹.

Таким образом, крестные ходы вокруг храма и вокруг прихода являлись важным элементом церковно-приходской жизни, символизировавшие, вместе с тем, и значимость приходского пространства для верующих отдельно взятого приходского храма. Очевидно и то, что постоянство этой традиции позволяло верующим горожанам беспрепятственно участвовать во всех известных им шествиях. Казалось, что практика крестных ходов не прерывалась во времени.

После объединения приходских общин в 1930-е годы при кладбищенских храмах традиция крестных ходов также сохранялась. Так, известно, что 14 мая 1930 года верующими и духовенством был организован крестный ход с Горбачевского кладбища к спуску реки (по улицам Крестьянской и Воздвиженской) ²⁰. 11 мая 1930 года общиной кафедрального собора также было получено разрешение на совершение крестного хода к реке ²¹. По сведениям Н.И. Федышина такого рода крестные ходы совершались и в более позднее время - в середине 1930-х годов ²². Однако в практике крестных ходов наметились собственные изменения. С закрытием

большинства приходских храмов литургическая жизнь православных горожан была вытеснена на окраины города и сконцентрирована в четырех храмах. В связи с этим крестные ходы также вытеснялись на периферию.

Кроме упомянутых ходов в течение долгого времени (по нашим сведениям - до 1931 года) сохранялась традиция *общегородских праздничных крестных ходов*. Последние, в свою очередь, логично разделить на два вида: *крестные ходы на реку Вологду* с водосвятием и *крестные ходы вокруг города*. Особая значимость таких крестных ходов обуславливалась тем, что в Вологде, согласно существовавшей традиции, ежегодно совершалось восемнадцать крестных ходов, утвержденных духовной консисторией²³. Установленный порядок хождения с крестным ходом к реке в течение 1920-х годов имел под собой весьма сложную структуру. На первом этапе верующие городских церквей со святынями, возглавляемые духовенством своих приходских храмов, сходились к кафедральному собору. После этого крестный ход продолжал свое движение к реке Вологде в районе Соборной горки, где и совершалось водосвятие. На последнем этапе крестный ход продолжал свое движение вокруг города, возвращаясь обратно к центральному храму.

Такие крестные ходы проводились в следующие церковные праздники: Крещение, Преполовенье Пятидесятницы, Спасов день, в День Происхождения Честных Древ Креста Господня. Так, 19 января 1925 года, в День Крещения Господня, 28 религиозных общин Патриаршего управления при участии городского духовенства совершили крестный ход «на Иордань» из церкви Дмитрия Прилуцкого и водосвятное молебствие на реке. Выбор Дмитриевского храма был обусловлен, главным образом, тем, что кафедральный Воскресенский собор принадлежал в то время обновленцам, и движение от него крестного хода патриарших общин было невозможным. Дмитриевский же храм, располагавшийся вблизи реки, в то же время являлся и центральным для одного из городских локусов - Заречье.

14 августа (1923-1925 гг.) в праздник Происхождения Честных Древ Креста Господня традиционно совершались крестные ходы из кафедрального собора на реку Вологду для водосвятия после поздней литургии²⁴. 13 мая 1925 года по случаю праздника Преполовения Пятидесятницы из кафедрального собора был крестный ход на реку Вологду для совершения чина освящения воды. По окончанию этого крестный ход прошел вокруг города²⁵.

В 1928 году в этот же праздник были проведены два крестных хода. Один из них возглавлялся обновленческим духовенством и прошел вокруг города. По его окончанию сторонники патриаршего управления устроили свой крестный ход от церкви Благовещения на реку для совершения молебна и водосвятия²⁶. Довольно подробные сведения о проведении крестного хода приведены о.Алексеем Резухиным в своих воспоминаниях: «Помню период еще более ранний (1929-1930 гг. - И.С.), когда ходили с крестным ходом в день Крещения Господня из храма Благовещения Пресвятой Богородицы на реку. Возглавлял шествие архиепископ Амвросий. Было много духовенства, а верующих было очень много, так много, что за порядком наблюдала конная милиция. Шли около Кремля, Воскресенского собора и мимо храма Александра Невского, спустились к реке. На лед вошли духовенство и певчие. Народ стоял на берегу реки, на Соборной горке и на стороне Заречья с поднятыми воротниками, повязанными шарфами, башлыками. Был лютый мороз. Владыка же Амвросий опустил крест в воду голыми руками. Великолепное было зрелище, торжественное служение, которое еще увеличивалось от пения народа, собравшегося в количестве нескольких тысяч. Во время шествия на «Иордан» по улице города был запевалой или, как у нас называется, голосовщиком диакон Екатерининской церкви - Николай Суровцев, обладавший звучным высоким басом. Он энергично дирижировал и увлекал за собой народную массу»²⁷. Подобный крестный ход и водосвятный молебен при участии трех архиереев был и в Крещение 1928 года. Тогда в богослужении участвовал архиепископ Сильвестр (Братановский)²⁸.

В конце 1920 - начале 1930-х подобная практика несколько меняется и представляет собой шествие всех верующих от одного, как правило, центрального храма, к реке. В связи с этим данные крестные ходы лишались очень важного подготовительного этапа - шествия от приходских церквей к центральному храму. На наш взгляд, эти крестные ходы имели глубокий духовный смысл, заключавшийся в соединении автономных образований (приходских сообществ) в единое целое. Традиционно общегородские крестные ходы собирали большое количество верующих горожан. В большинстве случаев такого рода ходы возглавлялись епархиальным архиереем.

Другой пример названных общегородских крестных ходов представлен *крестными ходами вокруг города*. Выделение данного типа шествий в самостоятельную группу объясняется, прежде всего,

тем, что в отдельные праздничные дни духовенство и верующие совершали крестное хождение только по границам городского пространства, исключая остальные элементы, свойственные вышеозначенным ходам. Нам известен пример такого шествия, организованного обновленцами Вологды в День Преполовления Пятидесятницы в 1928 году²⁹. Вместе с тем, судя по нашим документам, подобные общегородские крестные ходы совершались не столь часто, как, например, крестные ходы на воду.

В связи с тем, что городское приходское пространство включало в себя и территории окрестных деревень, то в рассматриваемый период продолжала существовать традиция *крестных ходов за пределы города* в близлежащие деревни, жители которых, в большинстве случаев, являлись прихожанами городских храмов. Так, 27 мая 1925 года был совершен крестный ход из кафедрального собора по Советскому проспекту и Московскому тракту к Богоявленскому Лостинскому храму и обратно³⁰. Данный крестный ход проводился ежегодно по установленной традиции. (Как отмечалось выше, в храме Богоявления Господня в 1766 году явилась чудотворная икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость», перенесенная в том же году в кафедральный Софийский собор Вологды)³¹. В Ильин день - 2 августа 1925 года крестное шествие было совершено в деревню Бывалово Пригородной волости из Никольской Глинковской церкви³².

Ежегодно (по неполным сведениям - до 1930 г.) в День принесения иконы Преподобного Дмитрия Прилуцкого - 3 (16) июня - совершался крестный ход из храма Дмитрия Прилуцкого в Спасо-Прилуцкий монастырь³³. В сводках ОГПУ за 1928 год также отмечалось: «Ежегодно справляемый в Прилуках праздник 3 июня старого стиля Дмитриев день после закрытия Прилуцкого монастыря празднуется только одним тихоновским духовенством, которые в этот день торжественно, при большом стечении народа, демонстративно идут с крестным ходом в Прилуки, что происходило в последние два года»³⁴. Из Никольской Владыченской церкви традиционно в праздничные дни до конца 1920-х годов совершались крестные ходы в Семидеревенщину (местное название окрестных деревень на восточной окраине Вологды: Фрязиново, Хорхорино, Желудкино, Баранково, Тепенькино, Доронино, Погары)³⁵.

После проводимых крестных ходов в наиболее значимые церковные праздники в городских церквях было принято угощать духовенство. Е.С.Палтусова вспоминает: «После крестного хода многие, особенно богатые семьи, приносили на угощение причту

пироги, яблоки и др.»³⁶. В сводках ОГПУ от 10 мая 1928 года было зафиксировано, что после крестного хода в день Преполовления Пятидесятницы «тихоновские попы пошли на угощение, а обновленцы поволоклись домой, так как их никто не хочет угощать»³⁷.

Раскол в Церкви привнес ряд несоответствий в богослужebную деятельность и, в частности, в практику проведения крестных ходов. Обновленческие общины, как правило, проводившие крестные шествия независимо от тихоновских общин, вместе с тем многократно пытались лишить большую часть верующих патриарших общин возможности организовывать собственные крестные ходы. Например, еще в 1923 году Вологодское Епархиальное управление обновленцев дважды выступило с протестом на проведение крестных ходов тихоновцами одновременно по старому и новому стилю³⁸. В сводках ОГПУ за 1928 год фиксируется следующее: «Самый день Преполовления нынче прошел с некоторыми особенностями: оказалось, что [обновленцам] был разрешен крестный ход по городу, как это было в старые годы, тихоновцам же не было разрешено. Обновленцы торжественно шествовали мимо тихоновского крестного хода около Овсянникова моста. Обновленческие попы, проходя мимо тихоновцев, орали: «Пасха красная!», а тихоновщина в это время пускала им вслед разные пожелания: «Большевики большевикам разрешили крестный ход по городу, а православным христианам не дают!»³⁹

Значение крестных ходов в православной праздничной культуре горожан было велико, что свидетельствует и о высокой степени религиозности населения, активно принимавшего участие в данных шествиях. Искусственное прерывание традиции происходит уже в середине 1930-х годов, когда крестный ход становился возможен только в пределах церковной ограды, а со временем и вообще запрещен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАВО. Ф.53. Оп.2. Д.286. Л.134, 135.

² Там же. Д.272. Л.87-87 об. Ф.412. Оп.1 Д.25. Л.288, 289.

³ Там же. Ф.412. Оп.1. Д.25. Л.233.

⁴ Там же. Л.236.

⁵ Там же. Л.241.

⁶ Там же. Л.277, 278.

⁷ Там же. Ф.53. Оп.2. Д.241. Л.100.

⁸ Там же. Ф.412. Оп.1. Д.25. Л.280, 281.

⁹ Там же. Л.258.

- ¹⁰ Там же. Л.247.
¹¹ Там же. Л.219, 221.
¹² Там же. Л.254.
¹³ Там же. Л.286, 287.
¹⁴ Там же. Л.272, 273.
¹⁵ Там же. Л.275.
¹⁶ Там же. Л.122.
¹⁷ Там же. Ф.53. Оп.2. Д.809. Л.198-200.
¹⁸ Там же. Д.807. Л.48.
¹⁹ УФСБ по Вологодской области. Ф.3. Т.18. Л.233.
²⁰ ГАВО. Ф.366. Оп.1. Д.274. Л.285.
²¹ Там же. Л.287.
²² Воспоминания Н.И.Федышина. С.2.
²³ Крестные ходы в Вологде // ВЕВ. 1902. № 15. С.444.
²⁴ ГАВО. Ф.53. Оп.2. Д.806. Л.94-95; Ф.412. Оп.1. Д.25. Л.265.
²⁵ Там же. Д.809. Л.179, 190.
²⁶ УФСБ по Вологодской области. Ф.3. Т.18. Л.278.
²⁷ Летопись Вологодской епархии за время с 1930 по 1940 год... С.12-13.
²⁸ УФСБ по Вологодской области. Ф.3. Т.18. Л.4.
²⁹ Там же. Л.278-278 об.
³⁰ ГАВО. Ф.53. Оп.2. Д.809. Л.196.
³¹ Вологодский иллюстрированный календарь. 1894. Вологда, 1894. С.22-23.
³² ГАВО Ф.53. Оп.1. Д.809. Л.282.
³³ Воспоминания В.С.Палтусовой. С.5.
³⁴ УФСБ по Вологодской области. Ф.3. Т.18. Л.278.
³⁵ Там же. Л.333.
³⁶ Воспоминания Е.С.Палтусовой. С.5.
³⁷ УФСБ по Вологодской области. Ф.3. Т.18. Л.278 об.
³⁸ ГАВО. Ф.53. Оп.2. Д.807. Л.42, 48.
³⁹ УФСБ по Вологодской области. Ф.3. Т.18. Л.278-278 об.

**III. Документальные
источники
новейшего времени**

В.Л. Кукушкин,
аспирант кафедры отечественной
истории Вологодского
государственного педагогического
университета

МАТЕРИАЛЫ ГАВО И ВОАНПИ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ

Тема крестьянского протеста в северной деревне в начале 1920-х годов еще до конца не исследована. В многочисленных публикациях показаны только самые яркие формы крестьянских выступлений против политики советской власти. Менее заметные проявления социального протеста (дезертирство, уклонение от выполнения повинностей, публичная критика режима, жалобы и другие) пока не привлекли внимания историков. Однако документы местных архивов дают возможность значительно расширить источниковую базу изучения этих вопросов.

Материалы Государственного архива Вологодской области (ГАВО) позволяют представить борьбу органов советской власти с крестьянскими выступлениями, показывают экономическое положение и политические настроения сельского населения Вологодской, Череповецкой, Олонецкой и Северо-Двинской губерний, а также уездов, входивших в их состав, раскрывают факторы, влиявшие на усиление недовольства крестьян аграрной политикой большевиков.

Так, фонды Вологодского губисполкома (ф. 585), Грязовецкого (ф. 485), Тотемского (ф. 1455), Вологодского (ф. 261), Кадниковского (ф. 343), Вытегорского (ф. 2227), Кирилловского (ф. 2201) уисполкомов содержат протоколы заседаний съездов Советов, пленумов и пленумов исполкомов; постановления советских органов власти по проведению продовольственных, налоговых, лесозаготовительных кампаний, мобилизаций в Красную армию; отчеты советских работников о выполнении этих мероприятий; письма и телеграммы учреждений по различным проблемам жизни северной деревни. В целом они дают возможность увидеть сложную, противоречивую реакцию различных слоев сельского населения на осуществляемые местными властями аграрные, социально-политические и культурные преобразования.

Документы фондов отдела управления НКВД Вологодского губисполкома (ф.53), Вытегорского (ф.2232), Грязовецкого (ф.486), Кадниковского (ф.210), Кирилловского (ф.4267), Тотемского (ф.2343) отделов управления уисполкомов раскрывают деятельность этих органов в борьбе с массовыми беспорядками, систему наказаний граждан, виновных в неподчинении распоряжениям местной администрации.

Особый интерес вызывают протоколы заседаний коллегии губернского отдела управления, выносившей решения по делам о должностных проступках, самогоноварении, спекуляциях, хищениях, хулиганстве и других преступлениях. Эти документы показывают разнообразие форм «незаконного», с точки зрения советских работников, преодоления правовых ограничений свободы крестьянской деятельности.

Документы Вологодской губернской (ф.2525) и Тотемской уездной (ф.2210) комиссий по борьбе с дезертирством отражают динамику численности дезертиров в уездах и волостях Вологодской губернии в 1919-1921 годах, показывают борьбу с уклоняющимися от призыва крестьянами. Среди материалов фондов комдезертир встречаются жалобы крестьян и солдат Красной армии на правонарушения со стороны местных властей, анкеты дезертиров, объясняющие массовость и устойчивость дезертирства в начале 1920-х годов голодом в воинских частях, необходимостью хозяйственной поддержки красноармейцами своих семей.

Фонды Вологодского областного архива новейшей политической истории содержат обширную информацию о противодействии партийных организаций северных губерний растущему социальному протесту в начале 1920-х годов. Материалы Вологодского (ф.1853), Северо-Двинского (ф.2), Череповецкого (ф.1930) губернских комитетов РКП(б) представлены большим количеством циркуляров и распоряжений ЦК РКП(б) и губкомов, протоколами заседаний губернских партийных организаций, перепиской с советскими учреждениями. Наибольшей информативностью отличаются документы агитпропотделов губкомов партии, особенно отчеты большевистских агитаторов и партийных инструкторов о результатах их поездок в деревню. Они нередко освещают критическое отношение населения к аграрной политике на проводимых митингах и сходах.

Услышать голос протестующего крестьянина позволяют также протоколы заседаний беспартийных конференций. Заметное недовольство мерами «военного коммунизма» выражали делегаты Вельского и Каргопольского уездов на беспартийных конференциях

1920-1921 гг. Экономическое положение этих прифронтовых уездов к концу гражданской войны было крайне тяжелым. На вельских и каргопольских крестьян были наложены дополнительные повинности по перевозке военных грузов и должностных лиц. Реквизиции продовольствия, фуража, лошадей основательно разорили крестьянские хозяйства, подорвали экономический потенциал Вельского уезда.

По телеграммам Вельского укома известие о прекращении боевых действий на Европейском Севере местное население встретило с ликованием, но его надежды на улучшение своего положения не оправдались: продразверстка 1920-1921 годов привела к мощнейшему социальному взрыву - восстанию вельских крестьян в марте 1921 года.

Колебания политических настроений крестьянства хорошо показывают сводки и отчеты ВЧК. Так, например, крестьяне Череповецкой губернии положительно восприняли переход к новой экономической политике, но уже в августе 1921 года их доброжелательное отношение к советской власти сменилось недовольством из-за повышения ставок продналога и роста цен на товары массового потребления.

Интересные материалы по истории крестьянского протеста встречаются также в фонде истпартотдела Вологодского губкома РКП(б) (ф.3837). Среди них следует назвать рукописные листовки, воззвания и устав никольской антисоветской заговорщической организации «Партия народной свободы». Антикоммунистический, православно-монархический, черносотенный характер воззваний, обращенных к деревенским мужикам, не исключает вероятности участия крестьян в деятельности «Партии народной свободы».

Документы Грязовецкого (ф.2446), Кадниковского (ф.2447), Никольского (ф.373), Тотемского (ф.259) и других уездных комитетов РКП(б) содержат сведения о различных мероприятиях местных партийных организаций по ослаблению социального протеста, которые в основном ограничивались агитацией и пропагандой, вызывавшей скептическое отношение к ним вологодского крестьянства.

Работа с материалами ГАВО и ВОАНПИ позволяет ввести в научный оборот малоизвестные источники и сведения о политике советской власти в северной деревне, об отношении к ней селян и формах противостояния экономическому и политическому давлению со стороны органов новой власти, называвшей себя властью рабочих и крестьян.

Ю.А.Перебинос,
аспирантка кафедры
отечественной истории
Вологодского государственного
педагогического университета

МАТЕРИАЛЫ ВОЛОГОДСКИХ АРХИВОВ ПО ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА КОНЦА 1920-х - НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ

Изучение политического процесса на региональном уровне в 1920-1930 годы становится одним из приоритетных направлений исторических изысканий. Фонды провинциальных архивов содержат материалы, позволяющие проследить механизм властвования, выявить специфику взаимоотношений центра и периферии, охарактеризовать слой местной бюрократии как непосредственного проводника политики центра в регионах. Документы фондов ГАВО и ВОАНПИ не являются исключением.

Оговоримся, что предметом нашего рассмотрения являются материалы, характеризующие лишь верхний слой государственно-партийного аппарата на местах, «группу руководящих работников», к которой в изучаемый период относили на советском уровне - председателей и секретарей исполкомов, заведующих отделами и подотделами и другими структурными единицами, инструкторов; на партийном уровне - ответственных секретарей, их заместителей, заведующих отделами и подотделами парткомов¹.

Как известно, в 1929 году ликвидировалась Вологодская губерния и было проведено районирование. Преемником губернии стал Вологодский округ Северного края, просуществовавший до середины 1930 года. Документы, дающие сведения о кадровом составе вологодских органов власти, сосредоточены в двух фондах ГАВО и двух фондах ВОАНПИ. Фонды № 585 ГАВО и № 1853 ВОАНПИ содержат материалы губернских структур власти на местах (губернского исполнительного комитета Советов и губернского комитета ВКП(б); фонды № 22 ГАВО и № 1855 ВОАНПИ отражают деятельность окружного исполкома и окружного комитета партии.

Ряд характеризуемых ниже источников впервые вводятся в научный оборот, некоторые из документов уже использовались, но

в исследованиях по другой тематике. Одно из важных мест среди документов по изучаемой теме занимают нормативные акты центральных и местных органов власти. В фондах губернских и окружных исполкомов и комитетов ВКП(б) сосредоточены оригиналы и копии постановлений и распоряжений, циркулярных и информационных писем, инструкций ЦК ВКП(б), ВЦИК РСФСР, Северного исполнительного комитета, Северного крайкома ВКП(б), вологодских органов власти по вопросам партийного и советского строительства, комплектования кадрами исполкомов Советов и партийных комитетов ВКП(б) всех уровней, определения компетенции каждой властной единицы. Среди нормативных актов, созданных на рубеже 1920-1930-х годов, большую часть составляют инструкции, распоряжения, регулирующие кадровые вопросы при проведении районирования 1929 года: принципы подбора и расстановки работников по тем или иным должностям, предполагаемый социальный и партийный состав образуемых органов².

Нормативная документация позволяет обрисовать структуру и штаты местных органов власти, численность государственных и партийных служащих, порядок назначения на должность и распределение административных обязанностей. Кроме того, сопоставление нормативных актов, исходящих из Москвы и Архангельска, с директивными указаниями, направляемыми губернскими или окружными структурами в нижестоящие органы, позволяет выявить степень интерпретации местным чиновничеством указаний центра, а также дает возможность показать специфику взаимоотношений губернии или округа с низшими административными структурами. В итоге ярко высвечивается положение региональных структур и характер взаимодействия всех звеньев в системе «центр - провинция».

Другой, весьма важный массив документов - это материалы отчетов о состоянии партийных и советских организаций Вологодского округа и Вологодской губернии, о ходе и итогах «чистки» советских органов. Как примеры такого рода источников назовем «Отчет о состоянии низового аппарата по Вологодской губернии за 1927-1928 годы»³, «Отчет о чистке в советском и кооперативном аппарате Шуйской волости»⁴, «Акт ревизионной комиссии Вологодского губкома по производству ревизионного обследования отделов губкома в период деятельности с 1.06 по 18.12.1928»⁵, «Отчет окружного партбюро на Первой Вологодской окружной партконференции о состоянии окружной парторганизации от 25.07.1929»⁶, «Справка о предварительных итогах проведения работы по идеоло-

гической борьбе с «правым уклоном» и примиренчеством (апрель 1929 года)»⁷.

Эти документы содержат богатый фактический материал по основным направлениям повседневной управленческой деятельности чиновничества, его отношения к выполнению своих обязанностей, о наличии и степени распространенности в его рядах оппозиционных настроений на рубеже 1920-1930-х годов. Статистические выкладки, содержащие показатели текучести кадров, причин выбывания ответственных работников с административных должностей, позволяют более точно оценить состояние аппаратов Советов и парткомов, уровень подготовки и профессионализма их сотрудников, масштабы проникновения в их среду различных социальных болезней и пороков (пьянство, служебные злоупотребления и т.п.). Особенность указанной группы источников заключается в том, что часть из них (отчеты о состоянии советского аппарата, о деятельности отделов губкома и др.) являлась результатом плановой деятельности исполкомов и парткомов, другая же часть создавалась в соответствии с политической конъюнктурой (материалы по «правому уклону» и «левому загибу», итоги «чисток» и т.п.).

Предоставляют возможность увидеть социальное лицо провинциального слоя советской бюрократии на рубеже 1920-1930-х годов обобщающие статистические материалы: итоговые сводки отчетно-перевыборных кампаний Советов и парткомитетов, списки количественного состава отделов исполкомов.

Материалы отчетно-перевыборных кампаний Советов представлены, как правило, в виде таблиц, оформленных либо машинописно, либо путем заполнения форм, набранных типографским способом. Основные показатели (пол, социальное положение, партийность и др.) даются как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении. Отметим, что набор критериев - пол, возраст, национальность, социальное положение - зависел от объекта, подвергаемого статистическому анализу. Так, в ходе отчетно-перевыборной кампании 1929 года состав членов райисполкомов оценивался по всем вышеперечисленным критериям⁸, а в составе горсоветов и сельсоветов не учитывалась национальность его членов⁹. Важной особенностью данного вида источников является то, что показатели по составу членов Советов даются в сравнении с результатами предыдущих выборов.

Итоговые сводки о результатах проведения выборов составлялись в аппарате исполкомов и направлялись в учетные подотделы оргинструкторских отделов губкома или окружкома, где они обра-

батывались, после чего подводились окончательные итоги выборов. Однако губком сам обрабатывал первичные данные и составлял отдельные таблицы по некоторым показателям. Так, в фонде Вологодского окружкома отложились статистические подсчеты по партийно-комсомольской прослойке Советов после выборов 1929 года (причем указаны данные за три перевыборные кампании - 1927, 1928, 1929 годов), отдельно представлена сводка о социальном составе Советов в 1927 и 1929 годах¹⁰.

В фондах окружкома за 1929 год сохранилось всего одно дело объемом свыше 100 листов¹¹, где представлены списки личного состава окружных учреждений. Обобщающая статистическая отчетность по всем окружным учреждениям дает весьма скудную информацию. Определенную трудность при анализе списков представляет то, что их составители не выделяли в общей массе сотрудников группу руководящих работников, учитывали весь штат учреждений - от заведующего отделом до специалиста и машинистки или извозчика. Кроме того, в этих списках представлены данные за разные хронологические отрезки: сведения по окрисполкому даются на 1 октября 1929 года, по отделу местного хозяйства - на 1 августа 1929 года. Поэтому обратимся к спискам личного состава конкретных окружных отделов.

В фонде окружкома ВОАНПИ содержатся сведения по шести основным отделам окрисполкома (отделам местного хозяйства, социального обеспечения, народного образования, здравоохранения, торговли, статистики), а также данные о личном составе аппарата самого окрисполкома и отдела коммунального хозяйства г. Вологды. В особую группу выделены ответственные руководящие работники - заведующие отделами, подотделами, их заместители, секретари и заведующие другими структурными единицами. Все данные сведены в таблицы, отпечатанные типографским способом. Однако в каждой из таких статистических сводок набор параметров различен. Наиболее часто повторяются три критерия - пол, социальное положение и партийность. В соответствии с ними даны сведения по всем учреждениям. То, что в статистических отчетах о количественном и качественном состоянии аппаратов указывались преимущественно эти три параметра, свидетельствовало о приоритетах кадровой политики советского государства в конце 1920-х - 1930-е годы. Более трудным представляется обработать данные по образованию и возрасту, управленческому стажу ведущих работников, т.к. они встречаются не во всех отчетах.

Каких-либо обобщающих статистических данных о личном

составе окружкомов и райкомов партии нами не обнаружено. Восполнить существующий пробел помогают материалы по учету и распределению кадров, которые пока еще представляют малоизученный пласт архивных источников. Этот комплекс документов состоит в основном из материалов учетного подотдела орготдела Вологодского губкома и учетно-распределительного отдела окружкома и включает списки разного характера: списки членов бюро, пленумов парткомов, их отделов, списки секретарей райкомов и председателей райисполкомов, заведующих отделами райисполкомов, перечни должностей, состоящих на учете ЦК, Северного крайкома, Вологодского губкома и окружкома ВКП(б) (номенклатурные списки), сведения о движении номенклатурных работников, списки подобранных и утвержденных кандидатур на ту или иную должность и др. Всего насчитывается более десяти такого рода дел, общий объем которых составляет свыше тысячи листов.

Кратко охарактеризуем некоторые из перечисленных видов источников. Списки членов бюро, пленумов парткомов, а также поименный перечень секретарей райкомов, как правило, составлялись в нескольких экземплярах, оформлялись либо машинописно, (для отправки в ЦК или Севкрайком), либо рукописно (оставлялись в окружке для внутреннего пользования). Набор параметров, по которым характеризовались сотрудники парткомов и исполкомов, был значительно шире, чем при составлении сводок по результатам отчетно-перевыборных кампаний Советов. Указывались не только социальное положение и партийность, но и данные о прежней работе, общее число и перечень смененных за последние три года должностей, общий стаж руководящей работы и период пребывания в последней должности¹².

Вследствие этого данные списки позволяют проследить движение того или иного чиновника по руководящей лестнице, выявить степень соответствия их профессиональных и деловых качеств уровню занимаемой должности. Вместе со сведениями об образовании и возрасте, партийном стаже это дает возможность сконструировать наиболее распространенные социальные типы в среде вологодского руководства. Наиболее полным в этом плане является список состава райисполкомов Советов Вологодского округа за 1929-1930-е годы, где представлены данные по пяти должностям четырнадцати районов округа. Они характеризуются по семи параметрам: социальное положение, возраст, общее и политическое образование, партийный стаж, наличие партийных взысканий. Так как список поименный, это позволяет охарактеризовать и половой

состав сотрудников райисполкомов ¹³.

Специфика номенклатуры как «совокупности директивных документов и основанной на них системы назначения» рассматривалась и изучалась в научной литературе ¹⁴, поэтому остановимся на особенностях этих документов, хранящихся в Вологодском областном архиве новейшей политической истории. Отложившиеся в фонде окружкома номенклатурные списки за 1929-1930 гг. можно условно разделить на две группы - поименные перечни лиц, занимающих номенклатурные должности, и простые перечни должностей, подлежащих учету окружкомом. Первые особо ценны тем, что дают возможность соотнести номенклатурную должность и качественные характеристики лица, занимающего эту должность, т.к. в такого рода списках указывались социальное происхождение, возраст, образование, партстаж и партвызвания ¹⁵. Простой же перечень номенклатурных должностей позволяет увидеть масштабы партийного контроля и управления кадровой политикой и использования последней как рычага воздействия на сферы жизнедеятельности Вологодского округа ¹⁶.

Достаточно объемна группа источников, характеризующих движение ответственных сотрудников: их перемещения с одной должности на другую, из одного региона в другой. В связи с районированием в 1929 году этот комплекс документов характеризует то, как за счет «мобилизаций» и «перебросок» формировался новый окружной и районный аппарат. Учетно-распределительным отделом окружкома или крайкома составлялись «Списки губернских и уездных работников, выделенных для укрепления районных аппаратов», в которых указывались помимо основных социально-демографических критериев и факторы использования того или иного сотрудника на определенной должности ¹⁷.

Особый интерес представляют обобщающие сведения о передвижении работников за определенный период и на ограниченной территории. Так, в фонде окружкома можно обнаружить итоговые результаты перемещения работников округа за период с 1.06.1929 по 20.05 1930 ¹⁸. Данные оформлены в виде таблицы, произведены подсчеты прибывших в распоряжение окружкома из райкомов, Севкрайкома, других окружкомов Северного края, ЦК ВКП(б) и откомандированных из Вологды в районы других округов Северного края или в Москву.

Редко, но все же встречаются списки подобранных и утвержденных кандидатур на определенную должность. В качестве примера назовем «Список заведующих социально-культурными отделами

риков», составленный в июле 1930 года и вынесенный на утверждение бюро Вологодского окружкома ВКП(б) 7 августа 1930 года. Отличительной особенностью данных материалов является то, что в них содержится краткая характеристика политических и деловых качеств каждой из утверждаемых кандидатур¹⁹.

Завершая анализ материалов по учету и распределению кадров, подчеркнем, что они позволяют изучить государственно-партийный аппарат как в высшей степени иерархическую систему, пронизывающую все уровни власти - от центра до периферии. Это, в свою очередь, ставит перед исследователем проблему места и роли отдельного человека в данной иерархии.

Итак, обзор некоторых материалов вологодских архивов позволяет утверждать, что в них сконцентрирован комплекс источников, способствующих раскрытию основных аспектов жизнедеятельности вологодского чиновничества на рубеже 1920-1930-х годов. Если нормативная и делопроизводственная документация характеризует внешние условия (структура органов власти, штатное расписание и др.) и принципы работы руководящих сотрудников исполкомов и парткомов всех уровней, то различного рода отчеты и обследования низового аппарата вышестоящими структурами дают реальную картину его состояния и профессионального функционирования административного персонала. Списки различного характера, статистическая отчетность о личном составе партийных и советских органов, содержащие объективные социально-демографические характеристики бюрократического слоя, рисуют его общий социальный портрет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ВОАНПИ. Ф.1855. Оп.1. Д.139. Л.1-2. Инструкция по составлению статотчетности.

² Там же. Ф.1853. Оп.13. Д.33. Л.60.

³ ГАВО. Ф.585. Оп.1. Д.699. Л.41-49.

⁴ Там же. Д.481а. Л.46-78.

⁵ ВОАНПИ. Ф.1853. Оп.13. Д.28. Л.4-11.

⁶ Там же. Ф.1855. Оп.1. Д.34. Л.37-72.

⁷ Там же. Ф.1853. Оп.13. Д.58. Л.2-10.

⁸ ГАВО. Ф.22. Оп.1. Д.80. Л.42.

⁹ Там же.

¹⁰ ВОАНПИ. Ф.1855. Оп.1. Д.34. Л.98-99.

¹¹ Там же. Д.139. Л.1-2.

III. Документальные источники новейшего времени

---

¹² Там же. Л.45-46.

¹³ Там же. Д.128. Л.102-105.

¹⁴ Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия //Вопросы истории. 1993. № 7.

¹⁵ ВОАНПИ. Ф.1855. Оп.1. Д.135. Л.1-23.

¹⁶ Там же. Д.128. Л.40-45.

¹⁷ Там же. Л.17-18.

¹⁸ Там же. Д.140. Л.116.

¹⁹ Там же. Д.129. Л.230-233.

М. Н. Глумная,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной
истории Вологодского
государственного педагогического
университета

ФОНДЫ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В 1930-е гг.

В Государственном архиве Вологодской области имеется превосходная коллекция фондов сельских советов, являющаяся исключительно ценным источником по истории северной деревни в 1930-е годы. К сожалению, исследователи очень редко обращаются к этому виду источников. И отчасти их можно понять. Информация, содержащаяся в материалах сельсоветов, носит заведомо узкий, локальный характер. Поэтому специалистам, занимающимся проблемами социально-экономического развития советской деревни, гораздо разумнее и удобнее обращаться к документам районных организаций, куда подобно множеству ручейков стекались сведения из всех сельских советов района, поднимаясь далее до областных (краевых), республиканских инстанций и, наконец, до уровня обобщения в масштабе всей страны.

Сельсоветская документация чрезвычайно разнообразна по характеру отложившейся в ней информации. Сохранилось множество самых разных форм отчетности, действовавших часто в продолжение очень короткого времени, сами эти формы постоянно менялись. Все это затрудняет построение каких-либо длительных линий развития, обобщение материала. Следует учитывать и то, что начало 1930-х годов было временем глубочайших социально-экономических, политических и культурных преобразований в жизни советского общества. Форсированная индустриализация и сплошная коллективизация повергли деревню в крайнюю нищету, что сказалось на документации сельсоветов. Как правило, протоколы и другие документы написаны на бумаге плохого качества, карандашом или чернилами, тексты часто «слепые». Успехи «культурной революции» стали более или менее ощутимыми лишь в послевоенный период, поэтому безграмотность составителей документов - серьезное испытание для исследователя.

Определенные трудности представляют не только особенности почерка, но и орфографии, лексики того или иного секретаря сельсовета, часто при полном отсутствии пунктуации. Документы несут на себе и печать личных качеств секретарей - более аккуратные, добросовестные, трудолюбивые вели документацию в соответствии с требованиями того времени, она более полная, точная, что повышает степень ее достоверности. Однако эти и некоторые другие трудности при работе с фондами сельсоветов полностью компенсируются ценностью информации, которую можно извлечь из этих материалов.

Ограниченные рамки статьи не позволяют представить полную и развернутую характеристику разных видов источников, которые сохранились в фондах сельских советов. Ведь сельские советы - низшее звено органов власти в сельской местности - решали самые разнообразные проблемы, их деятельность охватывала все стороны жизни деревни. Изучение документации, отражающей все направления этой деятельности - дело чрезвычайно трудоемкое. Тем не менее, такая задача, безусловно, должна ставиться исследователями. Некоторые шаги в этом направлении уже предприняты¹. Исследование материалов сельсоветов позволит, наконец, определить реальное место этого органа власти в жизни советского общества в 1930-е годы.

В данной статье предпринята попытка на примере только одного блока документов показать их информационные возможности для воссоздания объективной картины жизни северной деревни в 1930-е годы во всем ее многообразии и противоречиях. В качестве такого примера отобраны материалы, появившиеся на свет в ходе налоговых и заготовительных кампаний. Такой выбор объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, интересом автора к истории денежных платежей и натуральных обязательств крестьян в 1930-е годы, а во-вторых, тем значением, которое имело выполнение государственных обязательств для самих крестьян. Обилие отрывков из документов в статье вызвано не только стремлением автора ввести эти материалы в научный оборот, но и донести до читателя «живые голоса истории».

Выполнение крестьянами их денежных платежей, натуральных обязательств и повинностей перед государством - одно из центральных направлений в системе взаимоотношений «власть - крестьянство». В фондах сельских советов сохранился значительный по объему и разнообразный по характеру содержащейся в ней информации пласт документов, отражающий проведение налого-

вых кампаний в деревне. Прежде всего - это протоколы заседаний пленумов и президиумов сельских советов, групп бедноты, сельских налоговых комиссий, общих собраний граждан деревень и колхозов.

Особую группу здесь составляют документы об отнесении тех или иных крестьянских дворов к категории хозяйств, подлежащих обложению сельхозналогом в индивидуальном порядке (т.е. фактически к «кулакам»). Особенность таких протоколов в том, что они содержат не только решение по тому или иному хозяйству, но и достаточно развернутую характеристику «кулацкого» или зажиточного двора. Часто вместе с протоколами сохранились отдельные справочные материалы на такие хозяйства, готовившиеся к отправке в райисполкомы на рассмотрение районных налоговых комиссий, запросы или решения районных властей.

Наличие подробных характеристик позволяет увидеть не только эволюцию понятия «кулак» по налоговому законодательству на протяжении первой половины 1930-х годов, но и проследить осуществление налоговых норм в реальной жизни. Особенно ценным представляется восприятие «кулака», которое проявляется через текст документов, отдельные ключевые фразы и слова, и которое является, таким образом, отражением отношения к «кулакам» прежде всего со стороны самих крестьян.

Как известно, впервые система обложения сельхозналогом в индивидуальном порядке была введена согласно Закону о едином сельскохозяйственном налоге на 1928/1929 год. До этого облагаемый доход рассчитывался на основании так называемых «норм доходности», устанавливаемых в законодательном порядке для каждого вида скота и сельскохозяйственных угодий. Таким образом, определение облагаемого дохода сводилось к выяснению того, сколько в хозяйстве земли и скота. Конечно, это был «нормативный», а не реальный доход конкретного хозяйства. Однако обложение по нормам имело то несомненное достоинство, что ставило все хозяйства определенной местности в равные условия. Размер налога зависел только от имущественных различий. Зажиточный крестьянин платил больше не потому, что считался «кулаком», а потому, что действительно был богаче других. С 1928/1929 г. равенство крестьян перед законом было нарушено: «кулацкие» хозяйства облагались не по нормам, а в индивидуальном порядке - по их «действительной доходности». Теперь хозяйства, облагавшиеся в индивидуальном порядке, платили больше потому, что их объявили «кулацкими».

Привлечение к индивидуальному обложению никогда не опиралось на анализ реального экономического состояния двора. Научно обоснованного объяснения термина «кулак» не было дано ни в то время, ни позднее. Зима 1929-1930 гг. была временем «определения силой». В марте 1930 г. Наркомфин СССР разработал «признаки кулацких хозяйств» для использования их при проведении сельхозналоговой кампании, а мае того же года Совнарком их одобрил для применения на практике.

К концу первой пятилетки основаниями для привлечения к индивидуальному обложению (т.е. признаками «кулачества») являлись: а) систематическое применение наемного труда для сельскохозяйственных работ или в кустарных промыслах, за исключением тех случаев, когда по действующему законодательству это не влекло за собой лишения избирательных прав; б) наличие в хозяйстве мельницы, маслобойни, крупорушки, просорушки, волокончесалки, шерстобитки, терочного заведения, картофельной, овощной и плодовой сушилок или другого промышленного предприятия; в) наличие промышленного предприятия, посредством которого эксплуатируется окружающее население путем сдачи работ на дом или путем скупки сельскохозяйственных продуктов для переработки на этом предприятии; г) систематическая сдача в наем сложных сельскохозяйственных машин с механическими двигателями или работа за плату этими машинами для других хозяйств; д) систематическая аренда земли на условиях, признанных кабальными для сдатчиков; е) аренда сада, виноградника и т.п. с целью торговой и промышленной эксплуатации; ж) систематическая сдача в наем отдельных оборудованных построек под жилье или предприятия; з) занятие торговлей и торговым посредничеством, ростовщичеством или наличие других нетрудовых доходов².

Для раскулачивания было достаточно наличия одного из приведенных выше признаков. Действительность не всегда совпала с правовыми нормами и была куда суровее. В современной отечественной литературе уделяется много внимания фактам величайшего произвола, царившего в деревне в эпоху «великого перелома». Страх перед раскулачиванием заставлял крестьян покидать родные места или вступать в колхозы. К концу первой пятилетки коллективизация в основном была завершена, а «кулачество как класс было ликвидировано». Но классовая борьба, по мнению И.В.Сталина, по мере построения социализма должна была и далее обостряться. В соответствии с этим коренным образом были изменены и подходы к выявлению и обложению «кулацких»

хозяйств.

Внешние, легко устанавливаемые «эксплуататорские» признаки к этому времени утратили свое значение, точнее, сделали свое дело, поэтому предложено было к «кулацким» относить также хозяйства, ликвидировавшие внешние признаки, но проживающие на ранее нажитые нетрудовые доходы. Общесоюзный закон о сельхозналоге на 1933 г. акцентировал внимание местных финансовых органов на необходимости обязательного обложения в индивидуальном порядке: а) хозяйств, занимающихся систематической спекуляцией (скупкой-продажей) и наживающихся на этом за счет рабочих и крестьян; б) хозяйств, злостно не выполняющих заданных им планов посева и других установленных законом государственных обязательств, если они не относятся к определенно бедняцким хозяйствам³. Согласно закону о сельхозналоге в РСФСР «кулацкими», кроме того, считались также хозяйства, дающие займы на кабальных условиях деньги или продукты (ростовщичество) с обязательством должников возврата долга натурой, сырьем или отработкой в сельском хозяйстве, промысле и т.д.⁴.

Особую роль в выявлении «кулацких» хозяйств в 1933 г. сыграла Инструкция НКФ СССР о проведении в жизнь закона о сельхозналоге. В 84 Инструкции указывалось, что к «обложению в индивидуальном порядке должны быть привлечены также хозяйства, облагавшиеся как кулацкие в прошлые годы, если точно установлено, что они проживают сейчас на ранее нажитые нетрудовые доходы»⁵.

Новая установка сверху на местах была понята как сигнал к весьма расширенному толкованию признаков «кулачества». Закон получил силу обратного действия: теперь к индивидуальному обложению привлекались не только за «современные проступки», но и за деяния прошлых лет. В 1933-1934 гг. к категории индивидуально облагаемых сельхозналогом дворов относили хозяйства, «эксплуататорскую» сущность которых искали (и находили) не в доколхозные 1920-е годы и даже не в годы революции и гражданской войны, а обращались к началу XX века - 1900-1917 гг. Как тогда говорили, «это хозяйство - исстари зажиточное».

Удивляют свойства человеческой памяти - в документах приводятся размеры пахотных и сенокосных угодий, лесных дач, скота и т.п., принадлежавших отцам, даже дедам односельчан. Припоминалось не только число наемных работников, но и их имена, факты «торгово-предпринимательской деятельности» до революции: скупка у других крестьян и перепродажа хлеба, льна,

кудели, скота, торговля лесом и т.п. в «больших размерах», предоставление в ссуду денег и хлеба под проценты или «в отработку» и т.д. Все это, по мнению односельчан, облеченных властью в начале 1930-х гг., создавало предпосылки для накопления «нетрудовых» доходов», не исчерпавших себя и к 1934 году.

В апреле 1933 г. на расширенном заседании президиума Раменского сельсовета Лежского района Северного края обсуждалось хозяйство М-ва Н.Ф.* из д. Раменье на предмет отнесения его к «кулацким» и обложения его в индивидуальном порядке. В протоколе заседания М-ов Н.Ф. был назван «крупным землевладельцем», имевшим до революции свыше 30 га земли (пашни и сенокоса) как надельной, так и купленной, которую не мог обрабатывать только личным трудом и поэтому применял наемный труд, имея постоянных и сезонных работников и работниц. Как большеземельное, хозяйство имело избыток сельскохозяйственных продуктов, которые и продавались на рынке по повышенным ценам. Излишки хлеба обменивались на различные вещи. «Сам М-ов реакционно настроен против мероприятий, проводимых партией и советской властью». Президиум сельсовета отнес хозяйство М-ва к группе «крепко-зажиточных» и просил райисполком утвердить это решение ⁶.

В райисполкоме названные признаки сочли недостаточными для зачисления этого хозяйства в категорию «кулацких». В свою очередь сам М-ов представил справки и документы, оспаривавшие приведенные в постановлении президиума сельсовета факты. В результате президиум райисполкома вынес решение отменить постановление сельсовета. Но в июне 1934 г. в сельсовете было собрано новое досье на хозяйство М-ва, дополнено свидетельскими показаниями о «спекуляции и ростовщичестве», а также ссылкой на то, что в 1932-1933 гг. хозяйство планов сева не выполнило, хотя «имело займы хлеба, которые припрятали». Президиум сельсовета вновь принял решение, что хозяйство М-ва Н.Ф. имеет «явно кулацкие признаки» ⁷.

Подобных примеров было множество и в Раменском сельсовете Лежского района, и в других сельсоветах и районах. «Нетрудовые признаки» таких хозяйств имели место в дореволюционном или доколхозном прошлом, но политическая неблагонадежность главы хозяйства становилась более весомым фактором, нежели действительное экономическое состояние двора.

---

* Здесь и далее в документах фамилии указаны полностью.

По данным НКФ СССР, обложение в индивидуальном порядке в налоговую кампанию 1933 г. производилось преимущественно по дополнительным признакам, установленным в том же году: систематическая спекуляция, злостное невыполнение плана посева и государственных обязательств, проживание на ранее нажитые нетрудовые доходы. Как правило, индивидуальное обложение применялось ко вновь выявленным хозяйствам, а не к облагавшимся подобным образом ранее. Например, в том же Раменском сельсовете решением сельской налоговой комиссии от 15 апреля 1933 г. шесть крестьянских хозяйств, ранее облагавшихся в индивидуальном порядке, были выведены из этой категории обложения, т.к. их «нетрудовые доходы утеряли свой вес» и они «живут исключительно на заработок, который имеют»⁸.

В фондах сельских советов имеется масса примеров о привлечении к обложению в индивидуальном порядке именно за спекуляцию. Так, в хозяйстве Р-ва Д. (д. Раменье) «имелась систематическая спекуляция... разными товарами, привозимыми из Ленинграда: табак, папиросы и кондитерские изделия...». Кроме того, Р-ев занимался и «дачей хлеба под проценты займы»⁹. М-ов М.Е. (д. Ципилево, Раменского сельсовета) «в 1933 г., когда проводились хлебозаготовки, в них не участвовал... хлеба государству по твердым ценам также не продал ни одного килограмма, а на рынок выбрасывает по спекулятивным ценам, меняет по дешевке на различные вещи...»¹⁰.

Подобная позиция - продажа хлеба и других сельскохозяйственных продуктов на рынке при невыполненных государственных обязательных поставках - в общем понятна. Государственные цены были намного ниже рыночных, они не компенсировали затрат, вкладываемых в производство, не могли даже обеспечить выживание самой крестьянской семьи. Но, как известно, не все крестьяне, поступавшие таким образом, зачислялись в «кулаки». Имеются в характеристиках на предполагаемые «кулацкие» хозяйства «признаки», которые объясняют, почему именно они являлись основными претендентами на индивидуальное обложение. И это связано не только со стремлением сельских властей любой ценой выполнить «план по кулакам» в свете очередных новых веяний генерального курса, не только с попытками свести какие-то личные счеты, но и с тем, что это были качества, вызывавшие осуждение основной массы крестьянства, качества, с которыми сельское общественное мнение не желало мириться.

Яркое тому подтверждение - характеристика на хозяйство

В-ва И.Д. из д.Левино Раменского сельсовета, который «... занимался систематической спекуляцией, а для этого продал лошадь, корову и весь сельскохозяйственный инвентарь, т.е. сделал хозяйство для вида маломощным, а сам пустился в спекуляцию и в течение 1930, 1931 и 1932 годов все время занимался спекуляцией табаком, различными вещами. Покупал... товар в потребительской кооперации дефицитный и вывозил на рынок... В-ов скупал яйца сразу более 1000 штук, покупал за 3 руб., продавал по 5 руб. ...купленные вещи на торгах¹¹ на 116 руб. продал по грубым подсчетам свыше, чем на 800 руб... Сам В-ов в течение последних двух лет в хозяйстве не работает, а обрабатывали хозяйство постоянно живущие у него Ф-ва и В-ва, которые жили в течение двух лет и выполняли буквально все работы, и В-ов оплачивал их только тем, что он их кормил. ...Наконец, для того, чтобы освободиться от земли, в 1933 г. В-ов предложил на общем собрании д.Займа... полведра вина. Стало быть, В-ову уже не понадобилась и земля, т.к. В-ов стал легко наживаться и жить исключительно на нетрудовые доходы»¹².

Таким образом, осуждение вызывала, прежде всего, нажива, получаемая «легким», «неправым» путем. Отказ от земли, тяжело-го крестьянского труда, бывшего уделом отцов и дедов, крестьянами в первой половине 1930-х гг. воспринимался негативно.

Осуждалась и спекуляция вином или самогоном. Хозяйства, использовавшие известную народную «слабость» для обогащения, также пополняли списки облагаемых в индивидуальном порядке. Например, это еще один из «грехов» уже упоминавшегося М-ова М.Е., который «...имеющийся хлеб перегонял на самогон и последний также продавал на хлеб...», «вплоть до 1932 г. ...занимался систематической спекуляцией вином, табаком, папиросами...»¹³. Не могли такие хозяйства рассчитывать и на снисхождение при подведении итогов посевных и заготовительных кампаний. Свидетельство тому, например, характеристика хозяйства Ш-вой Марии (д.Раменье): «систематическая спекуляция вином и др. Невыполнение планов сева, невыполнение индивидуальных обязательств. Хозяйство, безусловно, крепкое, могущее безболезненно выполнить, но саботирует»¹⁴.

Достаточно красноречивы и такие «обвинения», предъявленные среди прочих И-ву А.И. (д.Раменье): «...Сын И-ва неоднократно направлялся на государственные работы, но все время приезжал обратно, лишь только расходовались на него деньги государственные...», а сам И-ов «обманным путем скрывал лошадь от лесозаго-

товок, якобы бережая, а фактически оказалась нет и на лесозаготовке не выезжал»¹⁵. Обман представителей власти и односельчан, бесполезная трата государственных (или колхозных) средств в деревне не приветствовалась. Такая позиция наиболее отчетливо прозвучала в выступлении Александрова Василия на расширенном заседании президиума Раменского сельсовета 21 мая 1931 г., который с возмущением обличал некоторых своих односельчан, пытавшихся «бодро» отчитаться о невыполненной работе: «зачем мы обманываем себя и Советскую власть, если предыдущие [выступающие] говорят, что выполнили [план сева] и даже перевыполнили, но этого в нашей деревне нет... Спрашивается, для чего? Я откровенно говорю, что не выполнили и не выполним, и врать перед выездным президиумом не стоит»¹⁶.

Таким образом, если государство, вводя систему обложения сельхозналогом в индивидуальном порядке, преследовало, прежде всего, политические цели - ослабление, а затем и ликвидация деревенской верхушки, потенциально опасной для существующего строя, то для самих крестьян, которые, кстати, принимали в этом процессе непосредственное участие, это было еще и своеобразное «очищение» деревенского мира от людей, каким-либо образом нарушающих нормы крестьянской этики.

Как известно, порядок составления протокола предполагает фиксирование на бумаге основных идей, мыслей, высказываний, вопросов, прозвучавших на заседании, ход которого и отражает данный документ. Это означает, что протоколы заседаний различных собраний, имеющиеся в фондах сельсоветов, сохранили голоса самих крестьян. Изучение этих документов, таким образом, позволяет по-новому взглянуть на процесс «раскулачивания» на завершающем этапе коллективизации, дает возможность избежать крайностей, свойственных советской («кулак - классовый враг») и современной отечественной («кулак - невинная жертва государственного насилия») историографии и освещения такой сложной проблемы как «кулак» в советской деревне. Не менее важны эти документы и для исследования крестьянской психологии, изменений, происшедших в общественном сознании.

Борьба за выполнение денежных и натуральных обязательств перед государством была одной из основных забот работников сельских советов. Протоколы заседаний президиумов сельсоветов позволяют проследить ситуацию, складывавшуюся в деревне с уплатой денежных налогов, выполнением обязательных натуральных поставок и повинностей. Судя по этим документам, положение

было весьма неблагоприятное. Особенности трудности возникали с единоличниками. Так, 18 мая 1935 г. на заседании расширенного президиума Раменского сельсовета была заслушана информация председателя сельсовета Жукова о выполнении мясоналога за 1934 г. и за 1 квартал 1935 г. По его словам, Раменский сельсовет по выполнению мясоставок находился в «позорном положении», т.к. недовыполнил 18 ц. Кулацкие хозяйства сельсовета и ряд единоличников вообще не участвовали в поставках. Причины этого председатель видел в том, что «не было борьбы с кулацкими классовыми вылазками и ни один кулак не был дан под суд и не штрафовался».

За 1 квартал 1935 г. в выполнении мясоналога не приняли участие 63 % колхозников, 35 % единоличников и все кулацкие хозяйства сельсовета. По решению президиума сельсовета одиночные хозяйства, не выполнившие в срок мясоставки, были оштрафованы на разные суммы. Например, кулацкие хозяйства Р-ва Д.А., Б-ва П.С, К-на П. - на 400 руб., К-ва П.И. - на 300 руб., единоличные хозяйства Ш-ой Д. - на 48 руб., М-ой Е. и С-ой П. - на 56 руб., В-ва Д.Д. - на 80 руб., Ш-ва П.У. - на 92 руб. и т.д.¹⁷.

13 июля 1935 г. на совместном заседании членов сельсовета и налоговой комиссии вновь поднимался вопрос о выполнении обязательств перед государством по поставке мяса, а также молока и шерсти. Отмечалось «плохое выполнение заданий, потому что члены сельсовета не дают никаких разъяснений и не ведут никакой работы с единоличниками». В результате - молочные фермы, расположенные на территории сельсовета, выполнили план молокопоставок на 65 %, а единоличники не выполнили вовсе. На заседании принято решение: «злостных неплательщиков отдавать под суд и налагать штрафы по рыночной цене и таковые взыскивать в беспорядном порядке»¹⁸.

Сельсоветам приходилось бороться с устойчивым нежеланием крестьян, как колхозников, так и единоличников, принимать участие в лесозаготовках, дорожном строительстве, вывозке леса, торфа, сена и других трудовых повинностях, о чем убедительно свидетельствуют протоколы заседаний сельских советов. В документах рефреном звучат фразы: «систематически отлынивает от работы в лесу», «систематически саботирует». В протоколе выездного расширенного заседания президиума Раменского сельсовета от 1 января 1934 г. говорится о неудовлетворительном ходе лесозаготовок, т.к. «ряд хозяйств встал на путь открытого саботажа, а отдельные лица прямо заявляют, что отказываются от участия в

лесозаготовках. Некоторые единоличники в целях уклонения от лесозаготовок продали лошадей». По решению президиума сельсовета несколько хозяйств были оштрафованы на разные суммы¹⁹.

В протоколе заседания президиума сельсовета за 10 февраля 1934 г. снова читаем: «...за последнее время, т.е. особо за последнюю декаду, темпы лесозаготовок по сельсовету уменьшены, что создает затяжной характер выполнения в целом программы лесозаготовок по сельсовету. Отдельные члены сельсовета не ведут борьбы с лодырями и дезертирами, тогда как самое главное отставание - по единоличному сектору, который весь сельсовет тянет далеко книзу. Абсолютное большинство единоличников ездят ежедневно домой, тем самым, снижая производительность...» Решением президиума сельсовета на единоличников, уклонявшихся от лесозаготовок, был наложен штраф в размере 100 руб.²⁰.

С фактами саботажа лесозаготовок и других трудовых повинностей единоличниками и колхозниками исследователь неизбежно сталкивается и при изучении материалов других сельсоветов из разных районов Северного края²¹.

Характеристики «саботажников» и «недоимщиков» так же, как и хозяйств, определяемых в категорию индивидуального обложения, изобилуют свидетельствами об их «спекулянтской» деятельности. Например, крестьянин Б-ов М.И. из Шевницкого сельсовета Харовского района «продал молока в Ноябрьский разъезд на 100 литров по цене 2 руб. одна литра на сумму 200 руб., а сам 1933 г. молоконалог не выполнил...», кроме того, занимался перепродажей махорки, которую доставала в Москве его свояченица: «брал махорку по 25 коп., а продавал по 2 руб... покупал и перепродавал сахар».²²

Диапазон мер воздействия, которые сельские власти могли использовать в отношении «саботажников» и «недоимщиков», был достаточно широк: общественный бойкот, общественный сельский суд, просьбы в райисполком о выселении из пределов сельсовета, исключение из членов колхоза, перевод при обложении налогами в группу «кулаков», денежные штрафы, арест, опись и продажа имущества по решению народного суда, наконец, привлечение к уголовной ответственности по ст. 61 УК РСФСР²³. Однако, как показывала практика, большинство из этих средств, особенно морального порядка, были малоэффективны. В тех же протоколах постоянно встречаются фразы: «за симуляцию лесозаготовок сужден сельским судом. Моральное воздействие совершенно не влияет». Более действенными оказывались меры материального поряд-

ка, прежде всего составление описи имущества и последующая его распродажа в случае не выполнения денежных платежей или натуральных поставок.

В фондах сельсоветов сохранились многочисленные акты описей имущества недоимщиков, дающие представление о состоянии их хозяйств. Приведем несколько примеров. Так, 1 февраля 1935 г. было описано имущество Л-ва А.К., с хутора Александровский Сухонского сельсовета Междуреченского района. В документе сказано, что этот крестьянин «до сего времени не уплатил обязательных платежей, несмотря на то, что сроки платежей давно истекли. Гражданин Л-ов категорически от уплаты отказался. За ним числятся недоимки: сельхозналог - 64 руб., самообложение - 64 руб., единовременный налог - 97 руб. 45 коп. Итого - 225 руб. 45 коп. Описана корова белой масти за сумму 350 руб. Вышеуказанный гражданин будет единоличник, средняк, имеющий дом, двор, корову, семья - 7 человек»²⁴.

Изучение актов описанного имущества по Сухонскому и другим сельсоветам Северного края показывает, что объектами взыскания становились домашний скот, сельскохозяйственный инвентарь, одежда, реже - зерно, хозяйственные и жилые постройки, предметы домашнего обихода. Еще реже встречаются предметы «роскоши» - зеркала, швейные машины, комоды, шкафы и другая «городская» мебель. Преобладание скота в документах можно объяснить, во-первых, меньшими возможностями его утаивания (при существовавшей тогда системе учета), во-вторых, его большей стоимостью по сравнению, например, с одеждой, и, значит, более высокой способностью к погашению недоимки. Одежду, хлеб и некоторые предметы домашнего обихода было легко, хотя и рискованно, спрятать у соседей или родственников (но не швейную машину, зеркала, часы и т.п.).

В тех случаях, когда имущество от описи укрыть не удавалось, документы рисуют картину весьма низкого уровня благосостояния деревни. Особенно нищенскими предстают «кулацкие» хозяйства середины 1930-х гг. Так, в фонде Шевницкого сельсовета Харовского района Северного края сохранились документы, характеризующие состояние «кулацких» дворов. Вот некоторые из этих материалов.

«... 24 января 1935 г. произведена опись имущества кулаков.

1. К-ов Николай Алексеевич, из д. Беляевской. При тщательном обыске хлеба и имущества в доме не обнаружено. Что касается построек, то прилагается их опись, что касается дома, то таковой

продан райлесхозу. Остальные постройки неизвестно за кем числятся или проданы.

2. Г-ов Николай Матвеевич. Сам отбывает принудительные работы. При тщательном обыске в доме ничего не обнаружено из имущества и хлеба, что касается построек, на таковые прилагается опись.

3. Т-ов Аполлинарий Алексеевич, отбывает принудительные работы. При тщательном обыске имущества не оказалось. По части построек прилагаем опись имущества.

4. Е-ев Иван Алексеевич. Постройки все проданы. Дом под школой. Имущество... какое неизвестно где, описано ранее. Ключи неизвестно где... Сам Е-ев неизвестно, где работает.

Настоящий акт составлен на предмет предъявления Шевницкому сельсовету для условного списания недоимки у кулаков...»²⁵.

Согласно другому документу, в Шевницком сельсовете на 17 февраля 1935 г. числилось 14 «кулацких» хозяйств.

В фондах сельских советов часто встречаются и акты описи имущества «кулацких» хозяйств в период сплошной коллективизации - они очень подробные, перечислены не только сельскохозяйственный инвентарь, жилые и хозяйственные постройки, но и предметы домашней утвари и личного обихода, вплоть до последнего чугунок и блюда. Много таких актов отложилось и в фондах финансовых отделов. Работа по анализу актов описи «кулацкого» имущества, их систематизация пока не проводились. Между тем, это ценные источники по истории быта и материальной культуры советской деревни в 1920-1930-е гг. Если учитывать, что раскулачивание затронуло не только деревенскую верхушку, но и значительную часть середняков, то результаты анализа можно распространить, таким образом, практически на все (за исключением самых низов) деревенское население. Даже поверхностное сопоставление актов описи «кулацкого» имущества периода сплошной коллективизации и актов описи имущества недоимщиков и «кулаков» второй половины 1930-х гг. позволяют говорить о значительном снижении уровня благосостояния населения советской деревни за эти годы.

Хотелось бы указать на еще один пласт информации в сельсоветской документации, разработка которого позволила бы сделать определенные шаги в исследовании религиозной жизни северной деревни в 1930-е годы. Часто в характеристиках «кулаков», «саботажников», «недоимщиков» встречаются упоминания о «порочащих» их связях с «темными личностями». Под этим определе-

нием легко угадываются служители культа, представители религиозных сект и т.п. Так, только по Раменскому сельсовету Лежского района имеются указания на деятельность, по крайней мере, двух сект. Так, уже упоминавшийся крестьянин М-ов (д.Ципилево) «...в момент коллективизации ...организовал молитвенный дом секты скрытников у себя на квартире, где собирались темные личности, и как сам состоял в этой секте, М-ов пользовался приемом имущества от вступивших в секту и умерших, как правило...»²⁶.

Крестьянин М-ов Н. также был замечен в связях с «церковниками». До 1932 года он был председателем церковного совета, а в 1931-1932 гг. также и псаломщиком. Его сын, Иван М-ов, руководивший в Ярославле сектой евангелистов, «не раз приезжал в д.Раменье и Леждомский сельсовет и др. для проведения собраний сектантов». В 1934 г. Н. М-ов сам являлся руководителем секты евангелистов на территории Раменского сельсовета²⁷. В документах сельсовета имеются также и ссылки на наличие в сельсовете старообрядцев²⁸.

Таким образом, исследование только одной группы документов из фондов сельских советов, обязанной своим происхождением налоговым и заготовительным кампаниям, помимо характеристики самой системы налогов и повинностей крестьянства в 1930-е годы, дает представление и о других, самых разных сторонах жизни северной деревни.

Безусловно, наибольшую информационную ценность имеют протоколы заседаний президиумов сельских советов. Этот вид источников является неотъемлемой частью документации любого сельсовета и на всем протяжении его существования. Изучение разных направлений деятельности сельсоветов позволит значительно расширить наши знания о периоде становления колхозного строя, об особенностях крестьянского сознания, о противоречиях в отношениях между крестьянством и властью. Хороших результатов можно ожидать и от анализа протоколов общих собраний граждан деревень и колхозов. Помимо протоколов могут быть также использованы и другие виды источников, имеющиеся в фондах сельских советов - разного рода справки, текстовые и цифровые отчеты, сводки, разнообразные формы статистической отчетности, похозяйственные книги деревень.

Сам факт существования множества сельсоветов как самой мелкой единицы административно-территориального деления в 1930-е (и другие) годы делает разные виды источников в их фондах массовыми. И это обстоятельство, хотя и требует от исследователя

выработки определенной методики для обработки этих данных, но одновременно и значительно повышает достоверность и значимость его выводов. Все это, без сомнений, свидетельствует о ценности фондов сельских советов ГАВО для изучения истории северной деревни в 1930-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Скворцова Е.М. Похозяйственные книги сельсоветов 30-х годов как источник для изучения социально-экономической истории советской деревни: Дис. ... канд.ист. наук. М., 1986; Глумная М.Н. Похозяйственные книги сельсоветов как источник по истории единоличного крестьянского хозяйства второй половины 1930-х гг. //Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы к Всесоюзной научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С.329-332; Она же. Общие собрания граждан в северной деревне в 1930-е гг. //Государственное управление и местное самоуправление на Европейском Севере. Исторический опыт и современность. Тезисы докладов и сообщений к научно-практической конференции. Петрозаводск, 1996. С.40-42 и др.

² СУ РСФСР 1931. № 18. Ст.188; СУ РСФСР 1932. № 44. Ст.192.

³ СЗ СССР 1933. № 32. Ст. 188 б. В 1934 г. индивидуальное обложение хозяйств, не выполняющих планы посева и государственные обязательства по поставке сельскохозяйственной продукции государству, было заменено двукратным увеличением оклада сельхозналога, исчисленного на общих основаниях (СЗ СССР 1934. № 30. Ст. 231 б).

⁴ СУ РСФСР 1933. № 33. Ст.121.

⁵ РГАЭ. Ф.7733. Оп.12. Д.546. Л.8.

⁶ ГАВО. Ф.2488. Оп.2. Д.3. Л.35.

⁷ Там же. Оп.1. Д.6. Л.39-39 об.

⁸ Там же. Оп.2. Д.3. Л.74 об.

⁹ Там же. Оп.1. Д.6. Л. 42 об.

¹⁰ Там же. Оп.2. Д.3. Л.36.

¹¹ Очевидно, имеется ввиду распродажа описанного имущества недоимщиков.

¹² ГАВО. Ф.2488. Оп.1. Д.6. Л. 40 об.-41.

¹³ Там же. Оп.2. Д.3. Л.36.

¹⁴ Там же. Л.74.

¹⁵ Там же. Л.73.

¹⁶ Там же. Оп.1. Д.6. Л.34 об.

¹⁷ Там же. Д.12. Л.71-73.

¹⁸ Там же. Л.76 об., 80.

¹⁹ Там же. Д.6. Л.1-2.

²⁰ Там же. Л.11.

²¹ Там же. Ф.1726. Оп.1. Д.5. Л.11-11 об. Ф.2180. Оп.1. Д.3. Л.3-

5 и др.

²² Там же. Ф.2180. Оп.1. Д.3. Л.25 об.

²³ Ст.61 УК РСФСР гласила: «Отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение - *штраф*, налагаемый соответствующим органом власти в пределах до 5 - *кратного размера стоимости наложенного задания, повинности или работы*. Во второй раз - *лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года*. Те же действия, совершаемые кулацкими элементами хотя бы и в первый раз или же другими лицами при отягчающих обстоятельствах: сговор группы лиц или оказание активного сопротивления органам власти в проведении повинностей, заданий или работ, - *лишение свободы на срок до 2-х лет с конфискацией всего или части имущества со ссылкой или без таковой*». (Уголовный кодекс РСФСР. М., 1938).

²⁴ ГАВО. Ф.1715. Оп.1. Д.10. Л.1.

²⁵ Там же. Ф.2180. Оп.11. Д.34. Л.27.

²⁶ Там же. Ф.2488. Оп.1. Д.6. Л.44 об.

²⁷ Там же. Л.39 об. Оп.2. Д.3. Л.35.

²⁸ Там же. Л.36.

Статья подготовлена при
финансовой поддержке РГНФ.
Проект № 99-01-00356.

В.Л.Лукина,
заведующая архивным отделом
администрации Совета
самоуправления Сокольского
муниципального района

ОБЗОР ФОНДА КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ БЫВШИХ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ И КРАСНЫХ ПАРТИЗАН *

На заседании президиума Свердловского райисполкома 11 октября 1930 года было принято решение о создании комиссии по выдаче удостоверений красногвардейцам и партизанам на получение декретированных льгот. Позднее ее стали называть комиссией по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при Сокольском райисполкоме (протокол № 5 заседания комиссии от 23 августа 1932 г.). 9 октября 1935 года комиссия была ликвидирована.

К красногвардейцами относились лица, состоявшие в дружинах и отрядах Красной гвардии, созданных при фабриках, заводах и других производственных предприятиях, как после Феральской, так и после Октябрьской революций. Временем прекращения деятельности красногвардейских отрядов считается 23 февраля 1918 года, то есть день издания декрета СНК РСФСР о формировании Красной армии. Лица, служившие в частях старой армии в период между 7 ноября 1917 г. - 23 февраля 1918 г. красногвардейцами не считались.

Красными партизанами именовались лица, состоявшие в партизанских дружинах, отрядах и т.п., действовавших как совместно с частями Красной армии, так и в тылу противника самостоятельно. Обязательным условием было участие в боевых действиях на фронтах гражданской войны или при подавлении бандитизма. Лица, служившие в продовольственных отрядах красными партизанами к числу красногвардейцев не причислялись.

Основанием для отнесения к этим двум категориям служили представленные документы, а также свидетельские показания бывших руководителей партизанских отрядов, дружин Красной гвардии или сослуживцев. Бывшим красногвардейцам и красным партизанам выдавались специальные удостоверения, по которым предоставлялись льготы.

---

* Фонд находится в стадии научно-технической обработки. После проведения всего комплекса работ документальные материалы будут выдаваться исследователям.

Судя по документам, президиум Сокольского горсовета от 27 июня 1935 года предоставил льготы проживавшим в г.Соколе не только бывшим красным партизанам, красногвардейцам, политзаключенным, но и их семьям. Указанные категории граждан были освобождены от платы за пользование общими банями как коммунальными, так и находящимися в ведении предприятий; им предоставлялась скидка в размере 50 процентов за пользование жилплощадью, в первую очередь удовлетворялись запросы на жилплощадь; предоставлялась скидка в размере 50 процентов за пользование водой, электроэнергией, за канализацию и очистку, право бесплатного проезда в поездах и на моторных лодках рабочего пользования, курсирующих по маршруту Сокол-Свердлово, устанавливалась скидка в размере 50 процентов с цены билетов на все зрелищные предприятия (театры, кино, цирк) и предоставлялась право бесплатного посещения садов, пользования катком, горками, лыжными станциями и т.д. Дети бывших красных партизан, красногвардейцев, политзаключенных освобождались от платы за содержание в учреждениях дошкольного воспитания.

Кроме того, льготники имели внеочередное право приема во все городские лечебные заведения, внеочередной пошивки, починки обуви и одежды во всех государственных и кооперативных мастерских, получения и подвозки дров по льготным ценам, покупки товаров и продуктов во всех государственных и кооперативных магазинах, получения билетов на пристанях и железнодорожной станции, обслуживания в парикмахерских города, установки радиоточек и 50-процентную скидку за пользование радио.

На хранении в Сокольском районном архиве имеются списки Красной гвардии, организованной на Сухонском артиллерийском заводе в 1917 году в количестве 69 человек; списки лиц, прибывших на пополнение добровольческих маршевых рот при бюро военной помощи вологодских общественных организаций, которые были направлены для борьбы с Колчаком в 1919 году.

Сохранились личные дела бывших красных партизан и красногвардейцев. Одним из них был Николай Карлович Лайвинг, член ВКП(б), бывший помощник руководителя отряда Красной гвардии, организованного при Сухонском райсовете в ноябре 1917 года, возглавляемого в ту пору председателем Совета Константином Николаевичем Бедняковым. В отряде насчитывалось 150 человек.

В заявлении в исполнительный комитет Совета рабочих и красноармейских депутатов Свердловского района указано, что Н.К.Лайвинг служил в Красной гвардии со дня основания отряда. Он был, наряду с Дмитрием Ивановичем Смирновым одним из его

организаторов. Отряд фактически находился в распоряжении Вологодского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. С организацией Красной армии влился в нее и принимал участие в подавлении Ярославского контрреволюционного восстания.

Имеется заявление от бывшего начальника отряда Красной гвардии Сухонского района Дмитрия Ивановича Смирнова. В нем написано, что красногвардейцы участвовали в подавлении восстания в Череповце, в Вологде, когда вспыхнуло восстание уголовников в Вологодской тюрьме, организованное ее начальником. Часть восставших арестовали на месте. Другая часть была вооружена и распущена начальником тюрьмы, поэтому ее пришлось ликвидировать в разных местах губернии. После подавления этого восстания Красная гвардия Сухонского района была передана в распоряжение губисполкома.

В этом же отряде служил преподаватель Ленинградской военной школы летчиков Павел Александрович Леденцов, член ВКП(б) с 1918 года. Он писал, что после Октябрьской революции, ввиду угрозы опасности нападения с севера белогвардейцев, в ноябре-декабре 1917 года Сухонским партийным комитетом большевиков (К.Н. Бедняков, И.К. Ветешкин) был создан отряд Красной гвардии при станции Сухона. Отряд формировался из рабочих Сокола и Печаткино (Свердлово) и имел задание нести охрану имущества, вывозимого советским правительством из Архангельского порта, а также сопровождать это имущество в пути и быть одним из боевых авангардов в пролетарском районе. Отряд вначале возглавлял комиссар Бабиченко. Позже он был убит при поездке в Архангельск.

П.А. Леденцов был добровольцем, сначала - рядовым красногвардейцем, потом избран общим собранием отряда для работы в помощь комиссару и в качестве представителя от «красногвардейской массы». После убийства Бабиченко отряд возглавляла выбранная самими красногвардейцами коллегия (Караганов, Лайвинг и др.). П.А.Леденцов состоял членом отряда по день его расформирования в 1918 году.

Личное дело Степана Матвеевича Каленюка рассказывает о том, что он был командиром 2-го батальона, а затем 5-й роты 365 стрелкового полка, участвовал в боях с белыми на Юго-Западном фронте. По поручению парторганизации организовал отряд партизан из 250 человек и возглавил его. Отряд состоял из коммунистов и добровольцев с.Анатолевки и окрестных сел Одесского района, расположенных между Одессой и Николаевым. После взятия

Одессы отряд влился в 365 полк и С.М.Каленюк был назначен командиром 2-го батальона. Когда территория до румынской границы была очищена от белых, он был переброшен на Польский фронт, а с Польского - вместе с 41 стрелковой дивизией - в Киевскую губернию. В 1922 году демобилизовался.

Интересны документы Авенира Александровича Фатичева. В его заявлении, направленном в Свердловско-Сухонский исполнительный комитет, написано: «Прошу выдать красногвардейский билет, т.к. в 1917 году, с первых дней поступив в Красную гвардию, вел жестокую борьбу со всеми паразитами, кто шел против рабочей крестьянской власти, ездил на восстания для поражения* в город Черповец и Ярославль, и из с Красной гвардии перешел в советскую милицию [в] 1918 году. Добровольцем уехал в отряд в город Казань, из отряда перешел в Красную армию на Восточный фронт против Колчака; находился в рядах Красной армии до самой ликвидации фронта Колчака. В 1920 году был на Южном фронте против Врангеля, занимал должности политрука до самой ликвидации фронта в 1921 г.; вернулся на Свердловский завод, снова поступил в милицию».

В деле имеется удостоверение от 7 сентября 1919 года следующего содержания: «Предъявитель сего сотрудник Опродкомарм-5 тов. Фатичев Авенир состоит, согласно ь 4 постановления Совета рабоче-крестьянской обороны от 29 декабря 1918 года, на действительной военной службе. Согласно приказа Реввоенсовета Республики за № 6 от сентября 1918 года товарищ Фатичев без ведома Опродкомарма 5 не может быть подвергнут задержанию и аресту по каким бы то ни было причинам. Действительно по 17 ноября 1919 года».

В январе 1920 года уполномоченный особой продовольственной комиссии 5-й армии Г.Губанов дал предписание агенту Фатичеву: «С получением сего предписываю Вам отправиться в Полтавскую волость для работы по выполнению наряда от 23 января с/г. Тов.Фатичеву предоставляется право требовать от всех учреждений необходимые сведения, пользоваться всеми транспортными видами сообщения, телеграфными проводами, не исключая железнодорожных. Тов.Фатичев имеет право на 40 % обывательских подвод. Всякие противодействия, активные или пассивные, будут рассматриваться как противодействие Кр[асной] армии в условиях военного времени и будут преследоваться по всем строгостям революционных законов».

---

* Так в документе

В личных делах хранятся заявление Г.М.Шаршавина о выдаче ему удостоверения красногвардейца (см. документ № 1)*, сведения Я.В.Пушкина о прохождении им военной службы (см. документ № 2)* и другие источники. Всего в фонде отложилось 46 личных дел, которые вносят дополнительные штрихи в советскую историю 20-х годов.

№ 1

ЗАЯВЛЕНИЕ Г.М.ШАРШАВИНА В КОМИССИЮ ПО ДЕЛАМ БЫВШИХ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ И КРАСНЫХ ПАРТИЗАН О ПРИЗНАНИИ ЕГО БЫВШИМ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕМ

22 апреля 1935 г.**

В комиссию красногвардейцев и партизан [от] Шаршавина Г.М.
Заявление

Настоящим заявлением прошу принять и зачислить в ряды знатных людей и выдать документ красногвардейца как активному участнику, с оружием в руках работавшему в 1917 и 1918 гг. по укреплению завоеваний Великой Октябрьской революции. Факты участия в борьбе с контрреволюцией и [по] укреплению Советской власти и Коммунистической партии следующие:

С 1-го марта 1917 г., как только на общем собрании рабочих Свердловского артиллерийского и целлюлозного завода (б.Печаткино) выбрали меня в члены районного Совета, я сразу же примкнул к группе большевиков, и 5-го мая 1917 г. мы оформили ячейку большевиков. Вот тут и развернулась наша работа по организации Советов и Красной гвардии при Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Сухонского района.

Отряд Красной гвардии на Печаткине, в котором я был участником, состоял в количестве около 50-60 человек, преимущественно из рабочих указанных заводов. Я работал токарем артиллерийского завода инструментального цеха. В первую очередь мы разоружили местную полицейскую стражу, как на своих заводах, а также на ф[абри]ке «Сокол», на лесопильных заводах (быв. Малютина, Ораниенбаумский) и в ближайших волостях - урядников, стражников и околоточных.

---

* Содержание документов публикуется без изменений в соответствии с текстом документов

** Дата резолюции.

3-4 марта 1917 г. Красная гвардия продемонстрировала с оружием в руках вместе с общей массой рабочих завода Печаткино и фабрики «Сокол» в Вологду, где провели ряд собраний с политкаторжанами и связались с рабочими ж[елезно]д[орожной] мастерской, с которыми и работали совместно. Целый ряд важных эпизодов победы Красной гвардии имел место в Вологодской губернии и даже за пределами губернии.

Например, мы принимали участие в охране спиртохранилища в Вологде от банд, которые хотели его разграбить и создать пьяную контрреволюцию.

Мы принимали горячее участие в сопровождении хлебного состава финских рабочих, который был задержан на ст. Вологда I-я и в Череповце. У нас при перестрелке с контрреволюцией был ранен в ногу красногвардеец тов. Алексеев. Мне лично было поручено губкомом и губисполкомом получить разрешение в революционном комитете в Ленинграде * на оружие для Красной гвардии г. Вологды и Сухонского р[айо]на, что мною и было выполнено в ноябре м[еся]це 1917 г. Я получил разрешение-ордер на Тульский оружейный завод, туда съездил с большим трудом. Там я получил и привез 350 винтовок образца 1891 г. со всеми приборами, которые были распределены: 300 шт[ук] для Вологодской и 50 шт[ук] для Сухонской Красной гвардии.

Я был непосредственным участником разоружения временно-го батальона [в количестве] 400 человек в Первушинских казармах, вместе с тов. Александровым Петром Никитичем и друг[ими]. По директиве партии и губисполкома в голодное время нашим отрядом было собрано и доставлено в Вологду 28 тысяч пудов хлеба из Тотемского уезда, где погибли от руки врага самых лучших 15 продотрядовцев, в том числе из них 5 сокольцев с фабрики - рабочих. Похоронены они в Спасском с[ель]совете в Кокшеньге Тотемского уезда.

Правильность моего активного участия в работе Красной гвардии подтверждают товарищи рабочие Свердловского целлюлозного завода, кроме того, отмечено в печати «Революция на Севере» и друг[их] изданиях.

Подпись: Шаршавин, член партии с 1917 г.

Резолюция: *Выдать билет красногвардейца. Пред[седатель] ком[иссии]* Подпись **

22/IV-35 г.

---

* В документе ошибка. В 1917 году - Петроград.

** Подпись неразборчива.

№ 2

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ Я.В.ПУШКИНА
О ПРОХОЖДЕНИИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ
В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

16 августа 1935 г.

В августе месяце 1919 года я добровольно вступил в коммунистический партизанский отряд, сформированный Вологодским губкомом партии для ликвидации белогвардейских банд Шкуро и Мамонтова, который в этот момент оперировал частью на Украине, частью - в ЦЧО *.

Из гор. Вологды, через несколько дней по формированию с добровольцами губернских организаций, мы, в количестве около 200 человек, были отправлены в гор.Москву в ЦК партии, откуда были отправлены для окончательной [организации] отряда в гор.-Рязань. В Рязани мы простояли не более 1/2 месяца и по оформлении отряда тут же были размещены на бронепоезд, кажется имени тов. Чуркина, который рейсировал Рязань - Усмань - Козлов. Неприятель в это время уже приближался к гор.Воронеж. Узнавши об этом, весь отряд в целом стал настаивать перед командованием о немедленной отправке нас в гор.Воронеж на защиту города.

По прибытии в город отряд был влит в несколько полков, расположенных в это время частью на подступах к гор.Воронеж, частью - находящихся на фронте. Я лично был назначен в 139-й п[ехотный] полк, который по неточным данным штаба 8-й армии стоял на позиции около ст.Давыдовка, но сразу мне в часть попасть не удалось, так как в ту же ночь казачий разъезд сделал налет на окраину города, где были расквартированы пехотные и артиллерийские части нескольких дивизий (12-й, 13-й) штаба 8-й армии, которые, растерявшись от неожиданного налета, стали в безоглядке отступать по направлению через реку Ворону, и только благодаря спокойствию нашего отряда отступавшие части были остановлены на мосту через вышеуказанную реку и в город были вновь стянуты и приведены в боевой порядок находившиеся войска.

На другой день утром неприятель стянул свои войска и артиллерию и стал бомбардировать город. Я в данный момент участвовал совместно с артиллеристами за городом при батарее из

---

* ЦЧО - Центральная черноземная область.

3-х 6-ти дюймовых и 1-й 3-х дюймовки. Бой продолжался почти до ночи и по распоряжению командования был к ночи оставлен нами. После этого я в ночное время направился по направлению к ст. Давыдовка, местечко Урывы, где находился 139-й п[ехотный] полк. По прибытии я был назначен вместе с полком сменять на передовой линии 140-й или 141-й п[ехотный] полк.

В этот момент со стороны противника все время шла артиллерийская подготовка, на что наша артиллерия отвечала слабо за неимением орудий и снарядов. После непродолжительного боя, в котором я принимал участие как рядовой боец, по распоряжению командования мы отступили по направлению к Белой роще через реку Дон, держа курс на гор. Бобров - противник все время делал на нас отдельные набеги и, когда мы вышли на шоссе по направлению к городу, противник стал обстреливать картечью. Наш полк в этот момент шел самым последним, и все удары противника пришлось выдерживать в большинстве ему.

По прибытии в Бобров мы заняли позицию недалеко от города, в Малых и Больших Чиглах. В этот момент я при переходе простудился и заболел воспалением легких и был уволен сроком на один месяц.

По выздоровлении я вновь прибыл в гор. Воронеж и был направлен штабом 8-й армии в свой полк, который в этот момент, после нанесения главного удара противнику нашей конницей, быстро откатывался к югу, находился за станцией Миллерово.

В этот момент, как известно, на фронте свирепствовал тиф, которым я заболел в бронепоезде, шедшем по направлению в Миллерово, и был на вышеуказанной станции снят 1 января 1920 года с поезда и положен в госпиталь (бывший винокуренный завод), а потом переведен в помещение школы, где я перенес два тифа - сыпняк и возвратный, а затем эвакуирован в гор. Воронеж в госпиталь, откуда по выздоровлении 16 апреля 1920 г. был уволен как неспособный более носить оружие, к месту своего жительства.

Военно-врачебной комиссией при Вологодском губвоенкоме в 1921 г. я был признан как неспособный более к военной службе, а также и к труду, так [как] после тифа у меня на почве истощения и простуды образовался костоед, и только лишь в 1923 г. после упорного лечения я кое-как выправил свое пошатнувшееся здоровье.

16 августа 1935 г.

Подпись: Я. Пушкин

Л.В. Изюмова,
старший преподаватель кафедры
отечественной истории
Вологодского государственного
педагогического университета

ЭТАПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЙМОВ СРЕДИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ 1930-х-1950-х гг. ПО ДОКУМЕНТАМ ГАВО

Внутренние займы, как форма государственного кредита, представляют собой привлечение денежных или натуральных средств населения с обязательством возврата этих средств по истечении определенного срока. Цель выпуска облигаций госзаймов - увеличение финансовых ресурсов государства. В Советском Союзе займы являлись одним из важнейших источников покрытия государственных затрат во время проведения форсированной индустриализации, в период Великой Отечественной войны и в последующие годы.

Советское правительство приступило к размещению внутренних займов в 1922 году. Для первых государственных займов характерны следующие особенности: во-первых, они выходили не только в денежной, но и в натуральной форме; во-вторых, каждый выпуск ориентировался на определенные социальные слои населения; в-третьих, в операциях с облигациями активно задействовались фондовые биржи; в-четвертых, займы выпускались на относительно небольшие суммы и сроки.

С началом индустриализации, требующей мобилизации огромного количества денежных и материальных средств, наступил новый этап в развитии системы государственного кредита. С выходом в августе 1927 года первого займа индустриализации, преобладающей формой размещения становится коллективная подписка среди рабочих, крестьян и интеллигенции. Начиная с 1927 года по 1957 год массовые займы выпускались ежегодно. Денежные средства населения, полученные по подписке, становились постоянным плановым поступлением в государственный бюджет.

В отечественной историографии вопрос о системе советских государственных займов практически не был предметом специального изучения. Имеется ряд работ обобщающего характера, посвященных становлению и развитию финансовой системы СССР в

целом ¹. В этих исследованиях прокомментирована общая статистика проблемы, отмечена роль займов в пополнении государственного бюджета и в социально-экономическом развитии страны. Из немногочисленных специальных работ можно отметить статью В.А.Цыбульского ², в которой показана история советских займов 1920-х-1930-х годов. Авторы всех указанных работ особо подчеркивали принцип добровольности при размещении подписки среди населения.

В последние годы наметились новые подходы к изучению системы государственных займов. Н.П. Палецких, анализируя налоговые платежи населения в период Великой Отечественной войны, отнесла к налоговым сборам и размещение займов ³. По мнению автора, госзаймы проводились с использованием методов принуждения и по ряду позиций приобретали смысл безвозмездного изъятия денежных средств у населения ⁴. Тенденцию усиления принудительного распространения подписки среди жителей города и деревни на примере двух первых послевоенных займов отметил В.Ф. Зима ⁵. Практику размещения государственных займов, противодействие колхозников мобилизации средств по подписке во второй половине 1940-х-1950-е годы рассмотрела в своей кандидатской диссертации Т.М. Димони ⁶.

Таким образом, существующая по проблеме литература обращает внимание на необходимость изучения государственных займов как особой системы отношений государства и займодержателей. В условиях советской действительности госзаймы приобрели характер налоговых платежей, не соблюдался принцип добровольности при размещении подписки. Интерес представляет изучение форм и методов распространения займов среди различных слоев населения. Исследование данной проблемы предполагает использование в качестве важнейшего источника документов органов, непосредственно занимавшихся реализацией государственных займов. Нами предпринята попытка изучения займов сельского населения за период с 1937 по 1957 годы на материалах Управления гострудсберкасс и госкредита Вологодской области (ф. 3018 Государственного архива Вологодской области).

В фонде отложились разнообразные документы: приказы, распоряжения, директивы, циркуляры вышестоящих финансовых органов и управлений гострудсберкасс и госкредита; приказы по Управлению гострудсберкасс и госкредита (далее Управление ГТСК и ГК) Вологодской области; доклады областного управления в вышестоящие инстанции; материалы по подготовке и проведению

займов (в том числе агитационные и рекламные); планы размещения и статистические данные о реализации займов по области; годовые отчеты Управления ГТСК и ГК.

Документы фонда позволяют выделить основные этапы проведения государственных займов среди сельского населения. Кампания проходила в три этапа, в ней были задействованы не только финансовые работники, но и советский, партийный аппараты.

Первый этап - подготовительный, начинался задолго до официального объявления о выпуске предстоящего займа и проводился в обстановке строгой секретности. Вначале подводились итоги предыдущего займа, появлялся целый ряд нормативных документов, составлялись предварительные планы размещения подписки (для этого уточнялись средняя заработная плата рабочих и служащих, средняя доходность крестьянского двора). Далее центром назначалась плановая сумма подписки (в том числе отдельно по городскому и сельскому населению). Местные власти разверстывали установленную подписку по городам и районам. Составлялись планы (республиканские, краевые, областные, районные) организационно-массовых мероприятий по подготовке и размещению займа.

Проходила работа по укреплению аппарата, непосредственно осуществляющего подписную кампанию: на заседаниях райисполкомов утверждался персональный состав уполномоченных по займу, создавались комиссии содействия государственному кредиту (комсоды) на предприятиях, в учреждениях и колхозах. Проводился инструктаж советских, партийных, финансовых работников, председателей колхозов по организации подписки. Население готовили к выпуску предстоящего займа, используя все средства агитации: по радио и в газетах широко освещались вопросы госкредита, отмечались роль и значение займов, для наглядности выпускались рекламные плакаты и листовки. В целях успешного размещения займа среди сельского населения вышестоящими органами предписывалось, чтобы в каждом районе был подобран и подготовлен один колхоз, члены которого в первый день проведения подписки должны были полностью ее оплатить и принять соответствующее обращение ко всем колхозникам ⁷.

Второй этап - практический, начинался с официального объявления подписки на новый заем. В первый день размещения займа проводились агитационные митинги и собрания на предприятиях, в учреждениях и колхозах. Особое внимание уделялось проведению кампании на селе, так как, во-первых, требовалось, чтобы все взрослое население деревни было охвачено подпиской; во-вторых,

одновременно с размещением займа предполагалось начать сбор наличных денег (от 50 и более процентов к подписной сумме); в третьих, значительная часть денежных средств (от 50 до 90 %), собранных по сельской подписке, передавалась в местные бюджеты.

О роли данного источника поступлений красноречиво свидетельствует, например, докладная записка финансовых органов в Вологодский обком ВКП(б) от 1 октября 1952 года: «Медленный сбор средств по подписке крестьян на заем сорвал выполнение бюджетного плана области., затормозил своевременное и в полной мере финансирование социально-культурных мероприятий, а также выдачу заработной платы работникам бюджетных учреждений»⁸. Для оказания практической помощи по размещению подписки на места посылались советские, партийные и финансовые работники. Между колхозами, сельсоветами, районами проводилось соревнование за наивысшую сумму подписки, за выполнение плана по займу. Ход подписной кампании широко освещался в средствах массовой информации.

В соответствии с инструкциями Наркомфина (Минфина) СССР о порядке размещения государственных займов, подписка должна была проводиться «при строгом соблюдении принципа добровольности, методами массово-разъяснительной работы...»⁹. Правлениям колхозов категорически запрещалось «оплачивать подписку колхозников из средств колхозов, а также удерживать взносы из сумм, причитающихся колхозникам по трудодням...»¹⁰. Однако на практике эти предписания зачастую нарушались.

Начиная с конца 1940-х годов, подписка среди сельчан проходила с большими трудностями. Областные власти неоднократно обращались в Совет Министров и в Министерство финансов о необходимости снижения планов размещения госзаймов среди крестьян, мотивируя свои просьбы тем, что численность сельских жителей значительно сокращалась. Так, за период с 1949 по 1951 годы число хозяйств в Вологодской области уменьшилось на 16158¹¹, а назначенные центром суммы реализации займов не только не снижались, а наоборот, возрастали. Приведем следующие данные: план размещения Государственного займа развития народного хозяйства (выпуск 1952 г.) увеличился по группе крестьян в сравнении с планом предыдущего выпуска на 4710 тыс. рублей, средняя подписка на одно хозяйство, соответственно, возросла со 162 до 197 рублей¹² (по мнению областных финансовых органов, средняя сумма подписки на хозяйство «с учетом реальных возможностей в размещении займа» должна была составлять в 1951 году 92 рубля)¹³.

С начала 1950-х годов можно отметить активизацию работы правлений колхозов, сельсоветов, райисполкомов по поиску денежных средств колхозников для расчетов по займу в период подписной кампании: проводилась организация торговли сельскохозяйственными продуктами, осуществлялись расчеты по трудодням, использовались средства по самообложению для оплаты подписки и т.п.

Третий, заключительный этап наступал после официального прекращения подписки. Требовалось сохранить достигнутый уровень в размещении займа и собрать все деньги по подписке сельского населения (у рабочих и служащих подписные суммы удерживались из заработной платы бухгалтерией предприятия или учреждения). Особая роль в завершении кампании отводилась уполномоченным сельсоветов по займу. Именно они должны были проводить индивидуальную работу с крестьянами по оплате подписки. Деятельность уполномоченных находилась под контролем финансовых агентов, председателей сельсоветов, представителей партийных организаций. Требовалось, чтобы уполномоченные полностью оплатили личную подписку и тем самым служили примером для всего сельского населения, поэтому факты невыполнения ими обязательств по займу обсуждались на заседаниях райисполкомов (это же применялось и в отношении сельского актива: председателей колхозов, председателей сельсоветов и др.). Опыт лучших уполномоченных по займу широко пропагандировался. В целях успешного сбора средств по подписке использовались следующие приемы: проводились общественные смотры работы комиссий содействия госкредиту; устанавливались планы для каждого уполномоченного, финансового агента, сельсовета; силами областного финансового аппарата проводились проверки «отстающих» районов и т.п.

Богатейший материал для исследования системы государственных займов содержится в статистических документах фонда Управления гострудсберкасс и госкредита, но это является предметом отдельного рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1955; Финансы СССР за XXX лет. 1917-1947. М., 1947 и др.

² Цыбульский В.А. Из истории государственных займов (1927-1937 гг.) // Исторические записки. Т.Ш. М., 1984. С.324-343.

³ Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.

III. Документальные источники новейшего времени

---

⁴ Там же. С.59-60.

⁵ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

⁶ Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945-1960 гг. (На материалах Европейского Севера России); Автореф. Дис. ... канд. ист. наук /ВГПУ - Вологда, 1996.

⁷ ГАВО. Ф.3018. Оп.14. Д.10. Л.27 об.

⁸ Там же. Л.212. 212 об.

⁹ Там же Оп.16. Д.9. Л.92.

¹⁰ Там же. Оп.9. Д.64. Л.56.

¹¹ Там же. Оп.14. Д.6. Л.8.

¹² Там же. Л.1. Оп.15. Д.15. Л.147; Д.16. Л.107.

¹³ Там же. Оп.12. Д.108. Л.16.

Работа выполнена при
финансовой поддержке РГНФ.
Проект № 99-01-00356.

Л.Н. Обмолоткова,
специалист архивного отдела
администрации Вытегорского
района

ОБЗОР ФОНДА ВЫТЕГОРСКОГО РАЙОНА ГИДРОСООРУЖЕНИЙ

На территории Вытегорского района находится крупнейшее сооружение мира - Волго-Балтийский водный путь. Он начал строиться еще в 1930-е годы. Документация, образовавшаяся за период строительства и по 1990-е годы, отложилась в Вытегорском районном архиве в фонде Вытегорского района гидросооружений. В нем около 1,5 тысячи дел постоянного срока хранения.

Документы Вытегорского района гидросооружений рассказывают об истории и деятельности этой организации. Начавшееся строительство водного пути было прервано Великой Отечественной войной. Возобновить строительные работы удалось только в 1948 году. Водный путь строился силами заключенных. В Вытегорском районе была создана целая сеть лагерей. Одним из самых крупных был лагерь в Первом районе г. Вытегры. Во время строительства там находилось десять тысяч человек.

В 1948-1950 годы в Вытегорском районе было построено несколько поселков для вольнонаемного состава: Балт-техфлота, Новинки, Заречный в Вытегре.

В 1951-1952 годы Ленинградский филиал института «Гидропроект» под руководством Г.А. Радченко разработал вариант проекта Волго-Балта, в котором предполагалось возвести шесть гидроузлов с девятью шлюзами. Для проведения исследований в 1952 году в Вытегорский район прибыли экспедиции. В их составе находились геологи, гидрологи, буровики, машинисты, электросварщики и другие специалисты.

Управление «Волгобалтстрой» размещалось в одном из лучших зданий города - бывшем доме купца Лопарева. В Заречной части города вырос поселок строителей Волго-Балта.

В 1953 году, после смерти Сталина, в стране была объявлена амнистия, большая часть заключенных освободилась и разъехалась. Строительство Волго-Балта законсервировали.

Но в 1956 году был утвержден новый проект Волго-Балта. Его автор - инженер Г.А. Крылов. Вместо намеченных ранее девяти шлюзов решено строить семь. Были определены очень сжатые сроки строительства. Первую навигацию предполагалось открыть в 1965 году.

Требовалась рабочая сила. При управлении «Волгобалтстроя» создается отдел оргнабора рабочих из других областей и демобилизованных из армии. По комсомольским путевкам ехали на строительство Волго-Балта девушки и юноши разных национальностей. В сооружении канала участвовали студенческие стройотряды Вологодского пединститута, железнодорожного техникума, Московского университета.

Строительство велось быстрыми темпами. 17 мая 1961 года состоялся пробный пропуск судов через Вытегорский гидроузел. Распахнулись верхние ворота и самоходка «Кошуй» вышла на водный простор. Десять деревянных шлюзов старой Мариинской системы перестали работать.

Весной 1963 года вступил в эксплуатацию Череповецкий гидроузел, а в июне 1964 года - Новинковский и Пахомовский гидроузлы.

В январе 1964 года в Ленинграде создается управление Вологодского канала, которое должно было обеспечить судоходство по рекам Неве, Свири, Волхову, Ладожскому и Онежскому озерам, Череповецкому водохранилищу и по всем шлюзам и каналам нового водного пути. Правительственная комиссия приняла Волго-Балтийский водный путь в постоянную эксплуатацию в октябре 1964 года.

Волго-Балт оказался очень нужным водным путем, по нему пошли мощные потоки самых разнообразных грузов, стали осуществляться пассажирские перевозки. Только в первую навигацию по каналу проследовало более 3600 судов, в том числе иностранные пассажирские суда.

Эта важнейшая глубоководная магистраль соединила в единую систему водные пути Европейской части нашей страны, осуществив бесперевалочные перевозки грузов морскими и речными судами в районы северных и южных морей страны. Уже к 25-летию своего существования, обеспечив надежную и бесперебойную работу всех гидросооружений и безопасный водный путь, Волго-Балт на 45 процентов превысил свою проектную пропускную способность.

В 30-летний юбилей Волго-Балта, в июне 1994 года, состоялась встреча ветеранов строительства. Они вспоминали о совмест-

ных делах и с гордостью говорили: «Красавцы-шлюзы Волго-Балта работают надежно и бесперебойно уже тридцать лет. Значит, мы трудились не напрасно».

Архивный фонд Вытегорского района гидросооружений по своему составу очень богатый. В нем отложились насыщенные разнообразной информацией документы: по отводу земель из гослесфонда Волго-Балтийского леспромхоза району гидросооружений; чертежи, схемы и графики по наблюдениям и исследованиям на гидросооружениях; анализы работы гидротехнических сооружений северного склона шлюзов; учет стока воды по шлюзам ВРГС; Положения о гидроузлах; материалы по снижению расходов на все виды топлива, масел и электроэнергии, технические отчеты района по эксплуатации и содержанию гидротехнических сооружений; анализы работы шлюзов, планы шлюзования; вахтенные журналы и другие.

Вытегорский район гидросооружений продолжает свою деятельность, и документы фонда постоянно используются специалистами в практических целях - для проведения анализов и определения технического состояния сооружений, разрешения вопросов по землепользованию, разработке технических решений и других целей.

Н.В. Гилева,
аспирантка кафедры
отечественной истории
Вологодского государственного
педагогического университета

ДОКУМЕНТЫ ГАВО КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОЛОГОДСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 60-80-е ГОДЫ XX ВЕКА

В настоящее время изучение демографических процессов в российском селе во второй половине столетия представляется научно актуальной и практически значимой задачей. На общем фоне нестабильной политической, экономической и демографической ситуации село Нечерноземья находится, пожалуй, в катастрофическом положении. Демографические исследования свидетельствуют о резком сокращении численности, о снижении уровня естественного прироста, об увеличении смертности сельского населения во всех областях Нечерноземного района Российской Федерации. Раскрытие причин данных проблем невозможно без регионального анализа и изучения исторического опыта отдельных областей. В статье сделана попытка анализа материалов ГАВО, которые позволяют судить о демографических процессах, происходивших в вологодской деревне в 1960-1980-е годы.

ГАВО располагает в достаточно полном объеме переписями населения 1959 и 1970-х годов по Вологодской области, куда входят и данные по сельскому населению (Ф.1703). В архиве имеются отдельные материалы переписей 1979 и 1989 годов, но основная их часть была опубликована в сборниках Вологодского областного статистического управления. Материалы статуправления не были разработаны в достаточной степени. Они содержат лишь общие данные о численности населения, часто без указания отдельных возрастных и социальных групп по районам области, что представляется наиболее важным при изучении демографических изменений в деревне. В целом переписи являются основным источником сведений обо всем населении страны, области, района.

В указаниях по проведению переписи, как правило, обращается внимание на составление списков домовладений в городских поселениях, сельских населенных мест, на подбор и обучение кадров для проведения переписи. Программа переписи населения

1959 года содержала 15 признаков, в том числе: отношение к главе семьи, место постоянного жительства, пол, возраст, брачное состояние, национальность и др. ¹. По организации и методике перепись 1959 года была близка к переписи 1939 года. Известно, что данные переписи 1939 года фальсифицированы. В связи с этим возникают аналогичные сомнения в достоверности данных за 1959 год ². Однако при проведении переписи 1959 года значительно изменилась социально-политическая ситуация в стране. Советское правительство и ЦК КПСС ослабили контроль над деятельностью статистических органов и не диктовали определенные показатели «сверху». К тому же перед переписью населения 1959 года стояли иные задачи, чем в 1939 году (например, установление размера потерь населения в Великую Отечественную войну). Перепись населения 1970 года включала в себя лишь 11 признаков. Впервые большая часть материалов разрабатывалась по постоянному населению. С 1970 года в статистических материалах стали находить отражение вопросы миграции населения, в том числе и сельского, ранее не рассматривавшиеся в демографической статистике.

Перепись населения 1979 года содержала обновленную форму переписного листа. Был включен новый вопрос о числе рожденных детей, снят вопрос о причине перемены места жительства. Эти изменения позволили нарисовать более объективную картину развития сети здравоохранительных учреждений на селе, т.к. показатели детской смертности являются своего рода «барометром» для определения состояния общества.

Перепись 1989 года включала новые данные о причинах смертности, направленности миграционных волн как внутри области, так и за ее пределы, в том числе в зарубежные страны. Необходимо отметить и то, что данные переписей населения позволяют выяснить демографические изменения, происходившие в различных категориях сельского населения.

Другим важным источником, с помощью которого можно проследить демографические процессы в области, являются сведения отдела переселения и оргнабора Вологодского облисполкома (Ф.637). Материалы содержат данные по переселению населения в сельскую местность и города. Особенно в 1950-е годы был замечен массовый отток колхозников в города по трудовому договору на определенный срок, но многие из крестьян со временем там и закрепились. Документы свидетельствуют и о том, что в сельскую местность приезжали и сезонные рабочие, но вскоре покидали деревню.

В 1960-80-е годы для органов власти особенно важно дать информацию об отсутствии стихийной миграции³. Совершенно очевидно, что миграционные «волны» усиливались с каждым годом и имели направленность село - город внутри Вологодской области. И переписи населения, и данные переселенческого отдела фиксировали значительное уменьшение численности и изменение половозрастного состава сельского населения Вологодчины.

Изменение демографической ситуации на селе можно выявить при анализе бюджетных обследований крестьянских семей (Ф. 1703). Материалы бюджетных обследований с большой полнотой раскрывают все стороны жизни и деятельности семьи. Материалы дают сведения о составе, занятиях и доходах членов семьи. Данный источник обладает достаточно высокой репрезентативностью (обследовалось 500 и более крестьянских семей). Материалы позволяют проследить ситуацию на примере одних и тех же семей, причем за ряд лет.

Определенную ценность представляют годовые отчеты колхозов (Ф.1703), которые охватывают практически все крестьянское население. Они содержат сведения о масштабах и каналах миграции из деревни, данные о половозрастном составе крестьянства. Источник в большей степени фиксирует динамику всех сторон крестьянской жизни.

Данные этих четырех корпусов источников помогают проследить демографические процессы, которые проходили в вологодской деревне в 1960-80-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Народнонаселение. М., 1995. С. 415.

² Тезисы докладов и сообщений VII всесоюзной конференции по исторической демографии. М., 1991. С. 17.

³ О.М.Вербицкая. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., Наука, 1992. С. 85.

Ю.И. Попов,
журналист.

МИХАИЛ РУДНИЦКИЙ - КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬ,
АДМИРАЛ, ЧЕЛОВЕК

Цель моих исследований - история человека, добившегося значительных высот в жизни. Михаил Алексеевич Рудницкий родился в Вытегре 1897 году. Главный конструктор серии подводных лодок в период Второй мировой войны и в послевоенные годы, он оставил заметный след в отечественной науке. Имел звание контр-адмирала, занимал высокие посты в военной администрации. Общался, по долгу службы, с высшими государственными деятелями, включая Ворошилова, Молотова, Сталина, Хрущева.

Кроме того, отнюдь не только академический интерес представляет и судьба самого конструктора, познавшего обстановку коммунистического режима, за парадной стороной которого скрывались ГУЛаг, тюрьмы, а для ряда ученых - так называемые «шарашки», т.е. закрытые научно-исследовательские учреждения с тюремным режимом для ученых.

О личности Рудницкого известно мало. Имеется лишь ряд фрагментарных материалов в разного рода изданиях, посвященных истории отечественного подводного кораблестроения, в том числе и мемуарных (источниковедческая ценность последних часто сомнительна или, как минимум, проблематична). Тем не менее, выявленные материалы позволили подготовить обширную публикацию о жизни и деятельности адмирала¹.

Поиск вывел на родственников Михаила Рудницкого, им разосланы письма. Таким образом, речь, возможно, будет идти не только об одном Рудницком, но и обо всей его семье. Хотелось бы познакомиться и с его коллегами-конструкторами. Предстоит значительная работа с материалами ЦГА ВМФ, ЦГАСА, ЦГАМО. Наиболее сложным представляется послевоенный период в жизни адмирала. В 1945-1961 годах, до выхода на пенсию, М.А.Рудницкий был членом научно-технического комитета Генерального штаба Вооруженных Сил. Есть все основания предполагать, что он участвовал в проектировании, строительстве и первичной эксплуатации советских атомных подводных лодок. Кроме того, по косвенным сведениям, помимо чисто «лодочной» тематики, он был

причастен и к подводному ракетостроению, что, по известным причинам, весьма затрудняет поиск и публикацию материалов.

Нельзя не учитывать и другие научные аспекты деятельности Рудницкого. С 1961 по 1976 год он активно занимался вопросами добычи полезных ископаемых, что приводит автора к использованию архивов РАН.

Уже после кончины М.А.Рудницкого (1976 год) в его честь было названо одно из спасательных судов Черноморского флота. Корабль построен в Выборге и вошел в состав ВМФ 7 января 1979 года. В августе - сентябре 1998 года судно переведено с Черноморского флота на Северный. Таким образом, история жизни заслуженного человека, ученого получает продолжение и обретает новую грань.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русский Север. 1997, 12 декабря.

**IV. Источники по
истории культуры
Вологодского края**

Г.В. Судаков,
доктор филологических наук,
профессор Вологодского
государственного педагогического
университета

ПУШКИН КАК ИСТОРИК

В творческом наследии Пушкина исторические сочинения занимают важное место. Проблемам истории посвящен ряд художественных произведений гения. В свою очередь и пушкинская концепция истории неоднократно освещалась исследователями. Здесь мы хотели бы рассмотреть деятельность Пушкина как историка, соотнося эту деятельность с исторической наукой пушкинской эпохи.

Что собою представляла историческая наука в первой четверти XIX века? Прежде всего была написана «История государства Российского» Н.М. Карамзина - «подвиг честного человека», по определению А.С. Пушкина. Честность исследователя, добросовестное отношение к фактам - вот заветы, твердо усвоенные поэтом у своего учителя.

Учителями русских историков в то время были и античные авторы. Их трудами Пушкин увлекался еще в Лицее.

Он прекрасно знал французскую научную литературу, пережил в юности глубокое увлечение философией французских просветителей, но после 1826 г. отошел от либеральной идеологии просветителей. Либеральный стандарт, в соответствии с которым в центре жизни - человек и его права, не учитывал, что человек обретает свою человеческую природу не в момент рождения, а постепенно, в процессе духовного развития личности. Либеральная идея противостояла православной основе русской жизни, по которой земное существование есть подвиг во имя любви к Богу и к человеку. В 1834 г. в статье «О ничтожестве литературы русской» Пушкин напишет, что французская философия «была направлена против господствующей религии; влияние Вольтера было невероятно, все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих заветов обругана»(VI, 210 - произведения А.С. Пушкина цитируются по изданию: А.С. Пушкин. Полное собрание

сочинений в десяти томах. - Л.: «Наука», 1977-1979). Ср. еще пушкинскую оценку Вольтера: «циник поседелый, умов и моды вождь пронирливый и смелый» (К вельможе, 1830 г.).

Пушкин усердно читал немецких и английских авторов. Будучи в Кишиневе, специально изучал греческую историю, сербскую старину, английскую политэкономю.

В Михайловском (1824-1826 гг.) поэт исследует эпоху Смуты, пишет трагедию «Борис Годунов», которой предпослано примечательное посвящение: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновленный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин» (IV, 185). Позже кропотливо собирает материалы по истории пугачевского восстания. Увлечшись петровскими реформами, перечитал все доступные источники о времени Петра Великого.

Как историк Пушкин несомненно стоял наравне с исторической наукой своего времени.

В русской истории он видел необозримое поле для исследовательской деятельности: «Какое поле - эта новейшая Русская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано и что, кроме нас, русских, никто того не может и предпринять! - Но история долга, жизнь коротка, а пуще всего человеческая природа ленива (русская природа в особенности)» (М.А. Корфу, 14 октября 1836 г. - X, 217). Историей своего Отечества он гордился: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (А. Чаадаеву, 19 октября 1836 г. - X, 336-337).

Историю России и объяснение ее исторической судьбы Пушкин связывает со спецификой русского православия. Уже в 1822 г. в статье «Заметки по русской истории XVIII века» он осуждает императрицу Екатерину, которая «явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени... нанесла сильный удар просвещению народному. Жаль! Ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер. В России влияние духовенства было столь же благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических... Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением» (VII, 277). Оценивая второй том «Истории русского народа» Полевого (1830 г.), Пушкин замечает: «История древняя кончилась богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и

обновился мир. История новейшая есть история христианства. Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой,.. история ее требует другой мысли, другой формулы» (VI, 99). В статье «О ничтожестве литературы русской» и в письмах Чаадаеву в июле 1831 г. и 19 октября 1836 г. он подробно излагает свои взгляды на складывание русского православия и на роль России в спасении Европы от монгольского нашествия. Он отвергает мысль о том, что мы исчерпали христианство из нечистого (то есть византийского) источника, и о том, что Киев напрямую копировал Византию: «Нравы Византии никогда не были нравами Киева». Принципиальный характер имеет следующее утверждение мыслителя: «У нас было свое особое предназначение. Это Россия, ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена.., нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» (X, 336-337).

Остановимся более подробно на двух исторических работах А.С. Пушкина.

Прежде всего это «История Пугачева» («История Пугачевского бунта» - вариант названия, предложенный царем, с которым Пушкин вынужденно согласился). «История» была опубликована в 1834 г. в двух частях: часть первая - исследование, часть вторая - документы (манифесты, указы, служебные письма). На структуру этой работы, в частности, на документное сопровождение исследования, следует специально обратить внимание. Это был первый опыт подобной композиции исторического сочинения, а применительно к изучаемой теме - и единственно правильный вариант, поскольку все документы Пушкину пришлось самому отыскивать, выявлять и первому исследовать, читающей публике был вовсе не известен этот свод источников. Пушкинский труд явился первой попыткой анализа самого крупного мятежа XVIII века.

Зимой и весной 1933 г. поэт работал в архиве Главного штаба под предлогом изучения материалов об А.В. Суворове (Суворов участвовал в операции против мятежников). Осенью того же года Пушкин съездил в Поволжье, где опрашивал свидетелей - современников кровавых событий.

Получилось так, что в освещении Пугачевского бунта Пушкин предстает перед нами в двух ипостасях: в «Истории» - это холодный, объективный историк, избегающий каких-либо личных оценок; в «Капитанской дочке», написанной в 1836 г. - обстоятель-

ный повествователь, спокойно оценивающий события. Конечные выводы в повести звучат как размышления много претерпевшего и много обдумавшего человека: «Не приведи Бог видеть русский бунт - бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка»; «Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» (V, 359). Иногда эти строки оценивают как расхождение позиций автора и его героя Петра Гринева, в записках которого и содержится процитированное высказывание. Но вот письмо Пушкина И.И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 г.: «Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону» (X, 164). Здесь стоит отметить осуждаемую Пушкиным практику подготовки заказных исторических сочинений в угоду определенной идеологии. Уместно напомнить еще несколько мыслей поэта о полезности неспешных реформ и пагубности произвола: «Не изменяй теченье дел. Привычка - душа держав» (Борис Годунов - IV, 257); «Устойчивость - первое условие общественного благополучия» (VI, 331); «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда» (П.А. Вяземскому, 10 июля 1826 г. - IX, 233).

Правда факта - самая важная для Пушкина черта исторического сочинения. В черновиках к «Истории Пугачева» сохранилась такая запись: «По крайней мере я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей». Принцип отбора фактов, примененный в «Истории», прост: в окончательный текст включается только то, что повторяется в двух-трех источниках или подтверждается несколькими современниками события. Поэтому Пушкин беспощадно правдив в описании пугачевского бунта, бессмысленного и жестокого, без надежды на успех, без видения перспектив.

Так будет и в других исторических сочинениях: излагаются только проверенные и подтвержденные факты, изложенные в жанре хроники (Пушкин очень уважительно относился к летописям и русским хроникам), без тени авторской оценки. Авторские оценки

мы находим в художественных текстах: и суд над Пугачевым совершается в «Капитанской дочке».

«История Петра» - незаконченный труд Пушкина, это предварительные конспекты, подготовительные материалы. При жизни Пушкина данные заметки не публиковались, первая полная публикация состоялась лишь в 1938 г. Более раннему изданию препятствовала резолюция царя Николая: «Рукопись издана быть не может по причине многих неприличных выражений на счет Петра Великого». В действительности самым сильным выражением было всего лишь замечание о сути деспотической личности Петра: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, - вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика» (VIII, 291). Строгий суд над Петром Пушкин учинил в «Медном всаднике», но эта поэма при жизни автора не была опубликована. За время хранения в рукописи «Истории Петра» были утрачены записи, относящиеся к деятельности императора в 1719-1721 гг.

Работа над «Историей Петра» началась в 1827 г. В июле 1831г. Пушкин стал добиваться разрешения работать в архиве и до мая 1836 г. работал в архиве коллегии иностранных дел и других московских архивах. Он познакомился с иностранными источниками по петровской эпохе, значительная часть которых находилась в библиотеке Вольтера, хранившейся в Эрмитаже. Использовал знаменитый «Журнал или поденную записку Петра Великого», изучал судное дело царевича Алексея. В 1834 г. появились первые наброски к «Истории Петра», но автор продолжал конспектировать основные источники, в частности, «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И.И. Голикова, изданные в 1788-1797гг. в девяти томах. Основная работа над текстом протекала в 1835г.

«История Петра» интересна для нас и таким малоизвестным фактом, как использование Петром в 1716 г. процедуры посвящения в сан вологодского и астраханского архиереев для очередного ограничения деятельности православной церкви. В комментариях факт не нуждается, назначение на должность вологодского и астраханского владыки было использовано Петром действительно случайно, но меры ограничения вводились весьма суровые. Прочитируем это место полностью:

«По случаю посвящения архиереев в епархии Вологодскую и Астраханскую дана им инструкция. Архиереи обязывались:

1) никого не проклинать и от церкви не отлучать, кроме как явных преступников и разорителей заповедей божиих, и то проклинать их *единолично*, а не *вседомовно*,

2) с раскольниками и противниками православия поступать кротко,

3) монахам не давать бродяжничать,

4) *церквей свыше потребности* новых не строить,

5) попов и диаконов не умножать,

6) паству свою посещать два или три раза в год, смотреть за благочинием священников, гробов неведомых не свидетельствовать, беснующих, в колтунах, босых и в рубашках ходящих наказывать etc.,

7) *в мирские дела и обряды не входить*.

Инструкция разослана *при указе* всем губернаторам и архиереям» (VIII, 251).

Что привлекало Пушкина в деятельности Петра? Прежде всего энергичные экономические реформы и решительная перестройка системы государственного управления. Например, в указах 1697 г. он выделяет запрет торговать в Сибири на товар, а не на деньги. В актах 1715 г. заметил документ, направленный на развитие льноводства в России, расширение посевов льна: «для пользы народной запрещен вывоз семян льна и пеньки, а делать из онога масло» (VIII, 249). Пушкина интересует развитие правовой базы, изменение общественного этикета, создание новых государственных учреждений и многое другое.

Известен интерес Пушкина к своей родословной: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно». См. ту же мысль в письме А.Х. Бенкендорфу от 24 ноября 1831 г.: «чрезвычайно дорожу именем своих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них» (X, 318). И Пушкин, профессионально занимаясь историей, не старается приукрасить свою родословную. В трагедии «Борис Годунов» он вводит образ своего предка, оказавшегося в кругу сторонников Самозванца.

Какое устройство государственной власти Пушкин находил наиболее подходящим для России своего времени? Это должна быть конституционная монархия с обязательным приоритетом закона: «горе племенам,.. где иль народу, иль царям законом властвовать возможно» (Вольность, 1817 г.). Государь может наилучшим

образом демонстрировать свою власть, проявляя милосердие: «Земных властителей ничто не украшает, как милосердие. Оно их возвышает» (Анджело, 1833 г.). По мнению Пушкина, основным принципом государственной политики должна быть человечность. Потому он постоянно высказывался за отмену крепостного права, рассматривая эту проблему как основу политических свобод в России: «нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян; желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла» (Заметки разных лет).

Пушкин скоро разобрался в несовершенствах представительной демократии, когда неразумное большинство навязывает свои решения меньшинству, отвергая более позитивные варианты. Именно в американском образе жизни Пушкин усмотрел эти изъяны и изложил их в рецензии на книгу Джона Теннера «Записки» (1836 г.), суть демократии он прямо определил как власть «большинства, нагло притесняющего общество» (VII, 161).

Вдумаемся и еще в один совет Пушкина, чрезвычайно актуальный для нынешней России: «Конечно, должны еще произойти великие перемены, но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения общественных нравов без насильственных потрясений политических, страшных для человечества» (Путешествие из Москвы в Петербург, 1833-1835 гг.).

Ю. А. Смирнов,
старший научный сотрудник
Государственного архива
Вологодской области

ВОСПИТАНИЕ СЕРДЕЦ

Письма вологодских помещиков Ю. Ф. и А. П. Межаковых к сыновьям

Значительную часть хранящегося в ГАВО эпистолярного наследия помещиков Межаковых наряду с частично опубликованными посланиями известного русского ученого и философа Н. Я. Данилевского, адресованными своему другу, одному из наиболее ярких представителей этого дворянского рода Александру Павловичу Межакову, составляют письма самого Александра Павловича и его жены Юлии Францевны к своим сыновьям.

Межаковы воспитывали пятерых детей и подолгу жили в своем родовом имении в с. Никольском, которое принадлежало тогда отцу Александра Павловича. Туда его влекли научные интересы, а также необходимость управлять имением - отец был уже немолод, и кроме того он занимал пост предводителя губернского дворянства, что отнимало много сил и времени. Когда подросли старшие мальчики Павел (в семье его называли на французский манер Поль) и Саша, настало время определить их в какое-либо учебное заведение, и родители отправили сыновей в Петербург к родственникам жены. Там они получали дополнительное образование и, вероятно, оба готовились к поступлению в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, идя по стопам одного из братьев Юлии Францевны, учившегося в этой же школе в одно время с Лермонтовым и бывшего ему товарищем и соперником.

К этому времени и относится переписка Александра Павловича и Юлии Францевны с сыновьями, охватывающая период с конца 1851 г. до начала 1854 г. Это 19 пожелтевших листов бумаги разного формата (от размеров обычного писчего листа до совсем маленьких клочков бумаги), развернутых и кратких по содержанию, написанных на русском и французском языках.

Оторванные от своих любимых чад, лишенные возможности направить их на путь истины в повседневной жизни, родители

пытаются реализовать свою потребность в наставничестве посредством переписки. Их письма переполнены различного рода советами, рекомендациями как самого общего, принципиального характера, так и связанными с какими-либо частностями. Взятые в совокупности, письма создают своего рода идеальный образ русского дворянина, наделенного теми качествами, какие хотели бы видеть родители в своих детях. Следует сказать, что и Юлия Францевна и Александр Павлович имели, что называется, «хорошую детскую» и получили великолепное образование. Вращаясь в аристократических кругах столицы, они были осведомлены о нравах и обычаях светского общества, а значит им было что передать своим детям.

Излагая свое представление о правилах хорошего тона и нравственных нормах, Межаковы, и прежде всего Юлия Францевна, концентрировали внимание детей на необходимости следовать христианским идеалам, утверждали христианские ценности и добродетели. Некоторые места из переписки читаются как проповедь веры и любви к ближнему, доброты, честности и терпения. Вот весьма показательный фрагмент одного из первых писем Юлии Францевны:

«Да благословит вас Господь, ангелов моих, сокровища мои, да наведет вас на все добрые дела и волеет в сердца ваши веру, упование на Него и любовь к ближнему. Будьте честны, добры, терпеливы во все минуты жизни вашей, в настоящее время думайте, что прилежание сделает вас людьми и что без него вы испортите всю будущность вашу. Поймите слова мои и следуйте совету, пока еще не поздно, украсьте жизнь мою успехами вашими и хорошими качествами сердец ваших. Прошу вас и умоляю вас, дети любезные мои, молитесь, и Бог не оставит вас, вы знаете, что от вас теперь требуют, исполняйте обязанности ваши в точности. Уважайте старших, будьте учтивы и добры со всеми, слушайте и будьте благодарны тем, которые вам делают полезные советы; бегите, удаляйтесь от товарищей с худыми наклонностями; дурные друзья кроме большого вреда ничего не могут принести. Если что и случится сделать дурное, сознавайтесь скорей. Читая это, прошу вас думать, что это слова мои, которые вы должны помнить и которым должны следовать. Благославляю вас на все доброе, да помилует и поможет вам Господь».

Характерно, что отдавая должное правилам хорошего тона, светским манерам, основное внимание уделяется необходимости привить детям представление о наиболее важных этических нор-

мах, нравственных качествах, носителями которых являлись по-настоящему воспитанные люди.

Среди тех духовных ценностей, на которые Межаковы ориентируют своих детей, находится и надлежащее исполнение своих обязанностей, служба, которая понимается не только как средство продвижения по иерархической лестнице, но осознается как долг, входит в представление о дворянской чести. Залогом жизненного успеха является труд (в данном случае это прилежание и хорошее поведение), причем рассчитывать следует только на себя, на свои силы. *(«Вы должны делать себе карьеру сами своей службой, а хорошее поведение обеспечит вам счастливое существование... Прилежание сделает вас людьми, а без него вы испортите будущность вашу... Исполняйте обязанности ваши в точности... Призываю быть честными людьми, всегда исполнять долг свой».)*

Вместе с тем немалое внимание уделено и умению вести себя в обществе или, как пишет Александр Павлович, «хорошенько себя держать, вести себя хорошо и пристойно, как следует благородным людям».

Существенной частью воспитания молодого дворянина была верховая езда, требовавшая не только физической закалки, но и смелости, твердости характера. Мальчики, едва достигшие 10-летнего возраста, уже должны были прекрасно сидеть в седле. Судя по письмам, эту непростую науку старшие сыновья Межаковых прошли еще до отъезда в Петербург - в Никольском, где за каждым из них была закреплена своя лошадь. Видимо, дети были привязаны к этим животным, беспокоились о них, и Юлия Францевна в одном из писем сообщала, что с ними все в порядке.

Родители постоянно напоминали сыновьям и о необходимости соблюдать элементарные правила гигиены. Заботясь об их здоровье, они рекомендовали быть умеренными в еде, не пить, будучи разгоряченными, или после бега, стараться не простужаться.

Не обходят вниманием Межаковы и такой отличительной черты людей света, как умение нравиться, располагать к себе собеседника, что, по мнению многих критиков светского общества, соседствовало с безнравственностью, особенно когда этим умением, становившимся в опытных руках грозным оружием, пользовались в неблагоприятных целях для достижения корыстных интересов. И хотя подобного рода злоупотребления действительно имели место, в основе такого поведения лежало искреннее доброжелательство и приветливость, стремление сделать приятным пребывание в обществе как для себя, так и для окружающих. Вот и Юлия Францевна

пишет: *«Будьте учтивы и добры со всеми, старайтесь быть для всех приятными, употребляйте все силы, чтобы быть любимыми всеми»*. Родители не детализируют способы достижения этой цели, однако, хорошо зная слабости своих чад, дают несколько конкретных рекомендаций: не слишком болтать и думать, прежде чем говорить, всегда и везде, где бы ни были с визитом, больше уделять внимания своему внешнему виду и, в частности, всегда быть аккуратно причесанным.

Конечно, воспитательный процесс не сводился к одним только нравоучениям и назидательным сентенциям. Представление о нравственности, поведенческие стереотипы закладывались практикой повседневного общения и прежде всего в кругу семьи. В переписке есть фрагменты, дающие представления о семейном укладе Межаковых, о том, какая атмосфера царила в их доме. Особенно хорошо это видно на примере отношения к младшему их сыну Эмануэлю (домашние называли его Маничка):

«Сейчас должна была прервать писание свое, позвали в детскую к Маничке, который еще после болезни не выходит. Можете вообразить, что его все забавляют и наряжаются, Прасковья Матвеевна нарядилась журавлем, Маничке так понравилось, что он потребовал, чтобы его так одели. Закутали его и дали палку с крючком, которым он всех клюет. До того мил и забавен, что чудо. На днях, когда он был болен, я уже не знала, чем его тешить, велела принести курицу, он ее кормил разными разностями, разговаривал с ней, наконец, вспрыгнул, побежал к шкапу, вытащил большой лист с картинками, разостлал перед курицей и толковал ей, кто папа, кто мама, Вibi и проч. Это была совершенная потеха. Он, ангел наш, был нездоров и кашлял ужасно, теперь гостит у него кормилица, и он в восхищении. Сейчас он ездил в салазках и Фауст*, запряженный на место лошади. Сию минуту опять хохотали мы все до слез. Папа сегодня уже наряжался, чтобы нас смешить, и теперь в одну минуту оделся кормилицей, Манежку спеленали, а Сергей с красным лицом и в ярко-красном платье нянюшкой был восхитителен в этом ужасном наряде. Эмануэль был в восторге, а мы смеялись до изнеможения».

Или еще: *«Маничка мил до чрезвычайности, он все в деревне, здесь опять скарлатина и оспа свирепствуют. На днях послали в Ник[ольское] Олино** платье для мытья, он увидел его на полу,*

---

* По всей видимости, кличка собаки.

** Старшая дочь Межаковых.

узнал, бросился и начал целовать, крича:» Мама, мама!» Умиление, любовь, доходящая до обожания.

Вообще, этим чувством, а также беспокойством о будущем своих детей, искренней заинтересованностью в их судьбе проникнуты все письма Межаковых. В этом они существенно отличались от других дворянских семей, где было принято держать детей в строгости и перекладывать непосредственную заботу о них на разного рода наставников, а в отношениях с ними не позволялось чрезмерное проявление родительских чувств. По всей видимости, Юлия Францевна принимала активнейшее участие в воспитании детей, во всяком случае в письмах среди помощников упоминались только няня и кормилица, и это при том, что, кроме младших детей, с родителями оставалась еще и старшая дочь Ольга. А вот об учебе и поведении живших в столице Поля и Александра отчитывались некие мсье Бек и мсье Муслим, вероятно, гувернеры.

Следует отметить и то, что хотя Межаковы не ограничивали себя в выражении своей любви к детям и были на многое готовы, чтобы побаловать своих чад (показательно в этом отношении неоднократно выраженная готовность Юлии Францевны «потешить» их чем-либо, всем, что она в состоянии сделать), они тем не менее не растворялись в своих детях, не заняли в отношениях с ними некое подчиненное положение, а сумели сохранить дистанцию, особо подчеркивая при этом дружеский характер своих взаимоотношений (даже подписывая письма, они обязательно указывали: «Ваш друг и отец Александр», а то и просто: «Ваш друг Юля»).

Вместе с тем они были весьма требовательны по отношению к детям и могли очень жестко спросить за любую провинность. Вопросом, вызывавшим самое острое недовольство Юлии Францевны и Александра Павловича, была крайняя неаккуратность сыновей в переписке с родными. Занятые учебой, окунувшиеся с головой в водоворот столичной жизни (в письмах упоминается о посещении Полем бала, о его службе в качестве ординарца у наследника престола), мальчики могли по несколько месяцев не писать домой, из-за чего родители их неоднократно упрекали, а Юлия Францевна в конце концов устроила им форменный разнос. Подобная небрежность воспринималась как нарушение одного из основных элементов дворянской этики - послушания родителям и уважения старших. *«Неужели ты не понимаешь, - выговаривает она Полю, - чувства и уважения, которые ты должен к нам иметь... для самого себя будь почтительнее к старшим, наипаче к отцу и матери, не должен ли ты стараться усладить нашу жизнь?»*

Подчеркнем, что необходимость оказывать почтение старшим мотивируется интересами самого же подрастающего поколения: «для самих себя». Межаковы осознают тесную связь и взаимозависимость поколений: *«Думайте о ваших родителях, об их счастье, работая над собой, вашим прилежанием и хорошим поведением»*, - пишет Юлия Францевна.

Или вот еще строки из письма Александра Павловича: *«Поль, не забывайте, что до экзаменов вам осталось только три месяца, и если вы не поступите в школу в этом году, вам не поступить туда никогда, так что все зависит от вас. Но я надеюсь, вы не причините нам такого огорчения, а себя не покроете позором»*. То есть счастье одних невозможно, если другие несчастливы. Причем это утверждение в равной степени справедливо как для родителей, так и для детей.

В письмах упоминается много разных имен. Здесь и родственники, и знакомые, и крепостные - люди разных сословий и положений, но эта разница никак не выражена на письме. Сохраняется одинаково ровный, доброжелательный тон в повествовании о дворянине Данилевском и приходском священнике Константине, и какой-нибудь дворовой Надежде Сергеевне, которая, как пишет Юлия Францевна, *«пошла сегодня в Петербург, ей хочется вас увидеть. Когда она придет к тебе, Саша, то попроси тетю и дядю, чтобы они позволили ей на тебя посмотреть, да ей велела их всех увидеть, а так будет приятно с ней после о вас поговорить»*. Так, словно речь идет о подруге. Мало того, слова о крепостных отличаются особой сердечностью. Это прослеживается даже на уровне лексики. Не нянька, няня, а нежно - нянюшка. Или вот сообщение об умирающей 85-летней, как она значится в документах, «дворовой вдове»: *«Дарья Петровна слегла на прошлой неделе. Добрая старуха, как она вас всех любила»*. И еще: *«Пут* всякий раз, что меня увидит, после целый день плачет, в Никольское просится. Все мы вас целуем, Ковалев и нянюшка тоже. Ковалев мне на днях пишет, что если бы не так далеко, он бы к вам сходил»*.

Все это наводит на мысль, что в семье Межаковых не принято было делать большой разницы в обращении с людьми своего круга и с собственными крепостными, занимавшими низшую ступень в социальной иерархии общества, что также изобличает в них истинно светскую манеру поведения.

---

* Имя дворового человека.

Дополнительную интригу, трагическую ноту придают переписке сообщения об ухудшающемся состоянии здоровья Юлии Францевны. В ранних письмах перед нами предстает погруженная в типично женские заботы молодая женщина, ведущая, насколько это возможно в провинции, светский образ жизни. *«Здесь новый губернатор военный, Романиус. Вот две недели сряду, что всякой день балы и обеды были, мы совсем без ног и без сил... У нас сегодня был мужской обед, я так устала. Скажи тете, что у нас здесь итал[ьянская] певица Conti. Друг мой Саша, как получишь это письмо, сейчас напиши т. Маше записку, если не можешь ее видеть сам, попроси, чтобы она мне сейчас прислала перья, которые, верно, уже готовы, мне на первых днях масленицы нужны. Я бы выписала убор или цветы, да денег нет, так хоть перья бы прислала, а нужны непременно. Здесь ничего достать нельзя, а балы будут, на которых я должна быть. В воскресенье был бал у Ендоуровых, мы там все 5 чел. были. У нас Данилевский, каждое утро является он ко мне в комнату чай пить в 9 час. И до завтрака у нас все чай продолжается, перемешивая это чтением и разговорами». И вот недобрая весть - болезнь, которая все прогрессирует и никак не поддается лечению: «Дорогие друзья Польша и Саша, пишу вам всего несколько слов, т.к. рука моя еще дрожит после болезни. Я, дети мои, все ужасно слаба, на день переменяю комнату, но что с одной кровати на другую перелечь, добрый папа меня всякий раз сам переносит и укладывает».*

Далее рукой отца: «Здоровье маменьки все в одном положении. У нас живет доктор, недавно приехавший из Петербурга в Вологду, и будет здесь в Никольском, пока нельзя будет нам ехать в Петербург. Кажется, он делает Мамап пользу, но так медленно она поправляется, что почти не заметно. Молите Бога, чтобы он возвратил ей здоровье». И, наконец, полные скорби слова Александра Павловича: *«Любезный друг Саша, лучшее доказательство, что память добродетельной маминьки для тебя священна, есть воспоминание о ней и о том, что она вам так часто говаривала, то есть быть честными и трудолюбивыми людьми. Я надеюсь, друг мой, что ты это помнишь и что будешь всегда исполнять долг свой».* Юлия Францевна Межакова умерла в мае 1853 года, едва ли дожив до сорока лет.

В этой связи интересно отметить степень, так сказать, назидательной насыщенности родительских писем. Практически все изложенное в них, даже сообщение о смерти матери, так или иначе подчинено одной сверхзадаче - привить своим детям некие фундаментальные представления о том, что такое хорошо и что такое

плохо. Причем, эти дидактические построения не являются рецептом достижения жизненного успеха, устройства служебной карьеры, а ориентированы на воплощение некоего идеала, представления о том, каким обязан быть человек их круга. Успех - нечто второстепенное. Главное - формирование нравственного облика подростка, того, что Юлия Францевна очень точно определила как «хорошие качества сердец». При этом не важно, понимает и принимает ли сам ребенок эти установки. Осознание их необходимости придет позже, «самому после слюбится», а пока следует делать то, что должно, а остальное все приложится.

Нам довольно сложно судить о том, какими людьми выросли Поль и Александр, каковы были плоды воспитания, оправдали ли они ожидания своих родителей. Павел по окончании школы служил в армии и в деле о наследстве, оставшемся после смерти его отца значится в чине прапорщика. Далее след его теряется. Существуют серьезные основания предполагать, что он рано ушел из жизни. Что касается Александра, ставшего владельцем Никольского и бережно сохранившего письма отца и матери, то выйдя в отставку после двух лет пребывания в лейб-гвардии Егерском полку, он посвятил себя службе на гражданском поприще и в течение почти четверти века совмещал должности Кадниковского уездного предводителя дворянства и председателя уездной земской управы.

Во многом благодаря его стараниям земское дело в уезде было поставлено на твердую почву, а жители «пользовались прекрасными путями сообщений, образцово устроенной земской почтой и обширной, умело и хорошо организованной медицинской помощью с прекрасной больницей в самом Кадникове». И если современники были искренни, утверждая, что А.А.Межаков «всегда, при всех обстоятельствах высоко держал знамя старинных дворянских традиций», то в немалой степени он обязан этим тому воспитанию, которое дали ему родители.

С.Н. Цветков,
кандидат исторических наук,
директор Вологодского областного
архива новейшей политической
истории

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ВОЛОГОДСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1937-1938 гг.

В последние годы российские граждане стали все чаще обращаться к нашей истории. Значительную часть внимания общественности сегодня привлекают массовые репрессии 1930-1940-х и начала 1950-х годов.

Уже давно даны нравственные оценки тем событиям, обнаружен механизм репрессий, преданы гласности сводные статистические данные о безвинно пострадавших. И тем не менее данная тема не исчерпана до конца, сегодня все новые и новые факты приковывают внимание исследователей и общественности. Интерес к этой когда-то запретной теме особенно возрос с принятием Указа Президента РФ от 06.02.98 № 138 «О подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию 2000-летия христианства», а также постановления губернатора Вологодской области от 05.01.99 № 1 «О подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию 2000-летия христианства в Вологодской области». Сегодня люди хотят знать все, что связано с политическими репрессиями против священнослужителей.

Репрессии против духовенства, как и против других категорий наших соотечественников, носили массовый характер. Уже в 1918 году в стране было расстреляно 3000 священнослужителей. В 1937 году репрессировано 136 900 представителей православного духовенства, из них расстреляно 85 300 человек. В 1938-1941 гг. репрессировано 38 900 человек, расстреляно - 35 400¹. Репрессии по отношению к духовенству продолжались и в более поздние годы.

Трагедия не обошла стороной и Вологодскую область. Сотни священнослужителей и членов их семей были уничтожены без суда по сфабрикованным обвинениям.

В 1937-1938 гг. решениями «троек» УНКВД по Вологодской и Ленинградской областям к высшей мере - расстрелу - были приговорены: Авров Михаил Васильевич - священник дер.Погост Верховского сельсовета Андомского (ныне Вытегорского) района

(безжалостный приговор был вынесен, несмотря на то, что у Михаила Васильевича было семь несовершеннолетних детей, из которых старшему, Серафиму, было 15 лет, а младшей дочери Таисии - всего 1 год); Амврозов Алексей Семенович - протоиерей Скоблевской церкви Мяксинского (ныне Череповецкого) района; Анфимов Степан Федорович - священник из села Кондаш Череповецкого района; Бартеньев Алексей Александрович - священник Георгиевской церкви г.Кадникова; Богданов Василий Федорович - церковный староста из села Красное Тотемского района; Быстров Федор Петрович - дьякон Загостской церкви Пришекснинского района; Вохомский Николай Андреевич - священник кладбищенской церкви г.Никольска; Глубоковский Анатолий Александрович - псаломщик Благовещенской церкви Тошненского сельсовета Вологодского района; Дуненкова Александра Максимовна - сторож Логиновской церкви Голосовского сельсовета Мяксинского района; Толстикова Ольга Васильевна - жена служителя культа, проживавшая в дер. Подол Нюксенского района.

Репрессиям подверглись епископ Вологодский Георгий Васильевич Анисимов, церковный староста из дер. Косево Междуреченского района Александр Иванович Бабкин, протоиерей Прокопьевского собора из г. Великого Устюга Апполинарий Сергеевич Беляев и многие другие ².

Всем арестованным, как правило, выдвигалось стандартное обвинение: «за организацию и руководство антисоветской группой церковников, контрреволюционную агитацию, распространение провокационных слухов». В большинстве решений «троек» и «особых совещаний» ссылок на конкретную статью Уголовного кодекса РСФСР вообще не было.

Все обвинения были явно надуманные. Так, например, священнику Петининской церкви Сокольского района Усову вменялось в вину, что он «открыл в алтаре водоисточник под видом лечебной воды. Среди церковников распространялись слухи о том, что посредством употребления воды больные получают исцеление». Вода продавалась по дорогой цене. Вокруг церкви организовалось большое паломничество» ³.

Многие священнослужители значатся в списках репрессированных по два раза: в начале 1930-х годов получили по 3-5 лет ссылки или лагерей, а в 1937-1938 гг. их настигала высшая мера наказания. Когда начались массовые репрессии, их легче было «повязать» - они уже привлекались «за контрреволюционную агитацию».

Арестовывали, невзирая на возраст. Так, например, священнику Юнееву Павлу Викторовичу, проживавшему в дер. Перебытино Сокольского района, в момент задержания было 80 лет ⁴.

По сообщению управления НКВД по Вологодской области «в 1937 году в г.Вологде была ликвидирована церковно-монархическая повстанческая организация с широким разветвлением повстанческих групп по ряду районов Вологодской области, в том числе:

Сокольский район - 10 групп - 128 человек,

Тотемский - 3 - 32 чел.,

Усть-Кубинский - 2 - 39 чел.,

Кубено-Озерский - 1 - 18 человек,

Грязовецкий - 3 - 41 человек,

Чибсарский - 1 - 12 человек,

г.Вологда и район - 3 - 65 человек.

Всего по делу было арестовано и осуждено 345 человек. Из них: служителей культа - 147 человек, бывших монахов и монахинь - 55 человек, кулацко-церковного актива - 143 человека» ⁵.

Церковный актив был репрессирован также в Биряковском, Кичменгско-Городецком, Максинском, Междуреченском, Лежском и других районах. А всего по области с 1 октября 1937 г. по 1 апреля 1938 г. «изъято» (термин УНКВД): попов - 392 человека, монашеского элемента - 179 человек, церковно-кулацкого актива - 937 человек. Всего 1746 человек ⁶.

Только за последние годы прокуратурой области было реабилитировано служителей культа по г.Великому Устюгу и району 68 человек, г.Череповцу и району - 62 человека, г.Вологде и району - 52, по Грязовецкому району - 45, Никольскому району - 30 и т.д.

В целях восстановления справедливости, законных прав граждан России на свободу совести и вероисповедания, руководствуясь чувством покаяния, исходя из выводов Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий 14 марта 1996 г. Президент России подписал специальный Указ «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий». В нем осужден многолетний террор, развязанный в отношении священнослужителей и верующих всех конфессий.

Генеральной прокуратуре совместно с Федеральной службой безопасности, Министерством внутренних дел Российской Федерации предложено осуществить реабилитацию граждан России, которые были необоснованно обвинены в политических, государственных и уголовных преступлениях, лишались свободы, подвергались

иным лишениям и ограничениям прав в связи с их религиозной деятельностью и убеждениями.

Указ Президента РФ предписывает Правительству Российской Федерации, другим федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления оказывать помощь верующим в восстановлении культовых зданий, возврате имущества, изъятого из церквей, мечетей, синагог, других культовых учреждений⁷. И дай Бог, чтобы страшные события периода репрессий никогда более не повторились в истории нашего государства.

Сейчас идет подготовка Книги памяти жертв политических репрессий. Предстоит выполнить огромную работу. По данным управления ФСБ по Вологодской области в соответствии с законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий от 18.10.91» управлением федеральной службы безопасности совместно с прокуратурой области реабилитировано около 24 тысяч человек. Предстоит еще на основании следственно-уголовных дел составить 14 тысяч поименных карточек.

Поэтому настало время объединить усилия общественности, архивистов и ученых, Вологодской общественно-политической организации «Ассоциация жертв незаконных политических репрессий», Вологодского епархиального управления Московского патриархата, правоохранительных органов, законодательной и исполнительной властей области в ускорении подготовки Книги памяти.

Большая роль в создании Книги памяти принадлежит нынешним чекистам Вологодского края, работникам управления федеральной службы безопасности по Вологодской области. Этим самым они выполнили бы свой гражданский, патриотический и исторический долг. Ведь именно они сохранили в условиях неоднократно менявшейся политической обстановки уголовно-следственные дела, заведенные на наших земляков по политическим мотивам еще в 1920-1930-е годы, и другие важные документы, а затем в течение многих лет скрупулезно изучали их, способствуя судам, прокуратурам и военным трибуналам в реабилитации невинно пострадавших людей.

Появление Книги памяти, посвященной жертвам политических репрессий, стало бы событием историческим. Во-первых, впервые были бы названы поименно все репрессированные жители Вологодчины. Во-вторых, издание этого труда по-существу означало бы завершение процесса реабилитации безвинно пострадавших вологжан и иностранных граждан, проживавших в Вологодской

области. В-третьих, эта Книга была бы сродни официальному документу, который снимает все надуманные обвинения в отношении безвинно осужденных.

Эта Книга станет нашим искренним покаянием перед памятью несправедливо пострадавших и назиданием нам всем, их потомкам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Газета «Экспресс-Медиа». - 1997, 5-11 ноября. - № 38.

² Поименные карточки реабилитированных, составленные на основании следственно-уголовных дел, хранящихся в архиве УФСБ по Вологодской области.

³ Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее - ВОАНПИ). Ф.2522. Оп.23. Д.97. Л.64,72.

⁴ Газета «Эхо земли». Орган Крестьянского Союза Вологодской области. - 1997, май. - № 4.

⁵ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.134. Л.7, 11, 15, 17.

⁶ Там же.

⁷ «Российская газета». - 1996, 16 марта.

Н.Д. Лабичева,
главный хранитель Вологодского
государственного историко-
архитектурного и
художественного музея-
заповедника

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО- АРХИТЕКТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Музейное дело в Вологодском крае имеет более чем вековую историю. Столько же и процессу формирования музейных коллекций.

На 1 января 1999 года музейное собрание насчитывает 405 тысяч единиц хранения. Из них наиболее многочисленны коллекции археологии - 100 тысяч единиц, нумизматики - 90 тысяч единиц; 45 тысяч единиц значится в коллекции документов; около 3500 икон; 6 тысяч единиц книжного фонда и т.д.

В музейном собрании, как в зеркале, отразились или, наоборот, не отразились определенные стороны жизни страны, общества, человека.

Начало музейным коллекциям положили памятники материальной и духовной культуры, принадлежавшие четырем дореволюционным вологодским музеям: Петровскому домику, Вологодскому епархиальному древнехранилищу, музею Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК) и картинной галерее Северного кружка любителей изящных искусств.

Бесценной исторической базой для музейных работников, исследователей, краеведов являются учетные документы этих музеев. К сожалению, сохранились книги учета поступлений лишь двух из них: Вологодского древнехранилища и музея ВОИСК.

Недостаток документов по Петровскому домику в значительной мере восполняется брошюрой «Домик Петра Великого в Вологде», изданной в Санкт-Петербурге¹. В ней перечислены экспонаты Петровского домика. Их не так много, около 125 единиц без учета старинных книг, помещенных в этажерке, количество которых не оговорено.

Вологодское епархиальное древлехранилище открылось в 1896 году, но первые записи в Инвентарном каталоге были сделаны 1 сентября 1892 г.

Любопытен и тот факт, что среди тех, кто формировал коллекции, много членов ВОИСК. В каталоге постоянно встречаются фамилии председателя церковно-археологической комиссии И. И. Суворова; представителей семьи Непеиных, несколько поколений которой проявляли живейший интерес к истории края; Николая Богословского, священника храма в с. Кубенское, отца вологодской долгожительницы учительницы М. Н. Богословской; историка-краеведа А. С. Мерцалова и др.

Нельзя не заметить, что в фондах епархиального древнехранилища откладывались предметы не только церковные, но и сугубо светские, в частности, царские портреты, монеты, фотографии, карета именитых людей Строгановых, кремневый пистолет, книги, журналы, кости доисторических животных.

Однако не они создавали лицо древлехранилища, а предметы культового назначения, поэтому возникновение музея, универсального по содержанию коллекций, где откладывались бы предметы широкой исторической и естественной тематики, было неизбежным.

И такой музей начал создаваться сразу после оформления в 1909 году Вологодского общества изучения Северного края, в Уставе которого было заявлено, что общество «собирает разного рода материалы, относящиеся к предметам ведения общества и устраивает из них библиотеки и музеи...»².

Началось формирование музейных коллекций по разнообразнейшей тематике. В «Книге для записывания пожертвований в музей ВОИСК», начатой в 1911 г. и завершенной в 1924 г., числятся предметы естественной истории: материалы палеонтологии, гербарии, виды древесины; этнографии и крестьянского быта: женские головные уборы, полотенца, прялки, швейки, пряничные доски; предметы нумизматики, производственной деятельности, книги, фотографии, труды членов общества.

Обе книги учета, и древлехранилища, и музея ВОИСК, - недостаточно совершенны: нет подробных описаний, нет графы «количество». Поэтому часть предметов трудно идентифицировать с имеющимися в современных коллекциях аналогами, нет возможности определить численность коллекций того и другого музея.

Отметим попутно, что и в древлехранилище, и в музей ВОИСК предметы жертвовались, т.е. передавались в дар. Таким образом,

закладывалась традиция дарительства. Среди дарителей музея БОИСК - имя священника Тихона Шаламова, ученого ботаника И. Перфильева, кадниковского врача Н.Е. Ордина, А.А. Можайского, председателя губернской земской управы и др.

Октябрьская революция круто повернула историю, сокрушая многие культурные традиции, но музейная сфера оказалась очень глубоко укорененной в жизнь и культуру, поэтому уже в 1918 году на заседании Коллегии губернского отдела народного просвещения был поставлен вопрос о создании музеев иконописи и церковной старины, прикладного искусства и гражданского искусства. После определения направления деятельности музеев и обсуждения сметы расходов на их содержание в постановлении коллегии губотдела народного просвещения от 3 декабря 1918 г. была включена статья - приобретение ценных предметов и коллекций³.

В первой половине 1920-х годов собирательская работа Губмузея, а затем Вологодского объединенного музея, в значительной степени определялась декретом ВЦИК от 2 января 1922 г. «О ликвидации церковного имущества». На основании декрета в марте 1922 г. вышла Инструкция для представителей отдела музеев Главнауки и его органов на местах о ликвидации церковного имущества. Поэтому в отчете музея за 1922 г. в качестве основной деятельности была указана регистрация церковных ценностей при изъятии их в фонд помощи голодающим⁴.

Вещи были сосредоточены в губфинотделе, где работала комиссия Главмузея в составе Н.Н. Померанцева, П.Д. Барановского, А.В. Ляхова, В.И. Лузан. Часть вещей была передана в музей по трем актам. Известно, что в одном из них значилось 131 наименование предметов.

Работа по обследованию церковей продолжалась и в последующие годы. В 1924 году было обследовано более 30 церквей г. Вологды, архиерейский дом и несколько монастырей Вологодской губернии. Для музея отобрано около 1500 предметов культового назначения. В 1925-1926 гг. интенсивность работы с церковными ценностями не ослабевает.

Следующий виток, когда сотни церковных предметов будут переданы в музей, наступит в 1930-е годы в связи с началом деятельности Союза воинствующих безбожников и уничтожением церковных зданий.

Сразу после процедуры объединения четырех музеев в 1923 г. активизируется собирательская работа Объединенного музея. В первые годы его существования в музей передаются предметы

музейного значения из общества потребителей «Вологжанин», Вологодского губернского суда, губсовнархоза, Северосоюза и Сельскосоюза, губернской центральной библиотеки, педагогического музея. Среди них - книги, мебель, старинные монеты и т.д.

В 1924 году состоялось первое значительное поступление музейных предметов из Центрального хранилища государственного музейного фонда (г.Москва). В составе его картины Левитана, Айвазовского, Коровина, фарфор из Английского клуба, домов Рябушинского, Соллогуба. Поступления из Государственного музейного фонда осуществлялись неоднократно, характер их оставался стабильным: живопись, графика, фарфор.

В этом же году началось обследование бывших дворянских усадеб. В результате этого, например, из усадьбы помещиков Резановых Спасское-Куркино поступило 119 предметов: мебель, фарфор, музыкальные инструменты, осветительные приборы, оружие.

С 1926 года музейные предметы начинают закупаться по невысоким ценам. В ноябре 1926 года музей приобрел две акварельные миниатюры художника Германова и неизвестного автора за 3 рубля, фарфоровый соусник марки А. Попова и 23 открытки северных видов - за 2 рубля.

Возобновляется дарительство. В 1926 году график Н.П. Дмитриевский передал в дар музею 40 оттисков гравюр на дереве, будущий архитектор г.Вологды А.К. Ведров - 30 монет.

С 1929 года снова в поле зрения музейщиков попадают различные предприятия, кооперативы, артели Вологды и губернии. Фонды музея комплектуются продукцией целлюлозно-бумажного производства в г.Сокол, государственного треста «Вологдалес», Волкружевсоюза, Вологодской швейной фабрики и других организаций.

В 1930-е годы продолжается перераспределение музейных ценностей Вологодского края. В 1932 году в связи с закрытием музея в г.Грязовце в областной музей переданы коллекции, включающие несколько сотен предметов. Из закрываемых и часто уничтожаемых церковных зданий поступают церковные ценности. Частично перераспределяются книжные коллекции. Так, по распоряжению Вологодского горно из Вологодской центральной библиотеки в музей передано 18 уникальных книг, в том числе три, написанных в XIV веке на пергамене.

В это время улучшается финансирование закупочной деятельности музея: приобретаются интересные живописные, графические

работы, в частности, этюды А.И. Трапицына, коллекция графики П.А. Боборыкина.

Во время Великой Отечественной войны музей не прекращал работать, хотя наиболее ценные экспонаты были отправлены в Омск. Не прекращалось и комплектование. В 1942 г. летом состоялась даже экспедиция в Нюксенский, Тарногский, Тотемский районы, во время которой были собраны археологические предметы, старинные книги, документы, предметы культового назначения.

Поразительно и то, что продолжались закупки. В 1943 году, например, у гражданина Арсеньева приобретены костяной веер, кошелек, шитый бисером, зонтик - за 200 рублей, у гражданки Ключаревой - ценные парные портреты дворян мужа и жены Седаковых - за 200 рублей. У Елизаветы Александровны Соболевой, автора «Каталога русской книги библиотеки им. И.В. Бабушкина»⁵, куплены шкатулка, выполненная в технике «мороз по жести», табакерка с росписью начала XX века.

Военные годы положили начало одной из крупнейших коллекций музея - собранию по Великой Отечественной войне. Одним из первых личных фондов стал фонд Героя Советского Союза И. Каберова.

С конца 1940-х годов комплектование в Вологодском музее приобретает те черты, которые оно имело потом на протяжении 40 лет, до конца 1980-х гг. Работа по комплектованию приобрела планомерность и систематичность.

После победы в Великой Отечественной войне идет активный сбор материалов о минувшей войне. Собираются документы личного происхождения участников войны, в первую очередь Героев Советского Союза. В настоящее время их в музейном собрании 157.

Коллекция оружия пополняется образцами различных видов вооружения Красной и Советской армии. Часть этих экспонатов можно увидеть на выставке «Вологжанам-фронтовикам и труженикам тыла посвящается...».

Очень активно ведется собирательская работа о жизни советского общества. К сожалению, жесткий идеологический диктат не позволял собирать материалы, всесторонне характеризующие те или иные процессы, происходящие в стране. Музейные предметы свидетельствовали прежде всего о внешней, парадной стороне жизни. Сложности, негативные и трагические процессы советской истории в музейных памятниках почти не отразились.

Значительная доля собирательских усилий была направлена на сбор материалов о таких политических событиях, как съезды

партии, партконференции, выборы в Верховный и местные Советы и т.п.

Очень много скомплектовано личных фондов передовиков производства, Героев Социалистического Труда, лауреатов различных премий, заслуженных работников различных отраслей.

В 1960-1970-е гг. ежегодно собирался материал о коммунистических субботниках. С одной стороны, это позволяло охватить деятельность многих предприятий, не пропустить новую продукцию, с другой - этот ежегодный массовый сбор способствовал отложению в фондах однотипного, часто малоинтересного материала, с большой дублетностью одних и тех же предметов.

Достаточно часто проводился сбор материалов о работе отдельных наиболее крупных предприятий Вологды и области: Череповецком металлургическом комбинате, химкомбинате, целлюлозно-бумажных производствах г.Сокол, предприятиях легкой промышленности.

Самыми интересными по разнообразию найденного материала, как правило, были экспедиции историко-бытовые, этнографические и природоведческого характера. Обычно их было по четыре-пять в год.

Результатом активной собирательской работы явилось увеличение фондовых коллекций к 1970 году в 2,5 раза. На 1 января 1970г. число экспонатов составило 152 тысячи единиц.

В 1950-1960-е гг. продолжался и процесс перераспределения музейных предметов. Образование Вологодской областной картинной галереи (ВОКГ) в 1953 году повлекло за собой крупные передачи художественных памятников. По разрешению Министерства культуры РСФСР в 1953 году картинной галерее из музея передавалось 192 картины, 130 произведений керамики, 44 единицы мебели, 19 -вышивки, 6 - скульптуры. Передачи в ВОКГ осуществлялись и в 1960-е и даже в 1980-е годы.

В эти же годы в результате настойчивых просьб Государственный Эрмитаж получил от Вологодского музея 13 предметов культового назначения.

Движение наблюдалось и в вологодских книжных собраниях: в музей из областной библиотеки поступило в два этапа около 200 книг религиозного характера, среди которых немало рукописей. Однако в это же время часть рукописного фонда, 30 книг XVI-XVIII вв., передана по распоряжению вышестоящих организаций из музея в центральные книгохранилища, в частности, в библиотеку им. В.И. Ленина в Москве.

В целом комплектование музейных фондов идет очень высокими темпами: если в 1950-е годы ежегодное пополнение музейных коллекций составляло 1100-1200 единиц, то в 1960-1970-е годы - 5-8 тысяч единиц хранения.

В последнее десятилетие музейное комплектование претерпело определенные изменения. Исчезло жесткое идеологическое давление. Сотрудники музея следили за процессами, происходящими в обществе, отыскивали такие вещевые и документальные памятники, где изменения отразились наиболее ярко. Но в целом удельный вес материалов по современности заметно сокращается.

Прекратились командировки по комплектованию коллекций современным материалом о деятельности крупнейших промышленных предприятий, не удается ежегодно финансировать этнографические и историко-бытовые экспедиции. Однако благодаря помощи Управления образования и Комитета по экологии администрации Вологодской области удается снаряжать археологические и природоведческие экспедиции.

Процесс экономического и социального расслоения общества тоже накладывает отпечаток на комплектование. Материальные затруднения вынуждают вологжан предлагать на закупку предметы и произведения высоких художественных достоинств и исторической ценности. Далеко не все, интересующее музей, удается приобрести.

Однако администрация активно ищет пути улучшения финансового положения музея за счет различных форм музейной деятельности, спонсоров. Благодаря этому в 1994 году приобретена коллекция поддужных колокольцов, бубенцов и ботал, всего 72 единицы, за 3 тыс. рублей; собрание из 20 редких панно домашнего ткачества Е.В. Пановой - за 19 тыс. рублей.

Закуплены музеем портрет купца 1832 г., Минея общая 1600г., павловопосадская шаль с фабричным клеймом 1875 г., нотная тетрадь и альбом середины XIX века Л.Д. Кузьминой, жены А.Ф. Можайского.

Отрадным явлением остаются дарения. Представительница рода Батюшковых Елена Павловна Рабизова, проживающая в Москве, передала музею большой фонд, связанный с именем потомков К.Н. Батюшкова. В этом комплексе - акварельные работы А.М. Васнецова, В.Н. Батюшкова, картины и графика неизвестных художников, рисунки Е. Бем, документальный фонд, в составе которого записные книжки первой половины XX в., дамские альбомы этого же времени, фотографии. Передано немало бытовых

вещей, в частности, посуда XIX - начала XX вв., дамская сумочка, шкатулки и др.

Среди дарителей - представительница семьи краеведов Непеиных М.Г. Преображенская. От нее поступил чайный фарфоровый сервиз 1910 г. на 12 персон фабрики Н.С. Кузнецова, коллекция елочных игрушек 50-70-х годов XX века из 35 единиц, записная книжка со стихами Б.С. Непеина и др.

Краткий обзор истории комплектования музейного собрания за столетие позволяет видеть, что музейная жизнь не затухала даже в самые кризисные моменты российской истории и никогда не иссякали источники для музейного собирательства.

В этом наша надежда на будущие встречи не просто с интересными, но уникальными памятниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Домик Петра Великого в Вологде. - СПб., тип. Кирмбаума, 1887.

² Устав Вологодского общества изучения Северного края. - Вологда, 1909. С.2.

³ ВГИАиХМЗ, сектор письменных источников. Ф.52. Оп.1. Д.3. Л.5 об.

⁴ Там же. Д.14. Л.1.

⁵ Русская книга XVI-XVIII веков в фондах Вологодской областной библиотеки им.И.В. Бабушкина. Каталог. Сост. С.А. Соболева. - Вологда, 1980.

И.Б. Балашова,
искусствовед, заведующая филиалом
Вологодской областной картинной галереи - Мемориальной мастерской заслуженного художника РСФСР А.В. Пантелеева

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ В 1952-1954 ГОДАХ. НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Открытие картинной галереи в Вологде по решению Вологодского облисполкома от 17 января 1952 года планировалось на первый квартал, но это произошло уже на основании приказа отдела по делам искусств Вологодского облисполкома № 45 от 24 июня 1952 года. О создании нового учреждения культуры сообщается и в приказе № 1 по картинной галерее от 1 июля 1952 года. Директором был назначен Куропатников Философ Павлович, краевед, одно время возглавлявший Вологодский краеведческий музей. Он занимался живописью и участвовал в областных выставках самодеятельных художников. Кроме него в штатном расписании значатся бухгалтер, смотритель, уборщица, дворник, истопник. В сентябре на должность научного сотрудника принимают Федотову Капитолину Николаевну, имевшую педагогическое образование. Она свяжет свою судьбу с галереей, проработав в ней более 30 лет.

13 июля специальная комиссия провела техосмотр здания бывшего Воскресенского собора, постройки XVIII века, в котором разместились картинная галерея. На куполе здания обнаружилась трещина, но не прогрессирующая, поэтому было решено ограничиться на первых порах косметическим ремонтом, а также изготовить щиты для экспонирования картин.

Работа галереи начиналась практически с нуля - ни одного экспоната не имелось, поэтому весь год, как и многие последующие, велась переписка с ведущими музеями страны, министерствами культуры СССР и РСФСР о передаче картин из вспомогательного фонда в новую галерею. Из Третьяковской галереи директор просит выделить произведения, касающиеся деятельности К.Н. Батюшкова, А.Ф. Можайского, В.В. Верещагина и других выдающихся вологжан, из Эрмитажа - материалы эпохи Ивана Грозного и Петра I. Характер этих просьб свидетельствовал об историко-краеведческом подходе к комплектованию будущей коллекции. Но оба музея

этих заявок так никогда и не выполнят. Кроме этого директор Вологодской областной картинной галереи пишет в организацию «Всекохудожник» (будущий Художественный фонд СССР): «ВОКГ официально существует и находится в стадии организации - пока все здание свободно, поэтому просим направить выставку подобно той, которая проходила весной этого года» (имелась в виду выставка 1952 года, организованная под эгидой краеведческого музея, так как галерея еще не была учреждена).

Первое время, пока отсутствовали экспонаты, галерея проводит выставки из репродукционного материала по историко-патриотической тематике, что больше соответствовало профилю краеведческого музея, но зато полностью отвечало идеологическим задачам того времени: «29 лет без Ленина под руководством Сталина», «Ленин и Сталин в изобразительном искусстве», «Жизнь и деятельность Сталина», «Женщина в СССР». Была прочитана лекция «Чапаев - герой гражданской войны», в школе № 8 проведены беседы о творчестве И.Е. Репина и И.И. Левитана.

В ноябре из отдела по делам искусств Вологодского облисполкома в галерею передают коллекцию из 59 картин вологодских художников. Это было первое поступление экспонатов в новый музей. Картины, выполненные в Вологде по заказу товарищества «Художник», не отличались высоким профессиональным уровнем, поэтому позднее по приказу Министерства культуры РСФСР их передали из ВОКГ в различные районные учреждения культуры.

25 ноября в областном отделе по делам искусств было принято решение о проведении областной выставки самодеятельного творчества. Для подготовки была создана специальная комиссия во главе с директором Дома народного творчества О.Е. Бадаевым. Членами комиссии стали председатель товарищества «Художник» А.Д. Хрусталева, председатель Вологодской организации Союза художников РСФСР Н.И. Крюков, директор картинной галереи и другие. Облсовпроф заключил с галереей договор и перевел на все виды работ 5000 рублей. 28 декабря 1952 года состоялось открытие первой в истории картинной галереи выставки.

Выставка включала два раздела. В первом зале экспонировались произведения профессиональных мастеров товарищества «Художник» и Вологодской организации Союза художников РСФСР, во втором и третьем залах - работы художников-любителей рабочих и служащих и членов их семей. Всего участвовало 180 авторов-любителей из 13 районов Вологодской области. Они прислали 478 произведений, из них 98 живописных работ, 132 графические, 7

скульптурных, 241 предмет декоративно-прикладного искусства. Особенно много было кружева и вышивки. Надо вспомнить, какое огромное распространение в 1950-е годы имела вышивка среди женского населения, а кружево в крае плели исстари. Выставка пользовалась большим успехом, поэтому ее не закрыли 25 января, как планировали, а по просьбам зрителей продлили до 3 марта.

Вологжане и гости города заполнили целый альбом восторженными отзывами. Среди них были и лаконичные мнения знатоков: «Эта выставка лучше в несколько раз, чем предыдущая в 1949 году, но много и сырых работ». Особым успехом у публики пользовались скульптурная группа «Сказки Пушкина» В.И. Поповой - диктора Вологодского радиокомитета, «Автопортрет» А.Н. Буракова - художника-оформителя из Красавинского клуба, «Волго-Донской канал» Г.А. Азова - начальника отдела Вологодского судоремонтного завода. Для удобства посетителей галерея работала до 21 часа. С 16 часов на выставке дежурил консультант, который давал необходимые разъяснения и проводил экскурсии. Выставку посетило 32 тысячи человек, состоялось 136 экскурсий. Организация выставки отличалась высоким уровнем - были изданы каталог и афиша, по областному радио прошли информации об открытии, ходе работы и итогах. В газете «Красный Север» поместили статью «В картинной галерее в предвыборные дни». Но были и недостатки, они касались помещения галереи. Зрители отмечали слабое освещение, бедность оформления, неуютность, холод в залах, где температура не поднималась выше +10 градусов.

По итогам выставки прошли две конференции. По разделу самодеятельного творчества ее проводил Дом народного творчества. Были отмечены достоинства и недостатки работ, авторам даны методические рекомендации. Лучшие произведения были направлены на Всесоюзную выставку самодеятельного творчества в Москву, а после нее работы Г.М. Азова (Вологда), С.М. Смирнова (Чибсара), М.М. Кудрявцева (Кичменгский Городок) закуплены для Вологодской галереи. Многие художники-любители переписывались с галереей, один из них на предложение продать работу ответил: «Продавать считаю недостойным» и просил только оплатить материал и раму.

Профессиональный раздел выставки рассматривался на конференции 19 марта. На нее приехали специалисты из «Всекохудожника» - искусствовед Борунова и художник Костин. От вологжан с докладом выступил Н.И. Крюков.

В марте 1953 года заявки Вологодской галереи, наконец,

начинают исполняться. Комитет по делам искусств при Совмине РСФСР передает «Портрет Сталина» работы Н.Ф. Титова и А.С. Пруцкого, а также комплект эстампов советских художников.

Слух о появлении новой галереи распространяется за пределы области и приходят разнообразные предложения. Так, из Ленинграда некий И.Д. Захаров, возглавляющий изостудию, предлагает написать для галереи картины на военно-морскую тематику. Из-за отсутствия средств от предложения отказались.

После закрытия выставки в залах галереи начинается плановый ремонт и сразу же намечается план мероприятий по культурному обслуживанию колхозников в период весенне-полевых работ. По колхозам Вологодского района с чтением лекций и беседами ездили директор галереи А.Д. Хрусталева и художник И.И. Крюков. Так с самого начала существования картинная галерея Вологды активно сотрудничала с местными художниками, и это станет характерной чертой ее деятельности и в будущем.

Руководители культуры области и сама картинная галерея планировали 1 мая 1953 года торжественно открыть этот новый в крае музей как постоянно действующее учреждение со стационарной экспозицией художественных произведений. Но, как писал в объяснительной записке директор, причинами, не позволившими это сделать, стали неудачное распределение штатного состава и отсутствие лимитов на ремонт. Но причина заключалась и в том, что открывать галерею было не с чем - не было картин. Вернее, их скудное количество не могло заполнить залы, да и качество оставляло желать лучшего. Краеведческий музей не торопился передавать галерее произведения изобразительного искусства, как было решено ранее. Поэтому была назначена комиссия по отбору картин, а открытие галереи перенесено на 25 сентября.

В начале сентября в здании бывшего Воскресенского собора работала комиссия по приемке ремонта. В докладной записке старшего инженера сообщалось, что ремонтные работы задержаны, качество их низкое, допущен перерасход средств. Изготовлено 12 стендов для развески картин общей площадью 180 кв. метров. Открывать в таком состоянии галерею нельзя - таково было заключение комиссии.

11 сентября управление культуры при Вологодском облисполкоме (бывший отдел по делам искусств) приказом № 59 назначило на должность директора ВОКГ Семена Георгиевича Ивенского. Это был молодой специалист, выпускник Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина по факуль-

тету истории и теории изобразительного искусства, специально распределенный в Вологду для работы в новой галерее. С его появлением работа здесь значительно активизируется и, благодаря его 20-летней деятельности на посту руководителя, приобретает свои основные черты, характеризующие ее и поныне. В Вологде С.Г. Ивенский вырос в большого ученого, крупнейшего в СССР специалиста по такому своеобразному и малоизученному виду графики, как экслибрис. Благодаря Ивенскому в Вологде в 1960-е годы начнется бурное развитие графики, ставшее заметным явлением в советском изобразительном искусстве.

Готовясь к открытию галереи, новый директор и научный сотрудник К.Н. Федотова ведут утомительную переписку с музеями о передаче картин, в частности, с московскими учреждениями культуры о передаче картины вологодского художника Н.И. Крюкова «Вологодские кружевницы», закупленной «Всекохудожником» для галереи. Вместо отправки полотна в Вологду, как было постановлено Министерством культуры РСФСР, его незаконно продали в московский кинотеатр на Арбате. С.Г. Ивенский грозился обратиться к заместителю министра культуры РСФСР. Он писал: «Эта картина - единственное жанровое полотно советского периода и ее наличие в экспозиции крайне необходимо». В результате 28 октября картина поступила в галерею.

Для улучшения работы галереи заместитель начальника управления культуры Вологодского облисполкома просит директора краеведческого музея передать из их библиотеки книги по изобразительному искусству, так как в галерее всего 14 книг. Эта просьба была выполнена.

В конце 1953 года Вологодская картинная галерея делает свой первый отчет. В результате собирательской деятельности формируется небольшая коллекция, насчитывающая 375 экспонатов, из них 233 - произведения живописи, 83 - графики, 9 - скульптуры, 9 - декоративно-прикладного искусства, 41 предмет мебели, 449 книг. Можно было говорить о трех разделах: советского искусства, русского дореволюционного и западно-европейского. Но уровень экспонатов, за некоторыми исключениями, был невысок. Произведения поступали от закупочного фонда Министерства культуры РСФСР, Вологодского краеведческого музея, управления культуры Вологодского облисполкома, бывшего товарищества «Художник». Первые дары поступили из Ленинграда от искусствоведа П.Е.Корнилова, многолетнего друга и помощника галереи, и художника-графика П.П. Белоусова. В течение года читались лекции: К.Н.Фе-

дотовой - «Ленин и Сталин в искусстве», «Русская жанровая живопись», «Творчество С.А. Коровина»; С.Г. Ивенским - о творчестве И.И. Левитана, А.И. Куинджи, К.П. Брюллова, А.А. Иванова, В.Г. Перова, И.Е. Репина, В.И. Сурикова, по марксистско-ленинской эстетике. В конце года в залах была построена постоянная экспозиция.

В декабре специальная комиссия составила акт о готовности галереи к открытию. Перечислим наиболее важные пункты из этого документа. 1) Главный пробел в экспозиции - слабо представлена советская живопись, нет серьезных полотен на важные темы, в результате получается сильный разрыв между профессиональным уровнем дореволюционной и советской живописи. 2) В дореволюционном разделе нет картин выдающихся художников - И.Е. Репина, В.И. Сурикова, В.Г. Перова, И.И. Шишкина. Нет картин на темы борьбы против социальной несправедливости в царской России. 3) В разделе «Русский Север» нет картин В.В. Верещагина. 4) Слабо освещение залов, поэтому обязать «Водосвет» дать в галерею необходимое количество электроэнергии. 5) Плохое отопление, наладить работу печи. 6) Улучшить интерьер - выделить ковры и дорожки; монументальной скульптурой выделить центр среднего зала, поставить дополнительно пять диванов, повесить люстру. 7) После открытия галереи в витринах размещать выставки из репродукций, посвященные памятным датам. Проводить выставки вологодских художников. 8) Вологодскому облисполкому обратиться с письмом в Совмин СССР и ЦК КПСС о выделении для ВОКГ произведений дореволюционного и особенно советского искусства.

Все начало 1954 года идет лихорадочная подготовка к открытию галереи, продолжается настойчивая переписка с крупнейшими музеями страны и министерствами культуры на предмет передачи произведений.

И вот, наконец, день долгожданного открытия приблизился. По радио звучит информация о предстоящем событии, сообщается о том, какие произведения увидит зритель. 12 февраля волнующее событие происходит. Интерьер бывшего Воскресенского собора делился на три зала. В первом зале, на самом видном месте экспонировалось авторское повторение хрестоматийной картины А.М. Герасимова «Ленин на трибуне». Рядом - «Портрет Сталина» Н.Ф. Титова и А.С. Пруцкого, «Вологодские кружевницы» Н.И. Крюкова, графические работы П.П. Белоусова, П.А. Шиллинговского и других советских авторов. Во втором, самом большом зале,

располагался раздел русского дореволюционного искусства. Его украшали картины П.С.Тюрина, пейзажи маринистов, картина В.Е. Маковского «Иконописец», пейзажи И.И. Левитана и В.Д. Поленова, натюрморт В.А. Серова. Отдельный стенд был посвящен Русскому Северу, знакомя с пейзажами А.А. Борисова, Ф.М. Вахрушова, Д.Э. Мартена, Л.Ф. Пицалкина. В третьем зале размещались произведения западно-европейской живописи и скульптуры XVII - XIX веков мастеров голландской, фламандской, французской, швейцарской, итальянской школ. Всего в галерее экспонировалось 140 произведений живописи, 57 - графики, 8 скульптуры. По поводу состоявшегося открытия в газете «Красный Север» была помещена статья с фотографией, на которой видим посетителей, любующихся картиной Н.И. Крюкова «Вологодские кружевницы», она надолго станет «гвоздем» советского раздела.

Но и после официального открытия продолжается активная работа по комплектованию фонда произведений. Директор едет в крупные художественные музеи Горького и Саратова и отбирает там довольно представительную коллекцию. Третьяковская галерея и Музей изобразительного искусства им. А.С. Пушкина в Москве передают в Вологду небольшие коллекции живописи и графики. От Министерства культуры СССР поступает скульптура советских авторов. Это «Ленин» М.Г. Манизера, «Зоя десятиклассница» З.С. Ракитиной, «Дочь Кореи» Д.Ю. Митлянского и Н.В. Богусевой.

В течение года в галерее организовывались выставки из репродукций, посвященные памятным датам из жизни В.В. Верещагина (1842-1904), В.Д. Поленова (1844-1927), Леонардо да Винчи (1452-1519), проведены творческие вечера, а к выставке Леонардо да Винчи издан буклет с репродукциями.

Весной 1954 года в Вологодскую область приезжает лауреат Сталинской премии художник Николай Иванович Ромадин. Он посещает деревню Ершово под Вологдой, а в мае командировается Художественным фондом СССР в Тотемский район для работы над пейзажами для Всесоюзной выставки в Москве. В результате появились прекрасные картины, несколько из них позже поступили в Вологодскую галерею. Общение научных сотрудников галереи, а их к тому времени уже двое, с этим выдающимся живописцем, пейзажистом-лириком и человеком тонкой души было чрезвычайно важно.

В это же время у галереи начинается переписка с народным художником СССР Анной Петровной Остроумовой-Лебедевой. В ВОКГ уже была акварель художницы «Сеговия» из испанской

серии, попытки же приобрести знаменитые ксилографии не приводили к успеху. Тогда С.Г. Ивенский обращается прямо к прославленному автору. В результате она согласилась подарить Вологде несколько цветных ксилографий с видами Петербурга. Вот что писала художница: «Картинную галерею в Вологде я знаю, так как много лет назад в ней устраивались выставки, на которых я участвовала, и очень рада, что эта галерея возрождается силами молодого коллектива». (Анна Петровна имела в виду выставки Северного кружка любителей изящных искусств в 1900-х годах). Художник дает советы, как надо экспонировать графику, которая не переносит пыли и солнечного света. Ивенский в свою очередь подробно сообщает, как оформляется и экспонируется в галерее графика. После получения от Остроумовой-Лебедевой трех ксилографий директор сообщает, что работы скоро войдут в экспозицию и рассказывает, что «слева от Ваших работ - акварели Е.Е. Лансере и масло Н.П. Ульянова, справа - К.Ф. Богаевский: «Воспоминание о Мантенье» и «Деревья в Крыму». Анну Петровну приглашают в гости.

Другим важным событием в 1954 году стала выставка «Западно-европейская гравюра XVI-XIX веков» из гравюрного кабинета Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Выставка была организована Дирекцией художественных выставок и панорам и побывала до Вологды в Кирове и Архангельске. Трудно переоценить значение этой грандиозной выставки, даже сегодня, в конце века, она видится событием чрезвычайным. Поражает качество представленного материала. Что же касается организации выставки, то она стала образцом для таких мероприятий на многие десятилетия.

Было привезено 189 подлинных гравюр на металле и литографий 30 зарубежных авторов. Назовем лишь самые прославленные имена: Альбрехт Дюрер - 6 резцовых гравюр («Портрет Меланхтона», «Блудный сын»), Альбрехт Альтдорфер - резцовая гравюра («Сатиры и нимфы»), Петер Пауль Рубенс - офорт («Святая Екатерина»), Антонис ван Дейк - резцовая гравюра (портреты), Адриан Остаде - 6 офортов (жанровые сцены), Рембранд ван Рейн - 12 офортов («Автопортрет с Саскией», «Нищие у дверей»), Жак Калло - 12 офортов из серий: «Каприччи», «Бедствия войны», «Балли», иллюстрации; Джованни Тьеполо - 3 офорта, Антонио Каналетто - 3 офорта («Окрестности Венеции»), Джованни Пиранези - 8 резцовых скульптур из серий: «Темницы», «Гробницы».

Для организации выставки такого масштаба прибыли искус-

ствоеды Евгения Злотник и Варвара Турова. Они привезли каталоги, афиши, листовки, пригласительные билеты. На основе их плана начальник управления культуры издал приказ, по которому и шла вся работа. По почте было разослано 500 приглашений по специально составленному списку; подписчики газет и журналов получили 3000 листовок с рекламой выставки; через «Вологодсправку» было распространено 100 афиш, и 150 афиш - через специально взятых на работу рассыльных. У главного моста и на вокзале установили рекламные щиты, а в центре города укрепили транспарант; в галерее установили трехметровый стенд с текстом. В двух ведущих кинотеатрах перед началом сеансов на экране шла световая реклама. В киосках и театральных кассах распространили еще 3000 листовок по выставке. По радио и в газете «Красный Север» перед открытием была дана информация, позже в газетах «Красный Север» и «Сталинская молодежь» появились статьи Е.Злотник. Сотрудники галереи выходили в организации, учреждения, на предприятия с рассказом о предстоящей выставке. К.Н. Федотова и И.М. Рупышева были подготовлены для проведения экскурсий. Работы разместили в лучшем центральном зале под куполом. Экспозицию дополнили скульптурой, фарфором, декоративной мебелью из музея. Праздничный характер выставке придавали цветы.

30 мая состоялось торжественное открытие. Для удобства посетителей часы работы галереи были передвинуты к вечеру: с 11.30 до 19.30. Выставка была продлена до 4 июля. В результате ее посетило 6 230 человек, проведено 50 экскурсий и 93 консультации, продано 400 каталогов. Отмечался высокий уровень экскурсий И.М. Рупышевой. Вот что писала из Москвы директор выставки Е.Злотник коллегам из Вологды: «Капитолина Николаевна и Ирмочка! Дорогие девушки, большое спасибо вам за ваше старание и настоящее патриотическое отношение к порученному вам важному делу. Ваше письмо-отчет читала Макарову (зам. начальника дирекции выставок) - он доволен. Я думаю - вам пригодится работа по этой выставке - будете настоящими знатоками к следующей выставке». Так оно и вышло.

А уже 15 августа в галерее работала новая передвижная выставка «Произведения советских художников с Всесоюзных выставок». Было показано 200 произведений живописи, графики, скульптуры мастеров старшего и среднего поколений, выпускников московских и ленинградских художественных вузов. В центре главного зала был установлен проект памятника героям «Молодой гвардии» В.И. Мухиной; рядом экспонировались картины А.М.Ге-

расимова («Портрет артиста И. Москвина»), Ф.П. Решетникова, А.П. Бубнова, В.П. Ефанова; иллюстрации Кукрыниксов к роману А.М. Горького «Мать», А.М. Каневского - к повестям Н.В. Гоголя, Е.А. Кибрика - к русскими былинам; рисунки Г.С. Верейского; скульптуры Н.В. Томского, М.Г. Манизера - классиков советского искусства. Выставку отличал многонациональный состав ее авторов: С.Х. Юнтунен из Карелии, И.И. Бокшай с Карпат, А.Я. Калныньш из Латвии, Л.В. Кабачек из Молдавии. Было проведено 95 экскурсий, а всего выставку посетили 10 657 человек.

В ноябре постоянная экспозиция галереи значительно пополнилась за счет поступлений из музеев и от министерств культуры РСФСР и СССР работ И.К. Айвазовского «Лунная ночь» и «Корабли штилюют», Л.Ф. Лагорио «Ялта», М.К. Клодта «Сосновый лес», К.Е. Маковского «Женский портрет», А.К. Саврасова «Зима», В.Т. Тимофеева «Девочка с ягодами», Н.Н. Дубовского «Море», И.Д. Каширина «Портрет Кузьминой-Карававой», Ф.С. Журавлева «Отдых на сенокосе», В.Н. Бакшеева «Березовая аллея», Н.Г. Чернецова «Мужской портрет» и «Грот в окрестностях Рима», С.А. Коровина «Этюд старика крестьянина», Ю.Ю. Клевера «Зимний пейзаж», К.А. Трутовского «Малороссийская девушка», А.А. Борисова «Полночь на Мурмане», И.М. Прянишникова «У тихой пристани», Д.Г. Левицкого «Портрет неизвестного», П.И. Петровичева «Пейзаж», Л.В. Туржанского «В полдень» и «Интерьер». В советском разделе появились: «Натюрморт с крабами» И.И. Машкова, «Вечер в ауле» С.А. Чуйкова, «Весна в Михайловском Н.И. Ромадина, «Начальник порта» Г.М. Шегаля. Всего экспозиция дополнилась 34 работами.

Но не все шло так успешно. Русский музей, несмотря на распоряжение Министерства культуры РСФСР, не передает галерее картины И.Е. Репина «Портрет М. Антокольского» и А.И. Куинджи «Днепр», желая произвести обмен этих произведений на иконы, считая, что они принадлежат галерее, а не краеведческому музею.

Имеются и другие проблемы. 27 июля 1954 года из галереи было отправлено письмо заместителю министра культуры РСФСР. Вот что писал С.Г. Ивенский: «В ближайшие дни в галерее будет открыт отдел допетровского искусства, поэтому предстоит закрыть экспозицию западно-европейского искусства. Помещение фондов крайне тесно. В галерее нет места для лектория, нет кабинета для научных сотрудников, плохое освещение, а само помещение бывшего собора плохо приспособлено для экспонирования картин и рисунков». Он просил выделить сумму на проектирование строи-

тельства нового здания для галереи. Здание должно быть двухэтажное, прямоугольное, достаточно освещенное, с помещениями для фондохранилищ, кабинетов сотрудников и подсобными. Надо отметить, что галерея в ту пору занимала только верхний этаж Воскресенского собора. Поэтому фонды, библиотека и сотрудники размещались в узком небольшом помещении.

В 1954 году штат галереи пополняется двумя научными сотрудниками. Ими становятся Ирма Михайловна Рупышева и Валентина Андреевна Хвиц, которая поступает на заочное отделение института им. И.Е. Репина.

Коллектив Вологодской областной галереи вступал в новый период своей истории.

Публикации

НКВД И СПАСЕНИЕ АНСАМБЛЯ ВОЛОГОДСКОГО КРЕМЛЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История органов госбезопасности является одной из наиболее актуальных проблем критического переосмысления отечественной истории. Если до так называемых «перестроечных времен» советские чекисты традиционно изображались людьми героического подвига, рыцарями без страха и упрека, то в последние годы превалирует (во многих случаях не без основания) освещение их деятельности в исключительно черных тонах. К сожалению, в угоду политической конъюнктуры даже работа известных разведчиков за рубежом в некоторых средствах массовой информации объясняется не столько патриотическим служением профессиональному долгу, сколько безысходностью ситуации, в которую вовлекал этих людей водоворот событий в собственной стране.

Замалчиваются в последнее время деятельность пограничных войск, участие полков, дивизий и истребительных батальонов НКВД в обороне Москвы, Ленинграда, других городов. Куда охотнее пишут публицисты о зловещей роли НКВД в депортации народов России, «забывая», что политическое решение на этот счет принималось только на правительственном уровне и далеко не всегда инициаторами акций по выселению народов являлись «компетентные органы». Равным образом упускается из виду то обстоятельство, что в операциях по депортации немцев, чеченцев, ингушей, эстонцев, финнов и т.д., их расселению в новых местах проживания были задействованы и регулярные части Красной армии, и руководители предприятий, и множество других административных структур.

Между тем исторический процесс многомерен, и задача исследователя состоит в том, чтобы непредвзято осмыслить события прошлого, тщательно и по возможности максимально объективно проанализировать крайне противоречивую историю органов госбезопасности в период 1941-1945 годов. Славной страницей деятель-

ности вологодских чекистов, к примеру, навсегда останутся радиоигры с Абвером под кодовым названием «Хозяин» (о подробностях этой радиоигры, получившей самую высокую оценку в Москве, в августе 1998 года было рассказано в телепередаче «Совершенно секретно»). Не менее успешно вели вологодские чекисты борьбу с вражескими диверсантами на железной дороге. Отважно защищал Оштинский рубеж истребительный батальон НКВД. Вместе с тем такие факты, как нарушение уголовно-процессуальных норм, фабрикация дел об антисоветской пропаганде и агитации, о несуществующих националистических центрах и т.п., как показывает изучение архивных документов, также имели место.

* * *

Было бы соблазнительно поведать читателю в рамках заявленной темы историю о том, как наши органы госбезопасности в самый последний момент обезвредили матерого немецкого шпиона, вознамерившегося взорвать Софийский собор в Вологде. Однако вологодские чекисты спасали храм не от фашистов, а от бескультурья, невежества, небрежения к историко-культурному наследию предков.

Все нюансы позиции органов НКВД по отношению к памятникам истории и культуры России в годы Великой Отечественной войны еще предстоит изучить. Однако уже сегодня можно говорить о том, что в период 1941-1945 гг. деятельность органов НКВД-НКГБ в данном вопросе по сравнению с более ранним периодом претерпела существенные изменения. На смену негативному, в лучшем случае меркантильному отношению государства к историческим памятникам и культовым сооружениям приходит продиктованное внутриполитической обстановкой стремление уберечь от варварского разрушения уникальные памятники старины.

Уже в первые месяцы войны некоторые музеи Вологды были закрыты. Так, 8 ноября 1941 г. по постановлению Вологодского бюро ВКП(б) прекратил принимать посетителей музей-домик товарища Сталина. Несколько иная ситуация сложилась в Вологодском областном краеведческом музее. Расположенные рядом с ним Софийский собор и прочие архитектурные сооружения были отданы под нужды складов НКО № 281 и № 282. Однако если домик-музей И.В. Сталина был закрыт после «тщательной упаковки ценных экспонатов и организации их надежной охраны», то Вологодский

кремль ждала иная судьба. По прошествии нескольких месяцев архитектурные сооружения, фрески Софийского собора, многие музейные экспонаты, церковная утварь оказались под угрозой полного уничтожения. Командование военного ветеринарного склада по поводу уникального памятника старины высказывалось однозначно: «Что ваш музей! Ерунда! Ваше барахло нам мешает» (см. док. № 1).

6 мая 1942 г. из-под пера начальника управления НКВД по Вологодской области майора Л.Ф. Галкина и одного из его заместителей появляется служебная записка, адресованная первому секретарю обкома ВКП(б) Б.Ф. Николаеву и председателю облисполкома А.Д. Абрамову, в которой позиция руководителей ветеринарного склада подвергается резкой критике и делается вывод о том, что «варварское отношение работников складов НКО к народному достоянию грозит серьезными последствиями и может привести к гибели памятника большого исторического значения и ценности».

А теперь задумаемся, что заставило сотрудников НКВД выступить против командования Красной армии, в частности, против помощника начальника тыла Стрельцова, в лице которого начальник склада № 281 некто Гейвин нашел полное понимание и поддержку?

Не будем, разумеется, сбрасывать со счетов такую фигуру, как начальник УНКВД Л.Ф. Галкин. Последний пришел на работу в «компетентные органы» в 1938 году, имел высшее образование и, по некоторым свидетельствам, являлся человеком «интеллигентного склада ума». Однако существовало еще одно, гораздо более весомое обстоятельство, руководствуясь которым, вологодские чекисты проявили твердость и принципиальность. Как известно, советская пресса постоянно подчеркивала варварское отношение фашистских войск к памятникам истории и культуры нашей страны. К примеру, еще в 1941 году газеты опубликовали материалы о разрушенной, загаженной немцами Новгородской Софии. Между тем на глазах вологжан творилось нечто подобное - архиерейский двор был полностью занавожен, пушку петровских времен низвергли с пьедестала в грязь, стены храма быстро разрушались. Особо оскорбляли чувства верующих выставленная на улицу плащаница* (см. док. № 2).

---

* Плащаница - полотнище с изображением тела Иисуса Христа после снятия его с креста. В пятницу перед Пасхой торжественно выносилось из алтаря на середину храма для поклонения верующих.

Наряду с докладной в адрес Вологодского городского комитета обороны областные органы НКВД сочли необходимым поставить в известность о существующем положении дел с Софийским собором представителя Наркомпроса.

В конечном итоге конфликт между тыловой службой РККА и УНКВД был разрешен компромиссным путем. По требованию Вологодского комитета обороны создается специальная комиссия, в состав которой вошли председатель горисполкома, городской прокурор, заведующий облоно и его заместитель, заместитель директора музея. Комиссия пришла к выводу о том, что работники склада НКО, действительно, безобразно эксплуатировали переданные им помещения. Софийский собор должен быть освобожден, ему предстоит стать «очагом активной политической и образовательной работы». Что касается остальных сооружений ансамбля Вологодского Кремля, то они частично остаются за складом НКО, его командованию потребуется лишь «навести вокруг зданий и на площади должный порядок».

О компромиссном решении вопроса говорит и тот факт, что другое культовое сооружение - церковь Андрея Первозванного посчитали возможным использовать под склад НКО № 282. Это вопреки наметившемуся в годы войны союзу между государством и русской православной церковью: союзу, в частности, нашедшему воплощение в открытии новых приходов и более лояльном отношении к уже существующим.

Комментарий и публикация доктора исторических наук,
профессора Вологодского института развития образования
В.Б. Коносова.

№ 1.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ УНКВД ПО ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ ОБ
УЩЕРБЕ, НАНЕСЕННОМ АРХИТЕКТУРНОМУ КОМПЛЕКСУ
ВОЛОГОДСКОГО КРЕМЛЯ ТЫЛОВЫМИ СЛУЖБАМИ
КРАСНОЙ АРМИИ, НАПРАВЛЕННОЕ ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ
ВОЛОГОДСКОГО ОБКОМА ВКП(Б) Б.Ф. НИКОЛАЕВУ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЛИСПОЛКОМА А.Д. АБРАМОВУ

6 мая 1942 г.

В управлении НКВД по Вологодской области имеются материалы, свидетельствующие о том, что в связи с размещением в Вологодском музее (Кремль) складов НКО № 281 и № 282 музеем и его фондам наносится непоправимый ущерб.

Можно привести следующие факты.

При размещении складов НКО в Софийском соборе работниками ветеринарного склада углами ящиков с товарами повреждены художественные фрески работы известных ярославских мастеров Плехановых.

В помещении главного корпуса сломаны все стены музея; не соблюдаются необходимые температурные условия, развивается сырость, что портит ценные экспонаты музея и разрушает само музейное здание.

Из помещения музея на лестницу выброшены ценные экспонаты.

В Иосифовском корпусе причинен ущерб нескольким залам.

С музейным двором, представляющим собою историческую ценность, работники складов НКО совершенно не считаются - во дворе сбита с пьедестала пушка, повреждены мостовая и тротуар, совершенно уничтожены колумбарии.

От тяжеловесных грузовых машин, разъезжающих по двору Кремля, древние постройки, требующие особых условий хранения, подвергаются вредным сотрясениям, менее стойкие детали архитектуры обламываются.

Работники складов НКО буквально варварски относятся к музею и его фондам. Особо этим отличаются руководители ветеринарного склада № 281 (начальник склада Гейвин). От Гейвина и его заместителя Горохова работники музея часто слышат: «Что ваш музей! Ерунда! Ваше барахло нам мешает».

На практике это выливается в совершенно недопустимое отношение к историческим ценностям музея и в разные ухищрения для создания невыносимых условий работы музея.

Так, например, несмотря на наличие достаточного количества выходов в Кремле, Гейвин потребовал от музея открыть ворота в Кремль над упраздненной надвратной церковью и через управление пожарной охраны добился наложения на директора музея штрафа в сумме 300 руб. В то же время раскрытие ворот, не открывавшихся в течение нескольких десятков лет, и выезд через эти ворота машин ведут к быстрому разрушению стен Кремля.

Со стороны руководства складов НКО имеют место постоян-

ные попытки различного рода построек и перестроек помещений и зданий Кремля, без какого бы то ни было учета необходимости сохранения его архитектурного ансамбля, представляющего собой, как известно, уникальную историческую ценность.

В то же время Вологодский Кремль, архитектурный ансамбль «Архиерейского дома» с Софийским собором, имеющим редчайшие росписи на стенах и ряд таких памятников, как корпус с крестовой церковью (XVII век), надвратная церковь (XVII век), Воскресенский собор, вслед за памятником Новгородского музея (кстати, последний разрушен фашистами) представляют собой большую историко-архитектурную ценность, в первую очередь как памятники древнерусского искусства, известные далеко за пределами СССР, и требуют самого тщательного сбережения и широкого использования в политико-просветительных целях.

16 апреля 1942 г. в музей явилась комиссия в составе помощника начальника тыла Стрельцова и старшего политрука Бойко, которая «авторитетно» заявила, что музей вообще «выселяется» из помещения Кремля, так как допуск посторонних лиц в Кремль невозможен. При этом было заявлено, что «выселение» музея из помещений Кремля согласовано с обкомом ВКП(б).

Так или иначе, размещение складов НКО в здании Кремля, уже принесшее значительный ущерб ценностям исторического значения, усугубляющий варварское отношение работников складов НКО к народному достоянию, грозит дальнейшими серьезными последствиями и может привести к гибели памятника большого исторического значения и ценности.

Сообщаем для сведения и принятия мер.

Начальник управления НКВД по Вологодской области майор государственной безопасности Галкин

Начальник СПО* УНКВД ВО старший лейтенант государственной безопасности Ковригин

Архив УФСБ ВО. Ф.1пх. Оп.5. П.17. Л.56-57 об.

Подлинник. Машинопись.

---

* СПО - секретно-политический отдел.

№ 2.

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КОМИССИИ ПО ОБСЛЕДОВАНИЮ
СООРУЖЕНИЙ ВОЛОГОДСКОГО КРЕМЛЯ, НАПРАВЛЕННАЯ В
ВОЛОГОДСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ**

15 мая 1942 г.

Вологодский Кремль является уникальным историческим памятником всесоюзного значения.

Особенно значительную научно-историческую и художественную ценность имеет Софийский собор - памятник зодчества и живописи XVI века. Авторство проекта приписывается А. Фиораванте или одному из его учеников.

Внутренние стены собора расписаны народными ярославскими живописцами сюжетами на библейские темы.

Шедеврами народной живописи являются фрески «Страшный суд» и «Вселенские соборы». В соборе имеется иконостас - памятник XVII века. Собор построен по указу Ивана Грозного, постройка осуществлялась под его личным наблюдением.

В настоящее время собор занят военным складом № 282.

В результате использования собора под склад имеют место угрожающие для сохранности памятника разрушения.

Железная ограда на кирпичном цоколе местами совершенно разрушена. В вестибюле собора выбиты стекла, поломаны двери (в настоящий момент они забиты фанерой).

В одном из вестибюлей собора открыт продуктовый ларек. Уже в самом начале его существования испорчены на дверях фрески.

В результате передвижения тяжелых и больших по размерам грузов на живописи в алтаре сделана царапина размером в один метр. Местами протерта фресковая живопись, стерты надписи. В стены самовольно вбиты крюки для огнетушителей, чем также нанесен ущерб росписи.

Имеющиеся в соборе экспонаты частью поломаны, частью выкинуты на улицу (архиерейская карета, резные ворота XVII века, плащаница).

Плащаница самовольно поставлена на видное место у входа в собор, что может оскорблять религиозные чувства верующих и таким образом послужить предметом вредных враждебных разговоров.

В целях охраны уникального исторического памятника необходимо перенести военный склад из здания собора в другое помещение. Собор представляет большой музейный интерес, а поэтому перенос склада откроет в него доступ для обозрения.

В помещении собора могут быть развернуты выставки, кроме того, не будет исключена возможность восстановления маятника Фуко, который ранее размещался в соборе.

В связи с занятием Кремля под военный склад областной центр не имеет музея, который мог бы послужить очагом активной политической и образовательной работы.

Учитывая научное значение Софийского собора, Наркомпрос в лице заместителя наркома просвещения тов. Гаврилова поставил вопрос перед облисполкомом о переносе из здания собора военного склада. Имущество склада по своему характеру без ущерба может подвергаться перевозкам. Частично имущество склада может быть размещено за счет уплотнения складских помещений, занимаемых в Кремле складом № 282. Кроме того, горисполком находит возможным поставить перед командованием гарнизона вопрос о передаче складу свободной в настоящий момент церкви Андрея Первозванного.

Необходимо обязать командование склада бережно относиться к музейным ценностям, по вине склада разбиты и не ремонтируются въездные ворота, разрушены значительная часть палисадника, мостки, сброшена с каменного постамента пушка петровских времен, сам постамент разрушен.

Двор музея захламлен, забит навозом. Должный порядок около зданий и на площади двора не поддерживается.

Необходимо обязать командование склада навести порядок около зданий на площади двора, произвести ремонт ворот и тротуара внутри Кремля.

Председатель горисполкома Зародов
Горпрокурор Федотов
Зав. облоно Чистяков
Зам. зав. облоно Соколов
Зам. директора музея Куропатников

ВОАНПИ. Ф.3868. Оп.1. Д.8. Л.76-78.
Подлинник. Машинопись.

V. СУДЬБА РОССИИ В СУДЬБАХ ВОЛОГЖАН

Из опыта комплектования архивов
массовыми источниками
личного происхождения

В Вологодской области принята и успешно реализуется программа сбора и передачи в архивы документов личного происхождения рядовых граждан «Судьба России в судьбах вологжан». Автор, главный специалист управления по делам архивов администрации области И.А.Кожевникова, один из инициаторов программы, рассказывает об истории комплектования вологодских архивов личными фондами, об особенностях этой работы на современном этапе. Рассматриваются вопросы методического обеспечения, связей с добровольными помощниками архивистов и средствами массовой информации.

И.А. Кожевникова,
главный специалист управления
по делам архивов администрации
области

ИСТОРИЯ И ДРЕВО ЖИЗНИ

Одно из акционерных обществ задумало отметить 25-летний юбилей своей организации. Заказало архивистам историческую справку, благо документы бывшего совхоза, на базе которого возникло общество, в 1970-1980-е годы регулярно передавались на государственное хранение. Однако на их основе воссоздать полную живую историю коллектива, узнать о характерах, судьбах, стремлениях конкретных людей оказалось невозможным. Унифицированный состав документов (планы, протоколы, отчеты) дает в распоряжение историка в основном цифры: роста площадей теплиц, урожайности овощей, финансового состояния и т.п.

К счастью, небольшой для истории организации 25-летний отрезок времени еще позволял встретиться с людьми, которые стояли у истоков зарождения хозяйства. Обратились к бывшему директору совхоза - орденоносцу, ныне пенсионеру, Юрию Евгеньевичу Уханову. От него услышали много интересного: как его, работавшего директором совхоза «Осаново», через два дня после разговора с первым секретарем обкома партии А.С. Дрыгиным заставили принять строительство тепличного комбината, как начинали работать при единственном дипломированном специалисте-овощеводке закрытого грунта, как ездили по всей стране и учились. А однажды был случай, когда посередине зимы, чуть не в 50-градусный мороз, отключилось отопление, а это для теплиц - катастрофа, и как люди, работая ночью, все-таки спасли растения. В официальных документах об этом - ни слова. Живая, бурлящая жизнь оказалась за бортом сданных в архив документов.

Воспоминания Ю.Е. Уханова, многочисленные фотографии, материалы анкетирования, которое, кстати, показало, что люди ценят традиции и, хотя жизнь резко переменилась, не желают терять то ценное, что было в прошлом, - позволили добавить новые документальные штрихи к биографии уникального овощеводческого хозяйства ЗАО «Тепличный».

И тут приходится говорить о проблеме, которая нас очень волнует. Она, в сущности, и породила программу «Судьба России в судьбах вологжан» - по сбору документов личного происхождения рядовых граждан. Архивный фонд области мало отражает общественную, профессиональную, бытовую и социальную психологию людей. Система комплектования наших архивов согласно номенклатурам делопроизводственной документации (окончательно сложилась к 1960-м годам) при усилении государственного регулирования всех сторон жизни советского человека в 1970-1980-е годы постепенно привели к выхолащиванию из документов всего «лишнего» - характерных примет времени, обстоятельств, обстановки, среди которых протекала повседневная жизнь. В первые годы советской власти недостаток подобного рода документов хотя бы частично компенсировался тем, что личностная информация была широко представлена в официальной документации. За период «развитого социализма» наши архивы стали совсем «безлюдными».

Необходимо учитывать и то, что в силу ориентации советской системы на коллективные, массовые формы сознания у советских людей не могло сформироваться привычки комплектовать, беречь личный архив, передавать его из поколения в поколение. К тому же редкие семьи в каком-либо колене не преследовались властью и не подвергались репрессиям. Все это отнюдь не располагало к открытости.

Теперь от нас уходит, да можно сказать, уже ушло поколение людей, которые прошли через революцию, коллективизацию, Великую Отечественную войну, унеся с собой «устные архивы». Из коллективной памяти народа оказались вырванными целые страницы. Восполнить их, насколько это возможно, прямой долг архивистов.

«ХРАНЕНИЕ НА ДОМУ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ...»

Небезынтересно проследить, какова была политика архивных учреждений по отношению к документам личного происхождения, начиная с декрета СНК «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Вслед за этим декретом был принят закон от 29 июля 1919 года «Об отмене частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях»¹.

Владельцам семейных и иных архивов Главархив направил

письмо о том, что «в переживаемое революционное время хранение у себя на дому семейных архивов не может гарантировать их безопасности»².

Коллегия Главархива 4 апреля 1919 года утвердила «Инструкцию для осмотра усадебных архивов»³. В ней предлагалось выявить биографические и генеалогические данные о владельце усадьбы, вступить с ним в прямые отношения (встретиться или путем переписки), собрать сведения о состоянии усадьбы и семейном и хозяйственном архиве. Инструкцией предписывалось изымать рукописные материалы, ценные книги, альбомы, фотографии и другие документы, в том числе метрические книги из церквей на территории усадьбы.

В Вологодской губернии документы личного происхождения стали откладываться в составе политической секции губернского архивного бюро, которая была создана в июле 1924 года для выявления, концентрации и приведения в порядок архивных материалов революционного характера⁴.

Специально собирали документы по истории Коммунистической партии губернские и уездные комиссии истпарта. В их материалах большое место занимали воспоминания бывших политссыльных и вологодских большевиков⁵. При этом наиболее ценные документы по требованию Центрархива РСФСР передавались в Москву. Так, в 1925-1926 годы туда были отправлены подлинные дела на отбывавших ссылку М.И. Ульянову, И.В. Сталина, В.В. Воровского, А.В. Луначарского и других⁶.

В 1926-1927 годах большое количество материалов поступило из семейного архива умершего И.Н. Суворова, первого заведующего Вологодским архивным фондом, известного краеведа и археографа. Наряду с документами его отца, не менее известного краеведа Н.И. Суворова, они составили одно из самых ценных собраний Государственного архива Вологодской области.

В 1927 году в архив на обработку поступило несколько усадебных архивов помещиков. К 1933 году в Вологодском отделении Северного краевого архивного управления находилось на хранении 9 личных архивов⁷.

В годы сталинских репрессий был нанесен большой урон составу документов личного происхождения и практике их собирания. 21 марта 1938 года Центральное архивное управление в секретном предписании архивным учреждениям обязывало их засекречивать личную переписку, исходившую от «врагов народа», их статьи и другие работы неслужебного характера. После просмотра

их специально выделенной комиссией и с санкции ЦАУ СССР эти документы могли быть уничтожены. Уничтожению также подлежали фото-, кино-, звукозаписи, в которых участвовали «враги народа»⁸.

В Великую Отечественную войну вологодские архивисты стремились собрать и сохранить свидетельства об этом тяжелом для страны времени. В 1943 году инспектор отдела госархивов УНКВД Зимина направилась в Оштинский район для сбора документов о работе истребительного батальона и групп самозащиты. 26 июня 1944 года совещание районных архивных работников рассмотрело вопрос «О комплектовании госархивов Вологодской области» и в решении записало: «Коренным образом улучшить работу по собиранию документальных материалов периода Отечественной войны: рассказов героев, награжденных, писем фронтовиков, стенных газет и других материалов»⁹.

В 1958 году было утверждено новое Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР. В состав ГАФ СССР наряду с документами государственных организаций включались и документы государственных политических и общественных деятелей советского государства, выдающихся представителей науки, техники, литературы и искусства, полученные на законном основании, а также подобные документы дореволюционного периода. Так было дано направление в комплектовании архивов документами личного происхождения: предпочтение отдавалось выдающимся личностям. Этому соответствовала и директива ГАУ¹⁰.

Тогда же началась разработка методических рекомендаций по работе с документами личного происхождения на центральном и местном уровне. Несколько таких пособий было разработано в ГАВО. Их особенностью, обусловленной административно-командной системой, явился идеологический подход к определению ценности документов личного происхождения.

В 1961 году начальник Главного архивного управления при Совете Министров СССР Г.Белов и секретарь правления Союза журналистов СССР П.Ерофеев обратились с совместным письмом с призывом развернуть среди фотокорреспондентов работу о передаче имеющихся у них фотодокументов на государственное хранение. За ними закреплялось авторское право и возможность затребовать фотонегативы во временное пользование¹¹. В Вологодской области с этой целью были обследованы редакции 12 газет, проведены семинары с фотокорреспондентами, подготовлена номенклатура дел для редакций и методические материалы¹².

На 1 января 1985 года в архивах области на учете состояло 13 держателей личных фондов. За 1981-1985 годы от них было принято 454 единицы хранения, в том числе 393 фотодокумента¹³.

Конкурентами архивистов в сборе документов личного происхождения выступили многочисленные общественные и школьные музеи. К 1989 году только школьных музеев в области насчитывалось 51¹⁴. В них было собрано много писем, воспоминаний, наградных документов ветеранов войны и труда. К сожалению, большая часть этих документов оказалась утраченной, так как музеи закрывались, а ответственные за документы лица не были определены. Отрицательным последствием нерегулируемого собирательства явилось и разрушение целостности многих личных и семейных архивов.

К концу 1980-х годов самой многочисленной группой личных фондов в архивах страны оказались фонды деятелей литературы и искусства.

В архивных учреждениях Вологодской области на 1 января 1997 года всего имелось 75 личных фондов, в том числе в ГАВО - 64, его филиале в Великом Устюге - 5, Череповецком центре хранения документации - 6. Большая часть документов - 65 фондов - относилась к советскому периоду. В основном, это были личные фонды известных земляков: писателей, поэтов, художников, краеведов, сосредоточенные, главным образом, в ГАВО.

Здесь отложились также и фонды Героев Социалистического Труда, знатных производственников и колхозников, но состав документов в них малочислен и беден. Критерии отбора документов были таковы, что в личных фондах, по-существу, не содержалось ничего личного. Это были, в основном, Почетные грамоты, извещения о созыве депутатской сессии, план агротехнических мероприятий звена и т.п. Районные архивы, как архивы переменного состава документов, вообще не принимали участия в комплектовании Архивного фонда области документами личного происхождения.

В профессиональном плане архивисты все больше ощущают отрицательные последствия тоталитарной и командно-административной системы с ее презрением к бытовой, личной стороне жизни. Сейчас, когда отечественная историография переходит от глобальной истории масс к исследованиям роли обыкновенных людей, анализу конкретных ситуаций, наполняющих человеческую жизнь, все больше возрастает потребность в источниках личного происхождения.

МЫ ДАРИМ БЕССМЕРТИЕ

В результате размышлений, изучения опыта коллег* родилась программа «Судьба России в судьбах вологжан», рассчитанная на три года (1997-1999), позволяющая соединить архивные интересы с рекламными функциями.

Дело в том, что об архивах и их роли и значении в обществе знают мало. Иной раз неосведомленность, даже официальных лиц, удручает. Однажды выяснилось, что милиционеры в некоторых районах в своих информациях руководству о положении дел на подведомственной им территории упоминали как культурные объекты с хранящимися в них ценностями только библиотеки и музеи, архивы же такой чести не удостаивались, видимо, уж слишком неприметно держались.

Это тот случай, когда скромность не украшает. Особенно сейчас, когда мы попали в рыночную стихию и должны на каждом шагу доказывать налогоплательщикам, что их средства идут на важные цели. Значит, надо уметь подать себя обществу. Время заставляет делать архивы более доступными, более близкими населению. Требуется общезначимое дело, которое может привлечь к архивам всеобщее внимание. А что может быть ближе для любого человека, чем история личной жизни и собственной семьи? Многие задумываются над тем, как запечатлеть свое время, донести до потомков свои мысли и чувства.

А что, если предложить людям своего рода услугу, если оперировать рыночными категориями, - увековечить себя. Ведь каждый человек, который оставляет в архиве на вечное хранение дневники, письма, фотографии и другие личные документы, совершает прорыв в бессмертие, потому что о нем обязательно узнают далекие будущие поколения.

При этом есть возможность решить сразу несколько задач: пополнить Архивный фонд ценными документальными источниками о людях; привлечь к этой акции все слои населения, в том числе молодежь - студентов, школьников, что будет способствовать высоким целям - преемственности и связи поколений; оказаться в центре внимания средств массовой информации.

---

* См.: История в человеке: Материалы семинара работников государственных архивов Калининской области по повышению профессионального уровня и расширению знаний по истории Верхневолжья, Тверь, 5-8 декабря 1989 г. - Тверь, 1990. - 37 с.

Осуществление проекта мы не мыслили без областного общества историков-архивистов, без авторитета его бессменного председателя, профессора Вологодского государственного педуниверситета А.В. Камкина, ученого секретаря общества доцента ВГПУ Н.И. Голиковой и других активных членов. С ними у архивных работников давно возникло взаимопонимание и налажено сотрудничество.

Программа «Судьба России - в судьбах вологжан», разработанная управлением по делам архивов совместно с областным обществом историков-архивистов на 1997-1999 годы, предусматривала организовать выявление и собирание документов личного происхождения во всех городах и районах Вологодской области.

Программа имеет ряд особенностей. Важным моментом стало то, что в отличие от установок прошлых лет наши архивы готовы принять личные документы не только о выдающихся личностях, но о любом гражданине. Представляют ли интерес для истории документы обыкновенных людей? Историческая наука ищет новые пути. Спектр исторических исследований значительно расширился, ученые все больше стали уделять внимание методам познания прошлого через частные случаи, конкретные факты и поступки людей в противовес крупномасштабной истории регионов. Сегодня мы пришли к пониманию того, что в истории человека нельзя отвергнуть тот или иной элемент как незначительный и что любой человек не зря появился на этой земле - он играет свою роль в историческом процессе. Боязнь загрузить архивы большим количеством бумаг пока что неосновательна. Физические объемы документов, поступающих от рядовых граждан, очень незначительны, этих документов попросту мало.

Еще одна важная особенность заключается в том, что архивы районного звена, ныне муниципальные, традиционно являющиеся архивами лишь долговременного хранения, включаются в процесс комплектования Архивного фонда области документами граждан с правом вечного хранения собранных ими материалов. Это резко расширяет базу и территорию поиска документов, повышает заинтересованность архивистов районного звена в этой работе. Сосредоточивая у себя документы местных жителей, формируя в перспективе родовые архивы, районные архивные учреждения могут играть более значительную роль в культурной и общественной жизни района.

Еще один из принципов программы - привлечение к ней добровольных помощников архивистов среди ветеранов и, главным образом, среди молодежи. И, надо сказать, что мы нашли едино-

мышленников среди подрастающего поколения - через школы, дома культуры, областной и районные центры детского и юношеского туризма и экскурсий, где работают отделы краеведения и поисковые группы. А привлечь их внимание мы решили с помощью архивного конкурса. Его организаторами выступили управление по делам архивов и общество историков-архивистов.

НАШИ ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОМОЩНИКИ

Целью конкурса объявили помощь школьников и студентов областным и районным архивам в пополнении Архивного фонда области документальными источниками по истории XX века, а задачами - сбор воспоминаний, дневников, писем очевидцев и участников исторических событий, документов о судьбах вологжан и сохранение для будущих поколений живых свидетельств людей XX века; привлечение педагогов и школьников области к поисково-исследовательской и архивной работе; пробуждение интереса у молодежи к жизни своих отцов и матерей, дедушек и бабушек, к истории родов и семей.

Условились, что награждение победителей будет проходить по пяти номинациям: «Жизнь прожить - не поле перейти» (за документы или комплексы документов, раскрывающих судьбы вологжан), «Там, где мы живем» (за раскрытие истории улиц, сел, деревень через судьбы живших или живущих там людей), «Участники и очевидцы» (за воспоминания или комплексы документов участников или свидетелей конкретных исторических событий или процессов), «История моей семьи» (за документальное отражение истории семьи участника конкурса), «Открытия на чердаке» (за ценные находки).

Собирание документов - процесс длительный, требующий времени и кропотливой работы, поэтому конкурс решили провести в течение 1997-1999 гг. в два этапа: сначала выявить и наградить самых активных участников, а на заключительной стадии определить победителей по количеству и качеству сданных в архивы документов.

Тут хотелось бы сделать небольшое отступление. Секретарь общества историков-архивистов Н.И. Голикова познакомила с двумя милыми молодыми женщинами - методистами отдела краеведения Вологодского областного центра детского и юношеского туризма и экскурсий Л.С. Андриановой и Л.А. Минаевой. Без них нам

не удалось бы сделать многое из того, что задумали. У Ларисы Сергеевны и Людмилы Алексеевны оказался богатый организационный и методический опыт работы со школьными краеведческими группами по всей области. Они сразу же приняли идею конкурса и помогли ее осуществить, а мы почувствовали, что архивные учреждения являются необходимым звеном в школьном краеведческом движении.

Первым совместным с отделом краеведения мероприятием стал семинар педагогов-организаторов краеведческой работы школ области, где выступали архивные работники и ученые Вологодского педагогического университета - члены общества историков-архивистов. Целый день учителя провели в Государственном архиве Вологодской области и областном архиве новейшей политической истории, побывали в архивохранилищах, узнали об их документальных богатствах. Вечером местное телевидение показало репортаж с семинара.

В конце встречи, за «круглым столом», обменялись впечатлениями. Л.А. Шавилова, учитель Куркинской средней школы Вологодского района, сказала:

- Я горячо поддерживаю программу «Судьба России в судьбах вологжан» по передаче документов в архивы. Поисковая работа у нас в районе ведется на протяжении многих лет. И сейчас мы сталкиваемся с тем, что собранное в прежние годы пропало. Иногда приходим в дом и нам говорят: «У нас уже побывали, все забрали». А где эти материалы? Спасибо за методические рекомендации. Признаться, мы не знали, как правильно записывать воспоминания. Вели краткие записи или рассказанное подавали в литературной обработке, а теперь не уточнишь - люди эти ушли из жизни.

На семинаре говорили и об этических нормах при работе с документами личного происхождения, соблюдении архивного законодательства, которое охраняет тайну личной жизни. И конечно, мы хотели, чтобы собирательская работа проходила не стихийно, а ею управляли специалисты.

Конкурс по сбору документов личного происхождения заинтересовал старшекласников. Подведение итогов первого, промежуточного этапа было приурочено к итогам конференции школьников «Мир через культуру» (март 1998 г.), организуемой департаментом образования области. Победителями стали поисковые группы и клубы из Вологды, Устюженского, Череповецкого, Никольского, Сокольского районов.

Руководство вторым этапом конкурса переместилось в райо-

ны. Оно включало в себя взаимодействие архивистов с педагогами-организаторами краеведческой работы, непосредственное консультирование в вопросах методики сбора документов и записей «устной истории». На заключительный этап вышло десять участников, в основном, поисковые группы. От них требовался отчет о работе, а от сотрудников архивов - копии сдаточной описи и экспертное заключение на сданные материалы.

В ходе конкурса в районные архивы поступили от Марковской неполной средней школы Сокольского района 32 документа, среди них - родословная семьи Лазуриных, тетрадь с записями частушек за 1934-1948 годы, бумажные деньги - керенки; от Воробьевской средней школы Сокольского района - 143 документа: воспоминания, письма, фотографии старожилов; от Теребаевской средней школы Никольского района - документы по истории Холезско-Богородице-Рождественской церкви, истории рода купцов Морозовых с видеозаписью воспоминаний, материалы об умельцах местных народных промыслов; от группы «Поиск» Фроловского дома культуры Грязовецкого района - 34 документа, в том числе фронтовой дневник местного жителя П.Н. Кочнева за 1941-1942 гг.; от историко-краеведческого кружка Устюженского Дома детского творчества - 313 документов, в том числе дневники, 118 фотографий.

Череповецкий центр хранения документации принял от учащихя секции исторического краеведения «Исток» Череповецкого Дворца творчества детей и юношества воспоминания и биографии старожилов деревень Череповецкого, Шекснинского, бывших Мяксинского, Уломского районов (об истории сел и деревень, образовании колхозов, строительстве Рыбинского водохранилища, обрядах и обычаях местных жителей).

В итоге от участников конкурса по сдаточным описям было принято более 800 документов. Победители и участники награждены дипломами с вручением диктофонов, фотоаппаратов, книг (призы приобретались на спонсорские средства), благодарственными письмами.

МЕТОДИКА ДЛЯ РАЙАРХИВОВ

Включение муниципальных архивов и школьных поисковых групп в программу «Судьба...» потребовало создания методической основы для этой работы. Первым методическим материалом стали рекомендации «Как записать и подготовить к сдаче в архив воспоминания». Они предназначались для добровольных помощников

архивистов и в то же время, вкупе с инструктивным письмом, положили начало «Справочному комплекту» для руководителей архивов. Постепенно этот комплект пополнился памяткой о порядке подведения итогов архивного конкурса, формами экспертного заключения на сданные участниками конкурса документы, отчета участников конкурса, договора о передаче документов в государственную собственность и др.

Но все-таки главным было обеспечение райгорархивов методическими рекомендациями по работе с документами личного происхождения, так как ранее эти архивы подобными документами не комплектовались. Между тем экспертиза, описание и правила хранения этих документов имеют присущие только им особенности: например, они хранятся без подшивки, применяются особые правила нумерации листов, изобразительные материалы требуют особой упаковки и т.д. В работе с документами личного происхождения нужно соблюдать не только юридические, но и этические нормы.

Методические рекомендации «Об организации работы с документами личного происхождения» были выпущены в виде двух брошюр (I и II этапы). Первая брошюра (I этап) включала разделы о работе с фондообразователями, о составе документов и схеме их систематизации, а также основные правила учета, хранения и использования документов личного происхождения. Вторая брошюра (II этап) посвящена фондированию документов и их описанию. В основу методики для горрайархивов положены «Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения (литература и искусство)» (М., 1990). Задача составителя заключалась в том, чтобы представить в пособии для районных архивистов основные принципы работы с документами личного происхождения и не перегрузить его специфическими подробностями. Но практика работы по научно-технической обработке и описанию поступивших на госхранение документов показала, что имеется потребность в создании более фундаментальной методической базы.

Что касается экспертизы материалов, рассказывающих о простых людях, то опытные методисты дают хороший совет: «Значимость этих документов надо оценивать также и с точки зрения социально-психологической его насыщенности: не сообщая каких-либо ценных фактов, документ может ярко выражать мысли и настроения определенной социальной группы общества и тем самым представлять ценность как исторический источник»¹⁵. По-видимому, о подлинной ценности подобных документов смогут более объективно судить будущие поколения архивистов и исследователей.

«МИР ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ»

Через областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий архивисты подключились к проведению краеведческой конференции школьников «Мир через культуру». Учащиеся в течение года под руководством педагогов занимаются экспедиционной, исследовательской работой по различным направлениям знаний - истории, топонимике, географии, литературоведению, археологии. Результаты своих трудов представляют на научно-практической конференции. Работа идет по секциям.

Об огромном интересе к истории говорит тот факт, что на конференции в марте 1999 г. из восьми секций три были посвящены историческому краеведению и на них было прочитано 70 из 177 докладов. Что заставляет молодежь искать следы барских усадеб, наносить на карты места разрушенных в 1930-е годы храмов, фотографировать остатки спецпоселений, по крупницам собирать свидетельства жителей бывших затопленных рукотворным морем деревень? Наверное, юные исследователи инстинктивно ищут корни своего поколения во времени предыдущем. Они хотят знать правду, - не искаженную, добытую из первоисточников.

- Уровень докладов год от года повышается, - говорит методист Лариса Сергеевна Андрианова. - Шесть лет тому назад в двух-трех районах проводили серьезные конференции по краеведению, а на областной выступали в основном школьники из Вологды. Нынче почти во всех районах состоялись такие конференции, а на итоговую съехались самые сильные участники. Дети счастливы, что могут встретиться с такими же интересными сверстниками.

Районные и областная конференции «Мир через культуру» открывают и для архивистов неплохие возможности для выявления документов, которые уже собраны школьниками. И, конечно, лучше быть не пассивными наблюдателями, а играть активную роль в формировании интересов поисковых отрядов. Второй год на областной конференции «Мир через культуру» работает архивная секция. В состав жюри секции входят ученые Вологодского государственного педагогического университета - члены общества историков-архивистов, специалисты департамента образования и сотрудники управления по делам архивов администрации области. Начинают определяться критерии оценок докладов, в которых рассказывается о поиске документов, самих документах, о людях, в них запечатленных.

На одной из последних конференций представители музея имени Героя России Сергея Преминина г.Красавино Великоустюгского района и школы № 16 г. Вологды сдали в жюри копии актов о передаче в архив собранных ими документов. Секция ищет свое лицо и, несомненно, для ее участников на первом месте должен стоять документ и его судьба.

Заботясь о судьбе документов, мы вступаем во взаимоотношения со школьными музеями. Нелегко бывает убедить некоторых педагогов-энтузиастов, благодаря которым и существуют общественные музеи, в том, что хранение документов, обеспечение их безопасности - это отдельная самостоятельная область деятельности и лучше довериться профессионалам, а для школьных уроков и экспозиций можно использовать копии. Обычно возникает понимание, что архивистами движет беспокойство за сохранность того ценного, что является результатом бескорыстных усилий учителей и их подопечных.

По материалам конференций составляются обзоры докладов, прочитанных учащимися из районов, и рассылаются по районным архивам. Эта информация помогает архивистам связаться с теми поисковыми группами, у которых имеются интересующие архивы документы.

НАДО ДРУЖИТЬ С ЖУРНАЛИСТАМИ

Архивисты всегда считались традиционными авторами местных газет, радио и телевидения. Но в последние годы средства массовой информации изменились. Они весьма охотно помещают материалы, основанные на архивных источниках, если они касаются сенсаций или разоблачений, но будничная работа архивов их не привлекает. Теперь, чтобы выступить на страницах газет, прозвучать в эфире, нужно чем-то заинтересовать редакцию.

Сначала (в 1997 году) мы сделали «вброс» информации, играя на интересе СМИ к новостям. Сама программа, архивный конкурс стали хорошими информационными поводами для разъяснения намерений архивистов, важности сохранения домашних архивов, передачи их на государственное хранение. В областных и городских газетах прошла серия статей под характерными заголовками: «Судьба России - в судьбах вологжан», «Это все - наша история (вологодские историки и архивисты призывают сохранять личные архивы)», «Архивы нашей памяти. Не дайте им исчезнуть», «Все - о личных

архивах», «Личные архивы - хранить вечно» и т.п. Поддержали и районные архивисты, дав материалы в местные газеты «Внимание, конкурс!», «Судьба России - в наших судьбах», «Судьбы простое полотно (о конкурсе добровольных помощников архивистов)» и т.д.

На вологодском областном радио регулярно выделяется время для выступлений работников администрации области. Мы не преминули воспользоваться этой возможностью, чтобы рассказать и о программе, и о конкурсе. Через два года вновь выступили, уже с рассказом о подведении итогов конкурса и ходе выполнения программы.

В 1998 году в СМИ появились информации о первых поступлениях личных документов на госхранение, когда вологжане, откликнувшись на призыв, сами принесли в архив интересные материалы.

В начале 1999 года тема личных архивов вологжан вновь обрела широкую аудиторию в цикле получасовых передач «Далекое - близкое» на областном радио, подготовленных опытной журналисткой Нелли Орловой. Радиомузикальные композиции рассказывали о судьбах обладателей богатых домашних архивов, их стремлении запечатлеть ускользающее время. Отрывки из писем читали артисты театра. С комментарием по личным архивам выступала заведующая отделом комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства ГАВО М.Т. Попова. Передачи оказались настолько интересными, что все прозвучали в повторе.

Районные архивисты используют местные прессу, радио и телевидение. Вот что сообщила заведующая архивным отделом администрации Тарногского района Л.П. Цуркан в газете «Кокшеньга»: «В декабре 1998 года впервые за все годы существования районного государственного архива поступили на хранение документы личного происхождения - архив писателя-краеведа, заслуженного учителя РСФСР, почетного гражданина села Тарногский Городок Андрея Андреевича Угрюмова». Далее автор статьи «Архивы нашей памяти» подробно рассказывает о разнообразном составе этих документов и выражает огромную благодарность наследнице архива Е.А. Угрюмовой за бесценный вклад в дело сохранения истории края.

По телевидению Грязовецкого района выступила заведующая архивным отделом А.П. Березкина. Рассказать было о чем - местная группа «Поиск» Фроловского дома культуры стала одним из победителей архивного конкурса.

Принятые в архивы материалы личного происхождения позволяют подумать над их публикациями. С проектом рубрики

«Потомкам - в третье тысячелетие» мы обратились в редакцию старейшей областной газеты, которую читает не одно поколение вологжан, «Красный Север». У газеты есть еженедельное приложение «Зеркало», в нем редакция и решила помещать отрывки из писем, воспоминаний, дневников (разумеется, с разрешения их владельцев).

Редактор «Зеркала», журналист А.К. Сальников, сам глубоко интересуется культурно-исторической тематикой и бережно отнесся к нашим предложениям. Они заключаются в том, чтобы публикации выдерживались в едином стиле с постоянными элементами. Каждый материал снабжается коротким предисловием (его пишет архивный работник, ведущий раздел). В нем говорится об истории получения документов или об их авторе и т.п. В качестве заголовка используется самая яркая характерная цитата из публикуемых документов. Одно из обязательных условий - невмешательство в тексты, сохранение всех стилистических неправильностей, так как мы представляем архивный документ, и в том виде, в каком он дойдет до потомков. Фотографии тоже могут быть «обыкновенными»: снимающиеся серьезно смотрят прямо в объектив - это типичные фотографии многих семейных альбомов. И, конечно, обязательна ссылка на архив, куда поступили документы.

Цикл начали отрывком из воспоминаний ветерана войны и труда В.Ф. Лукичева о его матери, простой деревенской женщине, под заголовком: «А что люди-то о вас подумают?». Такие публикации находят своих читателей и напоминают им о возможности пополнить Архивный фонд собственными документами.

АРХИВ - АВТОРИТЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

Программа «Судьба России в судьбах вологжан» постепенно стала выходить из-под опеки ее непосредственных инициаторов и, к их радости, начала жить самостоятельной жизнью. Так, Вологодский областной архив новейшей политической истории объединил вокруг себя ветеранов КПСС и комсомола, проводит их анкетирование, устраивает выставки переданных ими личных документов. Недавно на государственный учет там поставлен первый самостоятельный личный фонд, насчитывающий более 140 единиц хранения.

Государственный архив Вологодской области, давно работающий с держателями личных фондов, в рамках программы «Судь-

ба...» стал более активно сотрудничать с творческими организациями, советами ветеранов войны и труда, средствами массовой информации. В результате список потенциальных фондообразователей пополнился именами владельцев обширных домашних архивов. С ними заключены предварительные договоры.

Нашлись заинтересованные люди и среди районных архивистов. Заведующая архивным отделом администрации Устюженского района Г.Н. Козырева давно вынашивала планы приема документов личного происхождения, а программа «Судьба...» укрепила ее в этих намерениях. Устюженский архив стал притягивать к себе краеведческие силы. Галина Анатольевна организовала районный архивный конкурс, проводит семинары с учителями школ, работает в контакте с Домом детского творчества.

Очень тесная связь установлена с сотрудниками местной газеты «Вперед», где постоянно печатаются материалы на архивные темы.

- Обо всех находках мы информируем население, - говорит Г.А. Козырева, - и люди откликаются: нам звонят, предлагают фотографии, воспоминания, советуют, где можно пополнить тот или иной материал.

В архиве сформированы коллекции документов личного происхождения на темы «Устюженский райпищекомбинат», «Развитие дошкольного воспитания в Устюженском районе», «Устюженская школа медсестер», «Устюженский техникум кормодобывания», «К 100-летию спиртзавода» и другие. Из личных архивов были получены уникальные почтовые открытки с видами Устюжны, заснятыми знаменитым в России фотографом С.Н. Проскуриным-Горским.

Летом при Устюженской школе № 2 впервые работал профильный краеведческий лагерь для старшекласников. Все собранные материалы они передавали в районный архив.

- Мы на практике убедились в необходимости заниматься пополнением архива документами личного происхождения, - продолжает Галина Анатольевна. - Это нужно прежде всего для истории. Но эта работа помогает и архиву быть авторитетным учреждением культуры, которое вызывает интерес у всех жителей района.

Активно идет прием документов личного происхождения в Сокольском районе. Недавно заведующая архивным отделом В.Л. Лукина приняла 30 дел (229 документов) от поисковых групп Марковской и Воробьевской школ.

Большой комплекс документов, отложившихся при подготовке Книги Памяти, передан в Грязовецкий районный архив от совета ветеранов.

Уникальные личные документы поступили в 1999 году в Междуреченский районный архив от старейшего медицинского работника района Н.И. Мартыновой. В состав ее личного фонда входят 58 общих тетрадей-дневников за 1950-1998 годы. Сообщая об этом факте в статье «Архив надежно сохранит», опубликованной в газете «Междуречье», заведующая архивным отделом администрации района Н.Ю. Мелетева поблагодарила Н.И. Мартынову «за правильное решение в отношении своих документальных ценностей».

Впервые начали комплектоваться материалами личного происхождения Тарногский, Кирилловский, Грязовецкий, Вожегодский, Никольский и другие архивы переменного состава документов. Имеются поступления от граждан и в Государственный архив Вологодской области - от фондообразователей, не числившихся в списках потенциальных.

* * *

Сейчас в стране велика потребность возродить утраченное, восстановить историческую память. Размах юношеского краеведческого движения - тоже не случайность. И архивы должны достойно ответить на потребности общества. А местные архивы выступают в качестве самых надежных мест хранения семейной истории - с соблюдением всех норм архивного законодательства, охраной тайны личной жизни.

Смысл этой работы состоит не только в пополнении Архивного фонда и создании источниковой базы для будущих исследователей, но и в ее воспитательном значении. Зарождение культуры личных архивов, наличие семейной хроники ведет к тому, что каждое деяние, каждый поступок, попадая в семейные анналы, становится значительным. Восстанавливаются связи между поколениями, что совершенно необходимо для сохранения стабильности общества.

Мы надеемся, что программа «Судьба России в судьбах вологжан» не окажется временной кампанией, а явится началом постоянной работы по формированию в наших архивах обширной документной базы для изучения истории человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ СУ. 1919. № 38. Ст. 374.

² ГАВО. Ф.62. Оп.1. Д.3. Л.1.

³ Там же. Л.5-6.

⁴ Там же. Д.94. Л.13-15.

⁵ Цветков С.Н. О составе и содержании документов личного происхождения облархива НПИ // Историческое краеведение и архивы. Вып.5. - Вологда, 1999. - С. 36.

⁶ ГАВО. Ф. 62. Оп.1. Д.37. Л.3-4.

⁷ Там же. Ф.4130. Оп.1. Д.34. Л.102.

⁸ Там же. Ф.4132. Оп.4. Д.40. Л.36.

⁹ Там же. Оп.1. Д.37. Л.116; Д.45. Л.5-6.

¹⁰ Мамонов В.М. Работа по собиранию документов личного происхождения // «Советские архивы». - 1987. № 4. - С.45.

¹¹ ГАВО. Ф.4132. Оп.6. Д.579. Л.1-3.

¹² Там же. Д.1271. Л.74-76.

¹³ Там же. Д.1821. Л.63-66.

¹⁴ Там же. Д.2042. Л.108-109.

¹⁵ Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения (литература и искусство). - М.,1990. - С.11.

Содержание

Архивной службе россии - 80 лет	3
Наумова О.А. АРХИВНЫЙ ФОНД ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ АРХИВНОГО ФОНДА РОССИИ	3
I. Малоизвестные страницы истории в документах	
XVII - первой половины XIX веков.....	12
Камкин А.В. СЕЛЬСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОГО СЕВЕРА XVIII-XIX ВЕКОВ	13
Белозеров Н.А. СТАВЛЕННИЧЕСКИЕ И СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА ВОЛОГОДСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛИТЕТА ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА XVIII ВЕКА	21
Алексеева Н.В. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРАКТИКИ ЦЕРКОВНОГО ПОКАЯНИЯ	28
Земляков И.А. НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗ ФОНДОВ ГАВО ПО ИСТОРИИ ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ XVIII в.	33
Тяпин И.Н. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВОЛОГОДСКОМ КРАЕ В ФОНДАХ ГАВО	38
Смирнов Ю.А. СЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ. НАЧАЛО ПУТИ	44
Скупинова Е.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖЕВЫХ КАРТ СОБРАНИЯ ГАВО ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ	52
II. На рубеже веков. Новые документальные источники	65
Голикова Н.И. ДОКУМЕНТЫ ГАВО О ДЕПОРТИРОВАННЫХ ГРАЖДАНАХ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.	66

Ядрихинская Н.И. ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФОНДА ВЕЛИКОУСТЮГСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО СТЕФАНО- ПРОКОПЬЕВСКОГО БРАТСТВА (1896-1918 гг.).....	71
Артемова О.В. АРХИВНЫЕ ФОНДЫ ВОЛОСТНЫХ КОМИТЕТОВ ПАРТИИ ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.....	80
Труханович Т.Ю. ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФОНДА ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ	84
Малахов Р.А. ДОКУМЕНТЫ СЪЕЗДОВ СОВЕТОВ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА 1918-1920-х гг.	96
Цветков С.Н. ЦЕРКОВНЫЕ БОГАТСТВА ДЛЯ ГОЛОДАЮЩИХ	101
Спасенкова И.В. КРЕСТНЫЕ ХОДЫ В ВОЛОГДЕ В 1920- 1930-е ГОДЫ	106

III. Документальные источники новейшего

времени	115
Кукушкин В.Л. МАТЕРИАЛЫ ГАВО И ВОАНПИ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ.....	116
Перебинос Ю.А. МАТЕРИАЛЫ ВОЛОГОДСКИХ АРХИВОВ ПО ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА КОНЦА 1920-х - НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ	119
Глумная М.Н. ФОНДЫ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В 1930-е гг.	127
Лукина В.Л. ОБЗОР ФОНДА КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ БЫВШИХ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ И КРАСНЫХ ПАРТИЗАН	143
Изюмова Л.В. ЭТАПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЙМОВ СРЕДИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ 1930-Х-1950-Х ГГ. ПО ДОКУМЕНТАМ ГАВО, ...	151
Обмолоткова Л.Н. ОБЗОР ФОНДА ВЫТЕГОРСКОГО РАЙОНА ГИДРОСООРУЖЕНИЙ, ...	157

Гилева Н.В. ДОКУМЕНТЫ ГАВО КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОЛОГОДСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 60-80-е ГОДЫ XX ВЕКА	160
Попов Ю.И. МИХАИЛ РУДНИЦКИЙ - КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬ, АДМИРАЛ, ЧЕЛОВЕК, ...	163
IV. Источники по истории культуры	
Вологодского края	165
Судаков Г.В. ПУШКИН КАК ИСТОРИК	166
Смирнов Ю.А. ВОСПИТАНИЕ СЕРДЕЦ ПИСЬМА ВОЛОГОДСКИХ ПОМЕЩИКОВ Ю.Ф. И А.П. МЕЖАКОВЫХ К СЫНОВЬЯМ, ...	173
Цветков С.Н. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ВОЛОГОДСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1937-1938 гг.	181
Лабичева Н.Д. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА	186
Балашова И.Б. ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ В 1952-1954 ГОДАХ. НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	194
ПУБЛИКАЦИИ	205
НКВД И СПАСЕНИЕ АНСАМБЛЯ ВОЛОГОДСКОГО КРЕМЛЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	205
V. Судьба России в судьбах вологжан,	
И.А. Кожевникова	213
ИСТОРИЯ И ДРЕВО ЖИЗНИ	215
«ХРАНЕНИЕ НА ДОМУ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ»	216
МЫ ДАРИМ БЕССМЕРТИЕ	220
НАШИ ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОМОШНИКИ	222
МЕТОДИКА ДЛЯ РАЙАРХИВОВ	224
«МИР ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ»	226
НАДО ДРУЖИТЬ С ЖУРНАЛИСТАМИ	227
АРХИВ - АВТОРИТЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ	229

Историческое краеведение и архивы: Материалы научно-практических конференций, Вологда, 30 октября 1998г., 16 марта 1999г. Вып.6. - Вологда, 2000.

Компьютерная верстка лаборатории ААТ управления по делам архивов администрации Вологодской области

Подписано в печать 09.06.2000

Формат 60х90/16.

Тираж 300 экз.   Зак. 2658

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист».

160001, г.Вологда, ул.Челюскинцев, 3.

тел.: (8172) 72-55-31, 72-61-75.